

Академия управления МВД России

А. И. Тамбовцев  
Н. В. Павличенко

# **ЭВОЛЮЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

*Монография*

Москва • 2021

УДК 343.98  
ББК 67.52  
П12

*Одобрено редакционно-издательским советом  
Академии управления МВД России*

**Рецензенты:** *Б.П. Смагоринский*, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (Волгоградская академия МВД России); *А.С. Самоделкин*, доктор юридических наук, доцент (ВНИИ МВД России).

П12

**Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В.**

Эволюция оперативно-розыскных мероприятий: монография / А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-907187-77-1

Книга содержит информацию об эволюции оперативно-розыскных мероприятий, их трансформации с учетом меняющейся объективной действительности. В ней определены сферы жизни общества и индивида, которые наиболее существенно повлияли на преобразование оперативно-розыскного инструментария. Предложена классификация оперативно-розыскных мероприятий, которая основана на чувственном и коммуникативном способах получения информации человеком.

Читателю предлагается заглянуть в будущее и представить, как будут выглядеть оперативно-розыскные мероприятия с учетом глобальной цифровизации, развития искусственного интеллекта, успехов машинного обучения и обработки больших объемов данных.

Издание предназначено для научных, практических работников, интересующихся проблемами оперативно-розыскной науки, а также преподавателей, аспирантов, адъюнктов и студентов (курсантов) образовательных организаций.

УДК 343.98  
ББК 67.52

© Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В., 2021  
ISBN 978-5-907187-77-1    © Академия управления МВД России, 2021

# ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                                                                                       |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Предисловие от авторов</b> .....                                                                                                                   | 4   |
| <b>Введение</b> .....                                                                                                                                 | 6   |
| <b>Глава 1. Компаративный анализ оперативно-розыскного инструментария</b> .....                                                                       | 10  |
| § 1. Оперативно-розыскные мероприятия:<br>генезис и современное состояние .....                                                                       | 10  |
| § 2. Классификация оперативно-розыскных мероприятий .....                                                                                             | 22  |
| § 2.1. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные<br>на чувственных способах получения информации .....                                             | 26  |
| § 2.2. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные<br>на коммуникативных способах получения информации .....                                         | 27  |
| § 2.3. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные<br>на использовании специальных технических средств .....                                         | 32  |
| <b>Глава 2. Трансформация оперативно-розыскных мероприятий<br/>в современных условиях</b> .....                                                       | 39  |
| § 1. Изменения жизни социума, влияющие на развитие<br>оперативно-розыскных мероприятий .....                                                          | 40  |
| § 2. Эволюция правоприменительной системы<br>и оперативно-розыскной инструментарий .....                                                              | 60  |
| § 3. Научно-технический прогресс<br>и оперативно-розыскные мероприятия .....                                                                          | 82  |
| § 4. Глобальные тренды в жизни индивида, влияющие<br>на трансформацию оперативно-розыскных мероприятий .....                                          | 93  |
| <b>Глава 3. Будущее оперативно-розыскного инструментария:<br/>прогнозы и перспективы</b> .....                                                        | 111 |
| § 1. Взаимопроникновение оперативно-розыскных<br>мероприятий и следственных действий: формирование<br>«оперативно-следственного» инструментария ..... | 111 |
| § 2. Оперативно-розыскные мероприятия будущего:<br>взгляд из 2021 года .....                                                                          | 128 |
| <b>Заключение</b> .....                                                                                                                               | 136 |
| <b>Список использованных источников</b> .....                                                                                                         | 140 |

## ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРОВ

Дорогие друзья! Вы держите в руках монографию, которая подготовлена нами в соавторстве (А. И. Тамбовцевым и Н.В. Павличенко) на основании размышлений об эволюции основного элемента оперативно-розыскной деятельности – оперативно-розыскных мероприятий.

Необходимость и актуальность данного издания обуславливается существенными трансформациями современного общества, происходящими во всех сферах: социальной, правовой, экономической, правоохранительной и т. п. Эти изменения, как оказалось, существенно влияют на оперативно-розыскной инструментарий, который приспосабливается под происходящие изменения и видоизменяется, иногда до неузнаваемости. А те, кто не смог приспособиться, отмирают как ненужные элементы.

Проведя компаративный анализ оперативно-розыскного инструментария, мы предложили классификацию оперативно-розыскных мероприятий, которая основана на чувственном и коммуникативном способах получения информации человеком. Кроме того, мы попытались определить те сферы жизни общества и индивида, которые наиболее существенно повлияли на преобразование оперативно-розыскного инструментария. И самое главное, в заключении мы пытаемся предсказать, как будут выглядеть оперативно-розыскные мероприятия в ближайшем будущем, с учетом глобальной цифровизации, развития искусственного интеллекта, успехов машинного обучения и обработки больших объемов данных.

Прежде чем мы начнем излагать суть заявленных ранее вопросов, просим разрешения дать нам возможность высказать слова признательности и искренней благодарности всем, кто участвовал в формулировании основных идей, а также уважаемым рецензентам.

Данная книга не могла бы появиться без участия коллективов Академии управления МВД России, Санкт-Петербургского университета МВД России, Омской академии МВД России, уважаемых ученых, оказавших весомую поддержку на разных этапах подготовки материалов исследования.

И, разумеется, издание не вышло бы в свет, если бы не невероятно плодотворное сотрудничество и вдумчивый подход, проявленные рецензентами: Б. П. Смагоринским, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным деятелем науки Российской Федерации (Волгоградская академия МВД России); А.С. Самоделкиным, доктором юридических наук (ВНИИ МВД России); ком-

ментаторами: В. Ф. Луговиком, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным юристом Российской Федерации (Омская академия МВД России); А. Е. Чечетиным, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным юристом Российской Федерации; С. И. Давыдовым, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным юристом Российской Федерации.

От имени авторского коллектива желаем вам увлекательного чтения и погружения в интереснейший мир научных знаний.

**Информация для обратной связи и отзывов:**

*Тамбовцев Андрей Иванович* – e-mail: bestcopat@mail.ru

*Павличенко Николай Владимирович* – e-mail: pavlichenko.pro@mail.ru

## ВВЕДЕНИЕ

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), прообразом и прародителем которой был сыск, является неотъемлемым элементом современной системы уголовного судопроизводства России, призванным своевременно обеспечить его (судопроизводство) достоверной информацией, способствующей быстрому раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел, привлечению виновных к ответственности, возмещению ущерба и др. Это закономерно нашло свое адекватное отражение в нормах ныне действующего Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД).

Так, ст. 1 «Оперативно-розыскная деятельность» указывает цели ОРД – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, а ст. 2. конкретизирует ее задачи по реализации декларируемых в ст. 1 целей: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; установление имущества, подлежащего конфискации.

Среди прочих задач статья перечисляет и добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации. Именно информация лежит в основе всей дальнейшей работы оперативных и следственных подразделений и является залогом их успеха. Достаточно сказать, что лексическая единица «информация» в разных падежных формах 37 раз встречается в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Именно на ее добывание, проверку и реализацию направлена оперативно-розыскная деятельность для достижения своих (и судопроизводства в целом) основных целей.

За свою многовековую историю оперативно-розыскная практика выработала и постепенно (конечно не без трудностей и ошибок, и не без помощи науки!) выпестовала уникальные методы и способы получения информации. Безусловно, в основе современного высокоэффективного оперативно-розыскного инструментария лежат базовые для любого человека (а по большому счету – любого живого существа высшего порядка) способы

получения и передачи информации – чувственные и коммуникативные, отчасти «инструментализированные» специально адаптированными под особые задачи и условия техническими средствами (давно имеющимися и общеприменимыми или впервые для этого разработанными и созданными).

Общие положения и проблематика теории оперативно-розыскной деятельности вообще, специфические особенности организации и тактики ее основного инструментария – оперативно-розыскных мероприятий (или – ОРМ) достаточно полно и многогранно изложены в большом количестве открытых и закрытых (секретных) академических (учебных) изданий<sup>1</sup> и в еще большем количестве научных работ – от тезисов и научных статей до статусных фундаментальных монографий и диссертаций, перечисление которых не представляется возможным, да, наверное, нецелесообразным из-за огромного количества публикаций по различным реперным точкам оперативно-розыскных мероприятий.

Несмотря на свою относительную молодость (по сравнению с иными отраслями Российского права – например уголовного, уголовно-процессуального, гражданского), теория ОРД, как общественная наука, достаточно быстро нашла свою нишу в кругу юридических и общегуманитарных наук, сформировала собственный понятийно-категориальный и научный аппарат, профессионально-юридический лексикон, специальные методы и методики познания. В том числе – и в отношении оперативно-розыскных мероприятий, как собственного инструментария.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Железняк Н. С. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник. Допущен Министерством образования и науки РФ в качестве учебника. Красноярск: Сибирский юридический институт ФСКН России, 2013. 296 с.; Коршунов В. М., Андреев И. А., Свистильников А. Б. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебно-методическое пособие. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2006. 146 с.; Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для юридических вузов. Допущен Минобрнауки РФ в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридической направленности. Москва: Юрайт, 2013. 410 с.; Оперативно-розыскная деятельность: учебник / А. В. Шахматов, О. А. Вагин, Н. П. Водько, К. К. Горяинов, А. П. Исиченко, М. К. Каретников, В. П. Кувалдин, В. А. Лукашов, В. И. Михайлов, Б. Я. Нагиленко, А. С. Овчинский, В. С. Овчинский, С. С. Овчинский, А. В. Опалев, В. И. Попов, И. В. Путова, Д. В. Ривман, А. А. Сумин, А. В. Федоров, В. Н. Хаустов и др. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2002. 794 с.; Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горянова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. Москва: Норма, 2017. 384 с.; Шумилов А. Ю. Основы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности: спецкурс лекций. Сер. Библиотека оперативника (открытый фонд). Москва: Индивидуальный предприниматель И. И. Шумилова, 1998.; и др.

Проведенные нашими предшественниками исследования всех без исключения оперативно-розыскных мероприятий и полученные результаты позволяли исследователям весьма категорично и небезосновательно заявлять о достаточно полном и всестороннем их изучении и возможности констатировать, как минимум, теоретическое решение имевшихся на момент исследования проблем, оставляя уже законодателям, ведомственным нормотворцам и практикам задачу по реализации и воплощению в жизнь теоретических научных разработок.

Однако жизнь не стоит на месте. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*<sup>1</sup>. Меняются политические и экономические условия, а также общественные отношения. Меняется сама жизнь. Меняется (прогрессирует) наука. И вчерашние, казалось бы, еще совсем свежие открытия и фундаментальные теории и постулаты сегодня уже не выглядят столь незыблемыми и бесспорными. Жизнь (а по сути – наука и практика) открывает новые, подчас революционные знания, уникальные потенциалы и неожиданные перспективы. В том числе и в области права вообще, оперативно-розыскной деятельности в частности и ОРМ – в особенности.

Учитывая стремительный прогресс во всех областях жизнедеятельности общества, признавая наличие и научную значимость более 50 аутентичных авторских определений понятия и сущности оперативно-розыскного мероприятия<sup>2</sup>, разработанных методик их подготовки, проведения и оформления, выявленных правовых, организационных, технических, психологических и других особенностей, с одной стороны, и сохраняющуюся при этом их полемичность, и научную незавершенность данной проблематики – с другой, мы не ставим своей целью синтез еще одной или нескольких дефиниций и терминологических конструкций в области ОРД, или разработку строгого алгоритма (рекомендаций) подготовки и проведения ОРМ. Этого уже сделано предостаточно, и процесс исследований отдельных оперативно-розыскных мероприятий достаточно успешно продолжается...

Целью работы является ретроспективный и сравнительно-содержательный анализ используемых в оперативно-розыскных

---

<sup>1</sup> Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / автор-составитель М. Гамзатов. Санкт-Петербург: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 436 (508 с.).

<sup>2</sup> Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2016. С. 65 (232 с.).

мероприятиях прикладных методов (средств) и способов получения информации в контексте объективно меняющихся реалий и инновационных технических разработок в жизни социума в целом и индивидов в частности. И как следствие – пробуждение прогностического интереса научной общественности, правоведов и правоприменителей к определению перспектив и направлений дальнейшего правового, организационного, технического, тактического, психологического и иного развития оперативно-розыскных мероприятий.

# ГЛАВА 1

## КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

### § 1. Оперативно-розыскные мероприятия: генезис и современное состояние

Оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), предоставленные правоприменителю статьей 6 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», являются не чем иным, как достаточно эффективным функционально-правовым<sup>1</sup> инструментарием оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Нужно признать, что его (инструментария) синтез и принятие на «вооружение» произошло не сиюминутно и одновременно с принятием в 1992 г. Закона РФ № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», и не в 1995 г. с принятием вышеупомянутого ныне действующего Закона об ОРД, а гораздо ранее – в период зарождения, становления и постепенного развития государства, общества и сыска, в виде прототипа современной оперативно-розыскной деятельности и одновременно необходимого атрибута государственного устройства.

Нами уже отмечалось единое происхождение, начальная общность и постепенное функционально-правовое разделение или, иными словами, размежевание (дистанцирование) уголовно-процессуального и оперативно-розыскного инструментария<sup>2</sup>, что в целом соответствует результатам исследований и доктринальным позициям российских авторов<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Данная характеристика является наиболее обобщенной и потому не отражающей абсолютно всех специфик ОРМ, включающих в себя познавательные, юридические, чувственные, психологические, рефлексивные, технические, химические, и иные аспекты, являющиеся основой тех или иных ОРМ (отмечено нами. – А. Т., Н. П.).

<sup>2</sup> См., напр.: *Тамбовцев А. И.* Негласный потенциал уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 173; *Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В.* Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 9–14.

<sup>3</sup> См. напр.: *Лядов А. О.* Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1997. 186 с.; *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.; *Мухаметшин Ф. Б.* Организационно-правовые основы становле-

Современные ученые имеют в большинстве своем единую позицию, что хотя процессуальные и оперативно-розыскные средства добывания информации, познания и доказывания были изначально едины в своем генезисе и сфокусированы на общую конечную цель, но постепенно, по мере своего развития, становились (и стали традиционно считаться) обособленными, а до некоторого времени – даже законодательно «полярными». Данный вопрос ранее неоднократно, целенаправленно и глубоко изучался, он детально рассмотрен в целом ряде научных трудов и, ввиду выхода за рамки нашей работы, будет освещен лишь фрагментарно.

Субъектное, функциональное и правовое<sup>1</sup> единство деятельностного вообще и познавательного, в частности, инструментариев в военном, правоприменительном, судебном и уголовно-исполнительном видах государственной деятельности в эпоху зарождения и развития общества и государства было обусловлено цельностью и неделимостью этих государственных институтов в начале своего развития. Последующее самостоятельное формирование и развитие каждого из указанных направлений закономерно повлекло их постепенное, но неизбежное разделение, автономную эволюцию и такую же постепенную трансформацию изначально общих методов и способов получения информации в обособленные специализированные инструментарии, нацеленные на решение узковедомственных задач.

Процессуальный инструментарий развивался по пути выработки единообразных унифицированных процедур и форм, обеспечивающих доказывание причастности лица к преступлению и его виновности посредством документально подтвержденных, стандартно выполненных и шаблонно (вплоть до использования единого формализованного бланка) оформленных фактов обнаружения (получения) и исследования материальных и идеальных следов (то есть информации), являющихся потенциальными доказательствами.

---

ния и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России (IX–начало XX века): дис. ... д-ра. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 360 с.; *Амлеева Т.Ю.* История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв): дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва: Московский Государственный институт международных отношений, 2009. 457 с.; *Захарцев С.И.* Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... д-ра. юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2004. 397 с.; *Шахматов А.В.* Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (историко-правовое исследование российской опыта): дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2005. 438 с.; и др.

<sup>1</sup> Условно правовыми можно считать первые попытки «государственных» деятелей древности (вожди, князья, цари и пр.) изначально примитивного и со временем развиваемого нормативного регулирования военной, правоприменительной, судебной и уголовно-исполнительной деятельности Государства (отмечено нами. – А. Т., Н. П.).

Главным и бесспорным достоинством процессуальных методов была их строгая, на уровне Закона, регламентация и доказательственная обеспеченность. Постепенно отдельные прикладные правила уголовного судопроизводства и используемые при этом меры защиты общечеловеческих и гражданских прав и свобод нашли свое нормативное выражение в конституционных принципах, правах и свободах.

Уголовно-процессуальный кодекс воплотил ведомственные практические «наработки» и отдельные Конституционные положения в принципы уголовного процесса, строго алгоритмизированные процессуальные (следственные и иные) действия и процедуры. При этом он постоянно и целенаправленно эволюционировал до нынешнего состояния (структуры, содержания и статуса). Основными недостатками процессуального инструментария являлись (а, по нашему убеждению, отчасти продолжают являться) – чрезмерная процессуализация и стандартизация, и обусловленная этим нередкая запоздалость, имеющая критическое значение, а также заложенное в тексте изначально предвзятое отношение к действиям / показаниям участников процесса со стороны обвинения (при декларации полного равноправия и состязательности сторон).

В отличие от следственного, генезис оперативного инструментария шел по более свободному и творческому пути, посредством разработки не шаблонных и стереотипных, а максимально вариативных (трудно просчитываемых и прогнозируемых, не предполагаемых оппонентами) негласных, наступательных, а потому более быстрых, действенных и эффективных способов получения достоверной информации, обеспечивающей уголовный процесс необходимыми для изобличения виновных и раскрытия преступлений сведениями. Иногда в ущерб их доказательственному значению, что в определенных ситуациях можно было все-таки признать прагматичным. Приоритетами оперативно-розыскного инструментария были (и остаются) оперативность в значении скорости, быстроты и негласности получения информации и ее безупречная (или хотя бы максимально возможная) достоверность.

Основным преимуществом оперативного инструментария всегда являлась и является возможность быстрого и нестандартного (конечно же в рамках правового поля!) добывания и использования хоть и непроцессуальной, но достоверной информации, что, несомненно, лучше ее полного отсутствия из-за невозможности получения следственным путем. Непроцессуальная, но правдивая информация не может (вернее – не могла до недавнего времени!) быть использована в процессе доказывания, но позволяет работать с ней непроцессуально – проверять, анализировать, совершать логические операции, делать на ее основе выводы, основываясь на ней, искать иные источники доказательствен-

ной информации и как следствие этого – получать уже процессуальную информацию, т. е. доказательства.

При этом классический сыск (оперативно-розыскная деятельность в современном ее понимании), существуя и функционально прогрессируя в реальности и обеспечивая уголовный процесс необходимыми сведениями и действиями, до недавнего времени фактически не имел не только нормативного, но и вообще – какого-либо правового регулирования, за исключением отдельных «закрытых» ведомственных Наставлений и Инструкций прикладного характера. Это повлияло на формирование основных общепризнанных недостатков оперативного инструментария – негативное отношение социума в целом к оперативной информации, сохраняющаяся, к сожалению, до настоящего времени, правовая неопределенность инструментария в целом, полемичность оснований и условий, доказательственная ущербность полученных результатов, а порой и объективная невозможность их представления в суд.

В XIX и XX вв. основные концепции обоих (уголовно-процессуального и оперативно-розыскного) инструментариев фактически сформировались. Их дальнейшее развитие носило уже не стремительный радикально-революционный, а относительно неспешный последовательно-эволюционный характер и обуславливалось происходящими в обществе прогрессивными изменениями в сферах политики, государственного устройства, экономики, промышленных и общественных технологий, юриспруденции, социальной области и пр., которые, изменяясь, трансформировали мир вокруг себя и требовали своевременного адекватного изменения методов получения и фиксации оперативно-розыскной информации.

Российскими и зарубежными исследователями XX в. предпринимались неоднократные попытки (к сожалению, только на уровне теоретических моделей и предложений) оптимизации как процессуального, так и оперативно-розыскного инструментариев, особенно в сфере сбора информации и предоставления ее в суд. В рамках рассматриваемого вопроса остановимся на наиболее заметных из них.

Еще в 1922 г. (то есть почти 100 лет назад) А. Волмером были сформулированы концептуальные принципы повышения эффективности работы полиции, не потерявшие актуальности до настоящего времени<sup>1</sup>. Среди интересных и гипотетически перспективных универсальных

---

<sup>1</sup> Цит. по: Carte G. E. & Carte E. H. Police reform in the United States: The era of August Vollmer, 1905–1932. Berkeley: University of California Press, 1975. P. 56–57. (Смол П. Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России. Научное издание / под общ. ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, издательство «Алетейя», 2000. С. 23 (288 с.).

предложений по упрощению судебных процедур, сокращению сроков следствия, снижению стоимости судопроизводства и др. была предложена новация, касающаяся исключительно оперативно-розыскной составляющей – возможности передачи оперативной информации непосредственно в суд. Тем самым устранялись бы «бюрократическая многоступенчатость» и затянутость, свойственные типичному расследованию уголовного дела, предоставляя уже суду право непосредственной оценки доказательственного значения оперативных материалов и последующего принятия решения. Полагаем, что указанную инициативу можно рассматривать именно как попытку качественного улучшения оперативно-розыскного инструментария – придания ему еще большей оперативности и «доказательственности». К сожалению, российская правовая система (и в частности ее оперативно-розыскной компонент) не реализовала эту идею, нашедшую если и не всеобъемлющее, то, по крайней мере, хотя бы частичное воплощение в Америке. Возможными причинами могут являться как неизвестность в Советском Союзе этого несомненно новаторского и рационального предложения, так и объективная разница судебных и правоохранительных систем Запада и Советского Союза, а также, возможно, и персональные политические амбиции высшего руководства страны, и нежелание заимствовать у Запада любые, даже прогрессивные и в перспективе выгодные концепты.

Аналогичный российский пример. В 70-х гг. XX в. в Советском Союзе (в период действия УПК РСФСР 1960 г.) правоведы А. В. Дулов и П. Д. Нестеренко предлагали интереснейшую новаторскую идею закрепления в законе универсальной совокупности следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия – «тактического эксперимента». Суть его заключалась в тайном, но при этом протоколируемом наблюдении за ожидаемым поведением подозреваемого (фигуранта)<sup>1</sup>. Фактически ими был предложен функционально-правовой симбиоз следственного эксперимента, оперативного эксперимента и наблюдения, со всеми свойственными им преимуществами – негласностью, оперативностью, процедурой и итоговым высочайшим доказательственным потенциалом. Хотя эта инициатива также не была реализована по неизвестным нам причинам, само предложение наглядно демонстрирует перманентные попытки российских (советских) правоприменителей по оптимизации оперативно-розыскного инструментария как составной части уголовного судопроизводства в целом.

Кроме того, положения, выносимые на защиту (фактически – идеи по улучшению организации и тактики подготовки и проведения отдель-

---

<sup>1</sup> Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 210–231.

ных ОРМ) в многочисленных диссертационных исследованиях проблематики оперативно-розыскного инструментария конца XX – начала XXI вв., и научные работы (статьи) соответствующей тематики также следует признать теоретическими попытками обновления, оптимизации и усовершенствования этого инструментария.

Несмотря на объективную необходимость реформирования данного направления деятельности (по данному вопросу положительно высказались более 70 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений), законодатель ограничивается фрагментарными изменениями оперативно-розыскного закона, а вопросы кардинального совершенствования применения и использования оперативно-розыскного инструментария оставляет на потом. Исключением из этого правила являются внесенные изменения в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», касающиеся нового оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации», которое введено в действие Федеральным законом от 06.07.2016 № 374-ФЗ.

Необходимо признать, что ряд стран ближнего зарубежья, имея в фундаментальной правовой основе оперативно-розыскной деятельности полный аналог российского Федерального закона об ОРД, решились на более радикальные шаги и провели реформирование оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, направленного на оптимизацию получения изобличающих преступников сведений и упрощение процедуры их (сведений) внедрения в уголовный процесс. В первую очередь это касается Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Сказанное говорит о том, что оперативно-розыскные мероприятия – это живая материя, которая подлежит совершенствованию и трансформации в зависимости от изменений объективной действительности. Важнейшим обстоятельством и основанием для написания данной работы является то, что генезис оперативно-розыскного инструментария (впрочем, как и процессуального) не закончился созданием и принятием на «вооружение» ряда ОРМ некоего универсального характера, а продолжается до настоящего времени, будучи обусловленным эволюционными и революционными изменениями научно-технического прогресса, общества, правоотношений и пр. Работы ряда российских ученых различных отраслей права и социальных наук наглядно свидетельствуют о непрекращающемся интересе к генезису и перспективам оперативно-розыскного инструментария во всевозможных направлениях<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. Красноярск: СибЮИ МВД Рос-

Предваряя дальнейшие рассуждения, с удовлетворением отмечаем проведенный нашими предшественниками глубокий, всесторонний и многофакторный анализ генезиса оперативно-розыскного инструментария, перспектив, тенденций и направлений его дальнейшего развития. Научная проницательность и прогностическая прозорливость наших уважаемых коллег нашли свое отражение в указанных нами и многих других работах. Однако считаем допустимым, тем не менее, отметить все еще имеющуюся относительную незавершенность данной проблематики и возможность дальнейших изысканий в этой области.

Как и любой инструментарий, сыскной (оперативно-розыскной) возник не вдруг и не из ниоткуда, а постепенно создавался на основе чувственных и коммуникативных способов получения информации и с развитием общества и технологий культивировался для наиболее рационального (в смысле экономичности ресурсозатрат – времени, техники, кадров, стоимости и пр.) и максимально эффективного достижения основной цели данного вида деятельности – быстрого, открытого, легендированного или полностью тайного получения (как правило в условиях противодействия) различных видов в основном скрываемой информации. Он был всецело основан на объективных социально-экономических, политических, морально-правовых, технических и т. п. реалиях достаточного протяженного периода времени, аккумулируя в себе их проявления. Принятый первоначально в 1992 г., а затем в 1995 г. Федеральный закон об ОРД не «подарил» обществу новый (т. е. впервые и из ничего созданный) оперативно-розыскной инструментарий, а лишь юридически закрепил и тем самым нормативно имплементировал в практическое применение сформулированный к тому конкретному моменту конечный перечень оперативно-розыскных мероприятий, уже давно и успешно применяемых для решения задач ОРД. Но время объективно заставило общество корректировать как сам перечень, так и функциональную составляющую ОРМ в соответствии с изменениями практически всех сторон жизни.

---

сии, 2019. 332 с.; *Овчинский В. С.* Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.; *Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников.* СПбУ: СПбУ МВД России, 2006. 315 с.; *Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников.* Москва: Норма, 2015. 400 с.; *Осипенко А.Л.* Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2009. 479 с.; *Чечетин А.Е.* Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2016. 232 с.; и др.

Вступление в силу закона об ОРД не только легитимизировало оперативно-розыскную деятельность вообще и ОРМ в частности, но и совершенно обоснованно катализировало отдельные, самые первые научные изыскания в области ОРД, начатые ранее, еще в конце 50-х и начале 60-х гг., и инициировало череду последующих важнейших исследований в этой сфере, в том числе – посвященных изучению сущностных, организационно-правовых, психологических, технических и иных деятельностных аспектов осуществления оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в законе. Проводя ретроспективный анализ генезиса того или иного оперативно-розыскного мероприятия, рассматривая историю их становления и развития от зарождения до современного статуса и состояния, исследователи изучали их познавательное (а также – правовое, техническое и пр.) соответствие современности, то есть времени проведения исследования, возможности и направления последующей оптимизации.

Концептуальные основы теории ОРД в целом, методологии, организационно-тактического, правового, технического, информационного, психологического и иного обеспечения оперативно-розыскных мероприятий, как оперативно-розыскного инструментария в частности, были разработаны и представлены в монографических трудах основоположников оперативно-розыскной деятельности второй половины XX в. – А. А. Алексеева, А. Ф. Волинского, Д. В. Гребельского, В. В. Дюкова, Г. К. Синилова, А. Г. Лекаря (одно из первых определений оперативно-розыскных мероприятий 1966 г.), Е. А. Лукашева, В. А. Митрофанова, С. С. Овчинского и др. – еще задолго до принятия в 1992 г. закона РФ № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации».

Это наглядно подтверждало объективное существование в государстве социально-правового института оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий как его неотъемлемой структурной части, независимо от юридического признания, наличия и полноты нормативного регулирования этих общественных отношений. Официально отсутствуя (за исключением отдельных фраз и предложений в Основах законодательства) в нормах Закона, оперативно-розыскной инструментарий существовал фактически. Этот социально-правовой феномен может быть прокомментирован следующими тезисами:

во-первых, право, как вторичная структура – «надстройка» дуалистической общественной формации «базис-надстройка», всегда является следствием и объективно зависит от причины – «базиса» (совокупности реально развивающихся экономических общественных отношений). Базис определяет надстройку, а последняя

не только отражает и закрепляет базис, но и создает (или тормозит) нормативно-правовые условия его развития<sup>1</sup>. Оперативно-розыскные отношения не являются исключением из этого постулата, а потому их правовая регламентация всегда будет лишь более или менее запоздалым следствием перманентного развития общественных отношений. То есть в данном случае налицо реализация мудрейшего наблюдения древних юристов, выраженное в постулате: «Per varios actus, legem experiential facit – через многие действия опыт создает право (т. е. право создается опытом)»<sup>2</sup>. Прикладная правоприменительная практика со временем воплотилась в правовые нормы;

во-вторых, оперативно-розыскная деятельность (в том числе ее инструментарий) длительное время считалась не самостоятельной и потому требующей собственной правовой регламентации, а составной, и более того – вспомогательной, частью уголовного процесса, уже давно регламентированного уголовно-процессуальным кодексом;

в-третьих, учитывая свойственную этим многовековым отношениям традиционную секретность, предоставляющую определенные тактические преимущества в решении правоохранительных задач, государство, в лице своих компетентных органов и должностных лиц, не торопилось предавать их гласности путем принятия нормативного правового акта уровня Федерального закона. Это вполне ожидаемо и предсказуемо повлекло бы последующее масштабное критическое и тенденциозно-предвзятое (не только рационально-научное, но и дилетанско-обывательское) обсуждение, осуждение, нападки и попытки очернить и запретить. Это, собственно, и произошло немедленно после опубликования закона об ОРД и продолжается до сих пор.

С момента закрепления перечня оперативно-розыскных мероприятий на законодательном уровне в 1992 г. (мы имеем в виду первый закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации») проведен комплекс исследований отдельных оперативно-розыскных мероприятий (В. Г. Бирлькин, В. В. Важенин, О. Ф. Вертлиб, И. С. Даянов, И. А. Жук, М. А. Маторин, В. А. Муха-

---

<sup>1</sup> Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия» Базис и надстройка. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad6abc624895ad21e87aad> (дата обращения: 13.05.2020).

<sup>2</sup> Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / автор-составитель М. Гамзатов. Санкт-Петербург: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 320 (508 с.).

чев, А.Г. Рябинин, В.А. Литвинов, С.Б. Салахов, Н.А. Шурыгин, А.А. Черных, Е.Н. Яковец и ряд других).

Фундаментальные исследования данной проблематики и доктринальные работы о сущности ОРМ были представлены виднейшими российскими учеными В.М. Аتماжитовым, В.Г. Бобровым, Ю.С. Блиновым, А.М. Ефремовым, Н.С. Железняком, С.И. Захарцевым, Ю.Ф. Квашой, И.А. Климовым, К.В. Сурковым, А.Е. Чечетиным, А.Ю. Шумиловым и рядом других.

Диссертационные исследования различных (не только сугубо оперативно-розыскных, но также психологических, технических, информационных и др.) аспектов абсолютно всех ОРМ проводились многочисленными представителями российских научных школ, общегосударственных и ведомственных учебных заведений и позволили сформироваться (и отчасти – реализоваться) современному научному пониманию и функционально-правовому состоянию института оперативно-розыскных мероприятий.

Результаты всех этих исследований, несомненно, имели, а многие продолжают иметь важнейшее значение в науке ОРД, в части познания сущности конкретных ОРМ, синтеза основополагающего понятийного аппарата, определения наиболее эффективного алгоритма подготовки, проведения и документального оформления, а также иных особенностей этого оперативно-розыскного инструментария.

Однако следует признать, что любой инструмент как «целевое средство воздействия на объект»<sup>1</sup>, а тем более – такой уникальный узкоспециализированный сыскной инструментарий, есть отражение существующей действительности, показывающее его (инструментария) правовое, техническое, психологическое и пр. соответствие современным достижениям и технологиям и способность познавать актуальные на данный момент времени сферы жизнедеятельности общества и индивида.

Даже несмотря на то, что в его основе лежат всего два (казалось бы не связанных с технологиями) способа получения информации – основанный на чувственном восприятии и на коммуникативном (о чем будет сказано далее), оперативно-розыскной инструментарий все равно есть некое прикладное материально-техническое и функционально-правовое воплощение технологий и достижений определенного исторического периода жизни общества в средство (механизм, алгоритм, методика и т. п.) познания определенных сторон этой жизни или воздействия на них. А значит и с объективными изменениями социаль-

---

<sup>1</sup> URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Инструмент> (дата обращения: 21.03.2020).

но-экономических, политических, технологических и мн. др. реалий возникает насущная необходимость и обусловленность соразмерного, адекватного изменения инструментов познания, их адаптации под поменявшиеся или даже вновь появившиеся условия и требования.

Другими словами – стремительно и кардинально изменившийся за несколько десятилетий конца XX и начала XXI вв. ареал, формат, темп, правовая среда, мораль, ценностные приоритеты, техническая оснащенность и т. п. жизни современного общества и отдельного человека объективно влияют на действенность и эффективность существующего оперативно-розыскного инструментария в совокупности его средств и методов, и независимо от наших желаний требуют его своевременного адекватного обновления, адаптации, замены, пополнения и, возможно, увы, – «списания», отказа от использования. Например, технический прогресс создал проводной телефон, а сыск взял на вооружение такую его техническую особенность, как возможность контролировать (слушать) разговоры абонентов. Так зародилось оперативно-розыскное мероприятие «Прослушивание телефонных переговоров», тогда еще не имевшее этого официального названия. Но вызванный дальнейшим прогрессом практически повсеместный отказ общества от использования стационарных (проводных) телефонов и массовый переход на мобильную беспроводную связь и текстовое общение (SMS) поставил под серьезное сомнение актуальность ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» в части касающейся именно стационарных проводных и отчасти – мобильных (сотовых) телефонных аппаратов. И одновременно усилил актуальность и значимость ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи».

Еще более ярким примером потери отдельными оперативно-розыскными мероприятиями своей значимости и необходимости ревизии ОРМ является почти полное прекращение людьми общения посредством почтовых писем и переход на доступные и быстрые коммуникативные онлайн-сервисы. Исключением являются почтовые отправления посредством таких служб доставки, как DHL, FEDEX, PONY-EXPRESS и др., основным объектом перемещений которых являются не письма (в смысле текстовые сообщения на бумаге), а личные и корпоративные документы, ценные бумаги, предметы – ключи, книги, CD-диски, электронные носители информации и мн. др. В таких условиях оперативно-розыскное мероприятие «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», в части перлюстрации<sup>1</sup> – негласного ознакомления

---

<sup>1</sup> Перлюстрация (от лат. *perlustro* – обзреваю) – просмотр личной пересылаемой корреспонденции, совершаемый втайне от отправителя и получателя. В отличие

с содержанием текста, имевшее актуальность и целесообразность еще 20–30 лет назад, сегодня представляется несколько рудиментарным, особенно в части контроля именно текста писем, а не вещного содержания посылок и бандеролей. Определенную полемичность из-за функциональной «схожести», противоположной частоты и практики использования может вызывать допускаемая ст. 91 «Переписка осужденных к лишению свободы, переводы денежных средств» Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и ст.ст. 20 «Переписка» и 21 «Направление предложений, заявлений и жалоб» Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» до сих пор активно применяемая цензура корреспонденции заключенных. Однако стоит отметить ее принципиально иную от рассматриваемого ОРМ детерминацию, целевую направленность и правовой статус, а также признанную Конституционным Судом России полную конституционность и легитимность<sup>1</sup>.

В заключении этого параграфа можно сделать вывод, что оперативно-розыскные мероприятия, как объект научного познания, а также в прикладном понимании – как инструментарий оперативно-розыскной деятельности сформировались в современном понимании этого словосочетания только в конце XX в. Вместе с тем, в теоретическом плане споры относительно понятия, сущности и содержания оперативно-розыскных мероприятий, их разграничения от методов оперативно-розыскной деятельности, а также действий и мер продолжают до сих пор.

Кроме того, эволюция оперативно-розыскных мероприятий, вызванная объективными изменениями социально-экономических, политических, технологических и мн. др. реалий, – это перманентный процесс, и мы докажем это в рамках последующих параграфов нашего исследования.

---

от военной цензуры, перлюстрация всегда совершается в тайне. Также следует отличать перлюстрацию от законного и санкционированного в установленном порядке досмотра (выемки) сообщений конкретных отправителей или получателей. Изначально понятие «перлюстрация» касалось лишь почтовой корреспонденции, однако последнее время используется и в отношении других документальных средств связи – от телеграфа до электронной почты. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Перлюстрация> (дата обращения: 18.05.2020).

<sup>1</sup> По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 20-П. Судебные решения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 3 (106). С. 32–41.

## § 2. Классификация оперативно-розыскных мероприятий

Абсолютно все современные академические (учебные) и научные источники (отдельные авторы и авторские коллективы) единодушны в том, что оперативно-розыскные мероприятия являются составным структурным элементом ОРД, состоящим из системы взаимосвязанных действий, направленных на решение конкретных тактических задач. Данные мероприятия носят разведывательно-поисковый характер и направлены на получение информации<sup>1</sup>.

А. Е. Чечетин, определив предметом своего исследования именно оперативно-розыскные мероприятия, говорит, что оперативно-розыскная деятельность, как следует из ее определения, сформулированного в ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Коль скоро оперативно-розыскные мероприятия составляют первооснову оперативно-розыскной деятельности, ее содержание, то теоретическое исследование ее проблем должно охватывать прежде всего изучение оперативно-розыскных мероприятий<sup>2</sup>.

Важность изучения оперативно-розыскного инструментария подтверждает Н. С. Железняк, который считает, что оперативно-розыскные мероприятия – это суть (соль) оперативно-розыскной деятельности, и именно оперативно-розыскные мероприятия являются основным содержанием оперативно-розыскной деятельности. В подтверждение своих слов он приводит анализ закона об оперативно-розыскной деятельности, где более сорока раз используется словосочетание «оперативно-розыскные мероприятия» в различ-

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Железняк Н. С.* Основы оперативно-розыскной деятельности: конспективные ответы на традиционные вопросы: учебное пособие для сотрудников оперативных подразделений, преподавателей и студентов юридических вузов. 3-е изд., испр. и доп. Красноярск: Сибирский юридический институт ФСКН России, 2003. 71 с.; *Теория оперативно-розыскной деятельности: краткий учебный курс* / О. А. Вагин, К. К. Горяинов, А. В. Земскова, А. П. Исиченко, И. А. Климов, О. Г. Ковалев, А. И. Конов, В. А. Нетреба, В. С. Овчинский, Г. К. Синилов, А. В. Федоров, В. В. Черников. Москва: Юридическое издательство «Норма», 2006. 367 с.; *Маркушин А. Г.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям. Москва: Юрайт, 2012. 399 с.; *Дубоносов Е. С.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / Е. С. Дубоносов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013. 442 с.; *Ахмедов А. Г., Бухаров Н. Н., Тамбовцев А. И., Шахматов А. В. и др.* Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 156 (276 с.); и др.

<sup>2</sup> *Чечетин А. Е.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. Москва: Издательский дом И. И. Шумиловой, 2006. С. 3.

ных падежных формах<sup>1</sup>. Современная оперативно-розыскная наука оперирует несколькими общепризнанными классификациями оперативно-розыскных мероприятий, в основу которых положены разнообразные их характеристики. Наиболее распространенными (но далеко не единственными и не универсальными) являются следующие классификации ОРМ:

- проводимые гласно / негласно / избирательно (и так, и так);
- не санкционируемые / ведомственно санкционируемые / судебно санкционируемые;
- ограничивающие конституционные права / не ограничивающие;
- проводимые общими субъектами / проводимые специальными субъектами.

Однако в контексте данной работы нам представляется более целесообразной классификация, в основу которой положены способы получения информации человеком, основными из которых являются – чувственный и коммуникативный. Именно такая классификация, на наш взгляд, позволит наиболее ярко прокомментировать и аргументированно обосновать грядущие изменения ОРМ и их детерминанты, хотя и она является достаточно условной.

Природа наделила всех нас пятью органами чувств – зрением, слухом, осязанием, обонянием и вкусом. Именно посредством этих органов любой человек может получать первичную чувственную информацию. С самого рождения ребенок получает через них первую, ранее не известную ему информацию – прикосновение теплых рук матери, звук, тембр и интонация ее голоса, запах и вкус молока и пр. и приобретает опытные знания об этом. Со временем, с приобретением положительного и отрицательного опыта, возможности чувственного получения и оценки информации прогрессируют. Однако персональные способности и навыки получения (не оценки, ибо это уже следующая за восприятием информации мыслительная деятельность) чувственной информации могут совершенствоваться и развиваться лишь ограниченно, в достаточно узких, лимитированных анатомией и физиологией человека пределах. Кардинально все меняет технический прогресс, который позволяет значительно улучшить наши относительно примитивные органы чувств исполь-

---

<sup>1</sup> Железняк Н. С. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2010. С. 16–17.

зованием (применением) специальных инструментов, техники и технологий. Именно технические, изначально простые, но со временем все более сложные средства и приборы дают возможность найти и «почувствовать» то, что не под силу естественным органам чувств человека. Тем не менее, все-таки органы чувств являются первым для человека каналом и способом получения информации.

Иным способом получения и передачи информации является коммуникация – сложный многогранный процесс межличностного общения. В отличие от органов чувств, осознанная коммуникация является «вторичным» каналом получения и обмена информацией и полностью формируется намного позже чувственного, данного нам от рождения<sup>1</sup>. Она может быть речевой, письменной, жестовой, мимической и пр. Кроме того, обмен информацией между людьми возможен посредством знаковых систем (ноты, дорожные и пр. знаки, рисунки, смайлики, шифры), языков программирования (кодирования) и др. При этом общение (коммуникация) бывает как непосредственным, «вживую», так и опосредованным – с использованием разнообразных технических средств, почты, тайников и пр.

Основываясь на вышесказанном, считая оперативно-розыскные мероприятия приспособленными под специфические задачи ОРД способами получения (а при необходимости и передачи) информации, можно утверждать, что в их основе лежат чувственные и коммуникативные методы, которые могут взаимодополняться и «пересекаться» (в допустимых правовых и процедурно-функциональных границах), а также усиливаться и оптимизироваться техническими средствами для достижения максимальной эффективности. С некоторой долей условности оперативно-розыскные мероприятия в целях настоящей работы можно разделить на следующие группы (см. табл. № 1).

---

<sup>1</sup> В данном случае мы не рассматриваем элементы неосознанной коммуникации на уровне проявления врожденных рефлексов – произвольной демонстрации реакций организма на внешние и внутренние раздражители (свет, температура, прикосновения, голод, жажда и пр.), которая может быть «считана» и адекватно интерпретирована другим мыслящим реципиентом, например, более взрослым и опытным. Таким является общение матери и младенца. Но при этом в силу определенных обстоятельств (например, психической болезни, травмы или особенностей развития) ребенок может никогда не получить способности к осознанной коммуникации или утратить ранее полученные.

## Способы получения информации, используемые при проведении ОРМ

| Оперативно-розыскные мероприятия                                                         | Способы получения / фиксации информации |      |          |                 |      |         |            |           |                      |   |
|------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------|------|----------|-----------------|------|---------|------------|-----------|----------------------|---|
|                                                                                          | Чувственные                             |      |          | Коммуникативные |      |         |            |           |                      |   |
|                                                                                          | зрение                                  | слух | осязание | обоняние        | вкус | речевые | письменные | получение | технические фиксации |   |
| 1. Опрос                                                                                 | х                                       | х    |          |                 |      | х       | х          |           | х                    |   |
| Опрос с полиграфом                                                                       | х                                       | х    | х        |                 |      | х       |            | х         |                      | х |
| 2. Наведение справок                                                                     |                                         |      |          |                 |      | х       | х          | х         |                      | х |
| 3. Сбор образцов для сравнительного исследования                                         | х                                       | х    | х        | х               | х    | х       | х          | х         |                      | х |
| 4. Проверочная закупка                                                                   |                                         |      | х        | х               | х    | х       | х          | х         |                      | х |
| 5. Исследование предметов и документов                                                   | х                                       | х    | х        | х               | х    |         |            | х         |                      | х |
| 6. Наблюдение скрытое                                                                    | х                                       | х    |          |                 |      | х       |            | х         |                      | х |
| электрооное                                                                              | х                                       | х    |          |                 |      |         |            | х         |                      | х |
| 7. Отождествление личности                                                               | х                                       | х    | х        | х               |      | х       | х          | х         |                      | х |
| 8. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств | х                                       | х    | х        | х               | х    | х       |            | х         |                      | х |
| 9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений                           | х                                       | х    | х        | х               |      |         | х          | х         |                      | х |
| 10. Прослушивание телефонных переговоров                                                 |                                         | х    |          |                 |      |         |            | х         |                      | х |
| 11. Снятие информации с технических каналов связи                                        | х                                       | х    |          |                 |      | х       | х          | х         |                      | х |
| 12. Оперативное внедрение                                                                | х                                       | х    |          |                 |      | х       |            |           |                      | х |
| 13. Контролируемая поставка                                                              | х                                       |      |          |                 |      | х       | х          | х         |                      | х |
| 14. Оперативный эксперимент                                                              | х                                       | х    | х        | х               |      | х       | х          | х         |                      | х |
| 15. Получение компьютерной информации                                                    | х                                       |      |          |                 |      |         |            | х         |                      | х |

## **§ 2.1. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные на чувственных способах получения информации**

Как уже было сказано, первичными средствами получения информации любым человеком являются данные нам природой органы чувств – зрение, слух, осязание, обоняние, вкус. В отличие от коммуникативных способов, изначально применимых только к соответствующему живому субъекту (способному к коммуникации человеку), чувственный способ позволяет получать информацию и о живых, и о неодушевленных объектах (предметах, событиях), воспринимая их статично и / или в динамике всеми доступными органами чувств. Однако нечто воспринимаемое может быть хоть как-то оценено только в том случае, если воспринимающий субъект уже обладает некоторыми знаниями, с которыми он может сопоставлять (сравнивать) то, что «дали» ему органы чувств, и делать какие-то выводы. Что ЭТО, каковы характеристики ЭТОГО, насколько ЭТО большое, громкое, теплое, ароматное, вкусное и т. п.? Иными словами, если человек никогда не чувствовал запах цветов, то он и не распознает его как запах цветов в общей запаховой композиции.

Интересно отметить, что информация, получаемая посредством органов чувств, не всегда имеет прямое витальное значение для реципиента, а нередко требует определенного опыта для ее интерпретации и правильной оценки. Например, тактильно ощущаемая горячая температура объекта или обонятельно воспринимаемый резкий запах сами по себе напрямую свидетельствуют о вероятной опасности даже для непосвященного. В то же время оценка внешнего вида или поведенческих признаков объекта для определения его скрытых характеристик (например – оперативно-значимых) требуют уже определенного багажа специфических знаний и практики. И если для обыденной жизни (чувственной идентификации, распознавания какого-либо объекта или явления) человеку вполне достаточно лишь накопленного опыта, то для успешной профессиональной деятельности оперативного работника ему уже требуется гораздо более широкий и специализированный «банк чувственной информации», а именно – визуальных, звуковых, тактильных, запаховых, вкусовых образов, ассоциаций и представлений для последующего аналитического мыслительного процесса. Это прямо говорит о необходимости создания и использования системы определенных поисковых признаков, которые могут быть восприняты органами чувств и по которым искомый объект (его характеристика, особенность, качество) может быть идентифицирован. Несомненно, что

значительная часть любой информации об окружающей нас действительности, в том числе – представляющей оперативный интерес, может быть получена посредством относительно пассивного ее чувственного восприятия и тем более – при целенаправленных активных усилиях реципиента.

Часть оперативно-розыскных мероприятий изначально основана именно на чувственных способах восприятия информации, при необходимости оптимизированных (усиленных) техническими средствами и адаптированных под исключительно оперативно-розыскные особенности (обстоятельства) решения задач оперативно-розыскной деятельности – правомерность, конспирацию, негласность. К таким ОРМ относятся – исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, контролируемая поставка, оперативный эксперимент.

Их общей и главной отличительной особенностью является чувственное (непосредственно органами чувств человека или опосредованное через специальные технические средства) восприятие информации. Но при этом необходимо отметить, что ввиду естественной функциональной ограниченности наших органов чувств, на практике большинство этих способов требуют, как минимум, визуального (в пределах простой или инструментальной видимости и/или слышимости), а чаще – более близкого (в пределах физической досягаемости, вытянутой руки) непосредственного контакта с субъектом (объектом) и могут эффективно дополняться живым общением с ним или иными лицами в целях получения дополнительной информации, а также параллельным использованием специальной аппаратуры (техники), например для фиксации происходящего. В то же время использование специальных технических средств, являющихся по сути продолжением и развитием наших органов чувств, позволяет многократно усиливать их, предоставляя нам возможность инструментально получать чувственную информацию на недоступных естественным путем дистанциях, средах, количествах.

## **§ 2.2. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные на коммуникативных способах получения информации**

К следующей группе ОРМ (и их комплексам) следует отнести оперативно-розыскные мероприятия, основанные прежде всего на общении (если быть более точным – в основном на речевом

общении, со всеми свойственными ему атрибутами, контекстами, нюансами и пр.). Человеческая жизнь практически немыслима без межличностного общения – коммуникации. Не погружаясь в тонкости и специфику различных современных парадигм коммуникации, можно констатировать, что в наиболее общем виде наука выделяет следующие основные ее виды:

1. Вербальная коммуникация.
2. Невербальная коммуникация, или коммуникация, осуществляемая в паралингвистическом дискурсе:
  - коммуникация с помощью знаков;
  - коммуникация с помощью жестов;
  - коммуникация с помощью символов;
  - коммуникация с помощью других паралингвистических средств (например, мимики, поз и др.)<sup>1</sup>.

Сущность данной группы оперативно-розыскных мероприятий раскрывается в следующем тезисе. «Вербальные средства общения – это, в первую очередь, речь, язык, слово. В процессе реального общения люди используют для передачи сообщений чаще всего именно речь, язык. Язык как средство коммуникации является самым дифференцированным и самым продуктивным инструментом человеческого взаимопонимания. В то же время язык не является единственным инструментом человеческого общения. Если люди взаимодействуют иными, неречевыми средствами, то для такого взаимодействия используют термин «невербальная коммуникация». Она – важнейший регулятор контекста общения. Именно невербальный контекст составляет фон для кодирования и декодирования вербальных сообщений. Как считают специалисты, лишь 35 % информации в процессе коммуникации передается с помощью языка, а 65 % информации, переданной в ходе общения, мы получаем с помощью невербальных средств.

Среди них выделяют собственно невербальные средства коммуникации – жесты, мимику, телодвижения, взгляды, дистанцию общения и использование пространства, манеру держать себя, одежду и запахи; и паравербальные средства – интонацию, тембр голоса, скорость речи, аргументацию»<sup>2</sup>. Учитывая конспиративный характер оперативно-розыскной деятельности и нередкую ситуативную значимость именно невербальной коммуникации, следует признать этот аспект коммуникативных ОРМ чрезвычайно важным!

---

<sup>1</sup> URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Коммуникация\\_\(социальные\\_науки\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Коммуникация_(социальные_науки)) (дата обращения: 18.05.2020).

<sup>2</sup> URL: <https://studopedia.org/2-60584.html> (дата обращения: 18.05.2020).

Очевидно, что и такие ОРМ тоже основаны на необходимости (хотя и не абсолютной) иметь непосредственный (или опосредованный техникой) речевой контакт с субъектом – опрос (опрос с применением полиграфа; разведопрос и оперативная установка, как комплексные ОРМ), наведение справок, отождествление личности, оперативное внедрение, проверочная закупка.

В связи с допускаемой полемичностью нашего тезиса о коммуникативном характере некоторых вышеупомянутых ОРМ считаем необходимым дополнительно аргументировать свою позицию, отчасти усилив ее положениями Модельного закона СНГ об оперативно-розыскной деятельности (новая редакция) от 16 ноября 2006 г.<sup>1</sup> и результатами фундаментального исследования А. В. Агаркова, основанного на анализе широкого ряда концептуальных трудов по сущности и дефинициям оперативно-розыскных мероприятий<sup>2</sup>.

Как уже было сказано выше, коммуникация как активный процесс целенаправленного обмена информацией допускает устные и письменные (включая сетевое, посредством современных технических средств) формы, а также невербальное, жестовое (и иное сигнальное) общение респондентов. И если сама дефиниция и содержание ОРМ «Опрос», предлагаемые в вышеназванных научных и правовых источниках, в целом не вызывает вопросов и претензий о его коммуникативном характере, то такие ОРМ, как наведение справок, отождествление личности, оперативное внедрение, проверочная закупка могут подвергаться обоснованному сомнению со стороны читателей.

Необходимо отметить, что зачастую в оперативно-розыскной деятельности ОРМ редко осуществляются изолированно друг от друга. Как правило, применяются они в комплексе и позволяют решать одновременно и основные, и вспомогательные (обеспечивающие) задачи. Коммуникативный аспект в данном случае является определенным гарантом и залогом успеха и итоговой результативности оперативно-розыскного мероприятия наряду с иными деятельностными аспектами. Поясним данное утверждение простыми, но убедительными, на наш взгляд, примерами.

---

<sup>1</sup> Принят на XXVII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Цит. по: Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. Москва: ИНФРА-М, 2012. С. 262.

<sup>2</sup> Агарков А.В. Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. 92 с.

Наведение справок, согласно вышеупомянутым источникам, есть «изучение оперативной информации, получаемой путем ознакомления с содержанием ее имеющих носителей, либо направления запросов о предоставлении оперативной информации юридическим и (или) физическим лицам, возможно ей располагающим, с последующим ознакомлением с ответами на запросы, либо введения поисковых запросов в электронных информационных сетях»<sup>1</sup>. Основываясь на общепризнанном утверждении, что правильно сформулированный вопрос – это половина ответа, следует признать не существенной саму форму (из числа предлагаемых) постановки вопросов и получения ответов – устная, письменная, посредством технических средств или социальных сетей, на формализованном бланке или в свободном изложении. Наведение справок в данном случае бесспорно является процессом коммуникации в виде обмена информацией – предоставлении ответов на поставленные вопросы. Вероятно, более сложным будет «живое» общение с носителем информации, обусловленное ситуативными и психологическими нюансами, нежели направление ему формального письменного запроса, но это уже тактические моменты!

Оперативное внедрение и проверочная закупка имеют схожие коммуникативные аспекты, направленные зачастую не только и не столько на непосредственное получение информации самой коммуникацией, а на создание условий (в том числе путем целенаправленной передачи информации респонденту) для оптимального решения основных задач. В оперативном внедрении это может быть дальнейшая коммуникация с респондентом и получение искомой информации, а в проверочной закупке – получение устной (письменной, невербальной, знаковой) договоренности / согласия на куплю-продажу и ее осуществление.

Особого пояснения требуют такие ОРМ, как отождествление личности и получение образцов для сравнительного исследования. Общепринято мнение, что оперативно-розыскное мероприятие «отождествление личности» осуществляется исключительно визуально по внешностным или поведенческим признакам, и это в целом соответствует многолетней оперативно-розыскной практике. Однако необходимо помнить и о такой форме данного ОРМ, как отождествление по голосу, которое иначе как в процессе коммуникации осуществить крайне затруднительно. Касаясь же вопросов дальнейшего развития данного ОРМ и его возможной в будущем

---

<sup>1</sup> *Агарков А.В.* Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. С. 23–24 (92 с).

трансформации в более общее «оперативное отождествление», имеющее отношение не только к лицам, но и материальным объектам – вещам, документам, автомобилям и пр., следует вполне обоснованно предположить, что коммуникация с владельцем такого объекта с целью легендированного получения дополнительной информации будет являться составной частью ОРМ, хотя и имеющая несомненные общие черты с опросом.

Коммуникативный характер ОРМ «получение образцов для сравнительного исследования» наиболее ярко и бесспорно проявляется в случае его осуществления негласно или легендированно при активном противодействии участника уголовного процесса (как правило – подозреваемого или обвиняемого) в официальном предоставлении образцов своего голоса и невозможности их получения из каких-либо иных источников. Современная оперативно-розыскная практика активно использует данный инструментарий (в этом случае – исключительно коммуникативный) для получения образцов голоса в процессе инициированной беседы. Несмотря на некоторую имеющуюся полемичность, современная оперативно-розыскная (и даже следственная) практика активно использует данный инструментарий (в этом случае – исключительно коммуникативный) для получения образцов голоса в процессе инициированной беседы, в том числе и в исключительно процессуальных целях<sup>1</sup>.

Во всех упомянутых случаях основной коммуникативный метод также может эффективно дополняться методами чувственного получения дополнительной информации о респонденте и/или окружающей обстановке – зрительной, слуховой, запаховой (обонятельной), тактильной (осязательной), гипотетически – даже вкусовой<sup>2</sup>, воспринимаемой непосредственно органами чувств или инструментально, и использование вспомогательных технических средств.

---

<sup>1</sup> *Исаенко В.Н.* Отдельные вопросы получения образцов для сравнительного исследования // Уголовное право. 2010. № 5. С. 110–114; *Зенкин А.Н.* Получение образцов голоса у подозреваемого, обвиняемого в условиях отказа от их добровольного предоставления // Законность. 2013. № 1 (939). С. 45–47; *Судницын А.Б.* Негласное получение биологических образцов для сравнительного исследования при производстве по уголовному делу: альтернатива процессуальному действию или подмена оперативно-розыскным мероприятием? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 16–20; и др.

<sup>2</sup> Самым элементарным примером экспресс-вкусовой диагностики при ОРМ может являться проверка на вкус кристаллообразного белого вещества в мешках с маркировкой «сахар» при подозрении на наличие в них не сахара, а нитратных взрывчатых веществ. При внешней схожести с сахаром, на вкус «продукт» будет почти нейтральным (безвкусным), но прохладным – будет явственно холодить кончик языка, что нельзя определить на ощупь и визуально.

## **§ 2.3. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные на использовании специальных технических средств**

Отдельную группу, по нашему мнению, составляют ОРМ, основанные на использовании в качестве основного средства фиксации или получения информации разнообразных специальных технических средств (далее – СТС). Хотя, как уже было сказано, технические средства являются лишь «продолжением или развитием» наших естественных органов чувств (и конечно-стей), их специфические возможности и особенности использования позволяют выделить такие оперативно-розыскные мероприятия в отдельную группу.

В соответствии с одной из имеющихся многочисленных классификаций<sup>1</sup> к основным видам оперативной техники относят:

- технические средства связи;
- технические средства поиска;
- технические средства и системы визуального контроля;
- технические средства оперативного наблюдения;
- технические средства фиксации (документирования);
- технические средства и системы аудиального контроля;
- средства создания условий получения информации (специальные химические вещества);
- технические средства контроля психофизиологического состояния человека (полиграфные устройства)<sup>2</sup>.

Наряду с техническими устройствами «общего назначения», широко используемыми при проведении отдельных ОРМ, технический арсенал оперативно-розыскной деятельности также содер-

---

<sup>1</sup> *Шаталов А. С.* Использование в сыске специальных технических средств: правовые и организационные вопросы // Практика уголовного сыска: научно-практический сборник. Москва: Лига Разум, 1999. С. 191–225; *Диденко В. Н.* Применение специальных технических средств для предупреждения и раскрытия краж: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 201 с.; *Кошелева О. В.* Административно-правовое регулирование оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2009. 206 с.; *Парадников А. Г., Щеглов И. В., Дубинин А. С., Шаламов Г. В.* Специальные технические средства органов внутренних дел: учебное наглядное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2011. 87 с.; *Гирийчук В. В., Зубенко Е. В., Ленцов А. Б.* Актуальные проблемы применения специальных технических средств в оперативно-розыскной деятельности и уголовном судопроизводстве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017. 168 с.; и др.

<sup>2</sup> Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / Е. С. Дубоносов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013. С. 222 (442 с.).

жит целый ряд определенных постановлением Правительства РФ специальных технических средств, предназначенных исключительно для решения специфических задач ОРД, представленных в «Перечне видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности»<sup>1</sup> и включающий следующие их виды:

1. Специальные технические средства для негласного получения и регистрации акустической информации.
2. Специальные технические средства для негласного визуального наблюдения и документирования.
3. Специальные технические средства для негласного прослушивания телефонных переговоров.
4. Специальные технические средства для негласного перехвата и регистрации информации с технических каналов связи.
5. Специальные технические средства для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений.
6. Специальные технические средства для негласного исследования предметов и документов.
7. Специальные технические средства для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов.
8. Специальные технические средства для негласного контроля за перемещением транспортных средств и других объектов.
9. Специальные технические средства для негласного получения (изменения, уничтожения) информации с технических средств ее хранения, обработки и передачи.
10. Специальные технические средства для негласной идентификации личности.

Сущностный анализ наименований всех вышеперечисленных СТС наглядно свидетельствует, что абсолютное большинство из них представляют собой высокотехнологичное инструментальное продолжение (развитие) органов чувств человека, позволяющее найти, идентифицировать, зафиксировать и получить (изъять) информацию чувственного характера, но не воспринимаемую органами чувств человека в связи с их

---

<sup>1</sup> Об утверждении Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности: постановление Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770 // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3382.

относительной примитивностью<sup>1</sup>, с одной стороны, и/или уникальными свойствами, характеристиками, особенностями преобразования информации или средой ее существования (хранения) – с другой.

К оперативно-розыскным мероприятиям данной группы можно отнести опрос с применением полиграфа (может проводиться в контактной и условно бесконтактной форме), наведение справок, наблюдение (особенно – электронное, с использованием технических средств, в ультрафиолетовом или инфракрасном диапазоне), получение образцов для сравнительного исследования, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации. Причем функциональный аспект мероприятий – непосредственно техническая фиксация (получение, скачивание и т. п.) информации не исключает «параллельной» коммуникации субъекта ОРД с лицом, имеющим какое-либо отношение к информации, ее техническому носителю, хранилищу (учету) и пр., то есть коммуникативного и/или чувственного восприятия субъектом ОРД информации, а также использования иных технических средств вспомогательного назначения. Формат получения (запроса и предоставления) информации тоже может различаться – быть непосредственным при контакте с респондентом, опосредованным через телефон, почту, Интернет и пр., гласно или негласно изыматься непосредственно из технического устройства, хранящего информацию, и др.

Очевидно, что предложенная квалификация не отличается строгостью критериев и имеет целью лишь разделить ОРМ для наиболее рационального определения социальных детерминант, обусловивших их изменения. Нужно признать, что сегодня оперативно-розыскные мероприятия в большинстве своем не являются строго изолированными и самодостаточными чувственными или коммуникативными способами получения информации, а воплотили в себе – в сложном симбиозе – и чувственные, и коммуникативные, и технические аспекты, реализуемые на практике как одновременно, так и последо-

---

<sup>1</sup> В данном случае сложнейшие по своей природе и «устройству» органы чувств человека мы называем примитивными исключительно в сравнении с новейшими образцами высокочувствительных приборов, способных воспринимать и преобразовывать информацию, соответствующую органам чувств человека, на недоступных для этих органов уровнях, объемах, концентрациях и т. п. (отмечено нами. – А. Т., Н. П.).

вательно, с различной интенсивностью и вариативностью. Именно поэтому многогранные изменения всех сторон жизни общества обуславливают изменения всех, а не одного из указанных аспектов.

Кроме того, в данной и предшествующих работах нами уже утверждалось, что современному миру свойственна все большая специализация, и ситуация в правоохранительной деятельности в этом аспекте полностью соответствует данному постулату. «Абсолютно все без исключения полицейские системы мира построены на определенной функциональной специализации сотрудников, исключающей (или существенно снижающей) возможность и необходимость знания исполнителями специфики иных, не свойственных им, функциональных обязанностей»<sup>1</sup>. Всемерно этот тезис применим и к оперативно-розыскной деятельности в части использования ее разнообразного познавательного инструментария.

В контексте настоящей работы представляют интерес некоторые специфические особенности использования познавательного инструментария вообще и оперативно-розыскного в частности. Выявленные нами общие закономерности способов получения информации были сопоставлены с результатами ранее проведенных исследований, а именно – анализа профессионально-коммуникативных компетенций 268 полицейских из России и 197 полицейских из Зимбабве, Уганды, Руанды, Южно-Африканской и Центрально-Африканской республик, Мозамбик, Намибии, Камеруна, Ганы, Южного Судана, Египта, Замбии, Ботсваны, Конго, Кении, Анголы, Малави, Мали, Бурунди, прошедших обучение в Центре подготовки миротворцев в период с 2011 по 2016 гг., а также 183 слушателей Академии управления МВД России. Представленные результаты показывают общеприменимый характер выводов и тенденций, не связанных и не детерминированных исключительно российскими реалиями, а потому представляющиеся нам универсальными (см. таблица № 2).

---

<sup>1</sup> Тамбовцев А. И., Долгошеин П. С. Специфика компетентностного обучения и подготовки миротворцев ООН к мониторингу за деятельностью местной полиции страны пребывания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72). С. 8 (5–11).

Таблица № 2

## Опрос представителей полицейских подразделений России и зарубежных стран

| Подразделения                                                                                                         | Специалисты<br>органов<br>внутренних<br>дел России | Зарубежные<br>полицейские<br>ведомства |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------|----------------------------------------|
| Подразделения общественной безопасности (дежурные части, ППС, кинологическая служба, участковые уполномоченные и др.) | 24,25 %                                            | 61,46 %                                |
| Вспомогательные службы (финансовые, тыловые, информационные и др.)                                                    | 13,43 %                                            | 8,12 %                                 |
| Служба общественных связей                                                                                            | 1,11 %                                             | 1,52 %                                 |
| Оперативные подразделения                                                                                             | 20,14 %                                            | 0                                      |
| Следствие, дознание                                                                                                   | 7,87 %                                             | 2,53 %                                 |
| ГАИ/ГИБДД                                                                                                             | 6,34 %                                             | 2,03 %                                 |
| Специальные подразделения                                                                                             | 4,85 %                                             | 9,13 %                                 |
| Учебные заведения                                                                                                     | 11,20 %                                            | 2,53 %                                 |
| Подразделения Интерпола / международное сотрудничество                                                                | 5,22 %                                             | 2,03 %                                 |
| Подразделения по работе с л/с, кадры                                                                                  | 5,59 %                                             | 5,58 %                                 |
| Пограничные службы                                                                                                    | 0                                                  | 1,01 %                                 |

Исходя из анализа экспертных оценок специалистов России и зарубежных стран, считаем очевидным и вполне объяснимым, что наиболее доступным и простым для человека вообще и для оперативного сотрудника в частности является получение информации посредством органов чувств, которыми любой из нас наделен с рождения. Специальных умений и навыков в повседневной жизни этот способ сам по себе не требует, но может специфически культивироваться и адаптироваться под особые условия или задачи его применения, обусловленные профессией<sup>1</sup>. Сравнивая

<sup>1</sup> Особыми условиями и задачами могут являться негласность осуществления ОРМ, конспиративный (легендированный) характер деятельности, инструментализация и пр. Помимо деятельности оперативного сотрудника, наиболее ярко особые условия и задачи применения чувственного способа получения информации видны в деятельности акустика подводной лодки, вынужденного только на слух выявлять и точно дифференцировать различные искусственные и естественные шумы в водной среде, их локализацию, дальность и пр. (отмечено нами. – Н. П., А. Т.).

профессиональные навыки получения чувственной информации у представленных выше групп полицейских, можно констатировать практически одинаковые у всех категорий сотрудников способности повседневного чувственного получения информации и явно выраженное преимущество у оперативного и следственного персонала в части визуального обнаружения и оценки внешних и поведенческих признаков наблюдаемого лица (или респондента). При этом вариативность и качество оценки (т. е. анализа, интерпретации полученной чувственной информации) явно зависело от возраста, стажа, житейского и профессионального опыта у всех без исключения.

Несомненно, более сложным является коммуникативный способ получения информации, требующий определенных знаний в психологии и непосредственно в обсуждаемых сферах, а также умений и навыков установления контакта и непосредственного межличностного общения. И тут также имеется вполне очевидная и объяснимая особенность – при прочих равных условиях навыки коммуникации более выражены у лиц старшего возраста, имеющих больший по продолжительности и интенсивности опыт непосредственного общения, ошибок и последующих коррекций. Наше исследование категорично свидетельствует о преобладании коммуникативных навыков у полицейских, чьи должностные обязанности напрямую связаны с постоянной и непосредственной коммуникацией, – оперативные сотрудники, следователи, участковые уполномоченные, патрульные офицеры. При этом прикладные навыки коммуникации отдельных сотрудников напрямую зависели от их профессионального стажа (а соответственно – возраста и опыта) и выгодно отличали фигурантов из одной и той же профессиональной категории.

В то же время в отношении технических средств нынешняя реальность и наше исследование показывают обратную зависимость – абсолютное большинство современных молодых людей (как в России, так и за рубежом) активно пользуются электронными средствами коммуникации (телефоны, планшеты, компьютеры и пр.) практически с малолетнего возраста, больше и интенсивнее, нежели представители старшего поколения. И, соответственно, имеют более обширные знания и более развитые прикладные навыки поиска информации с помощью технических средств. В отличие от коммуникативного способа, требующего и особых навыков, и определенных усилий при непосредственной коммуникации, поиск и получение информации через современные «умные» технические средства фактически сводится к правильному формулирова-

нию поискового запроса и последующему выбору наиболее актуальных ответов из числа предложенных. Причем формулировку запроса можно многократно менять, акцентируя внимание на отдельных поисковых признаках, что не всегда возможно, корректно или приемлемо в ситуации живого общения с респондентами, обладающими различными темпераментами, не бесконечным терпением и желанием общаться.

Но необходимо акцентированно уточнить, что в оперативно-розыскной деятельности «работа с техническими средствами поиска и получения информации» не заключается лишь в столь примитивном использовании техники, а является важнейшей и сложной частью более масштабной задачи – аналитической обработки информации. Технические устройства лишь облегчают ее. Причем сам поиск информации также требует аналитических способностей для понимания – где, как и какая информация может сформироваться. Актуальность и значимость этого тезиса подтверждается результатами исследований профессиографических особенностей деятельности сотрудников оперативных подразделений, согласно которым аналитические способности кандидата являются важнейшим профессиональным качеством<sup>1</sup>.

Таким образом, можно констатировать, что сложнейшим способом получения информации для современного оперативного сотрудника является (и будет оставаться в будущем) коммуникативный способ. Наиболее общие навыки использования технических средств коммуникации и работы с информацией объективно свойственны современному поколению, прививаются с детства в процессе естественного взросления и повседневного пользования техническими средствами и при необходимости могут целенаправленно, успешно и продуктивно культивироваться в процессе профессионального обучения (основного или дополнительного) под специфические требования оперативно-розыскной деятельности.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Душкин А. С., Пряхина М. В., Мартыросова Н. В. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе компетентностного подхода. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2012. 136 с.; Душкин А. С., Щелкушкина Е. А. Профессиографическое изучение деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 106–117.; Вахнина В. В., Наумова С. Г. Личностно-профессиональное моделирование оперативно-служебного функционирования сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел // Прикладная психология и педагогика. 2020. Т. 5. № 2. С. 141–154.

## ГЛАВА 2

### ТРАНСФОРМАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Казалось бы, что выработанный многолетней оперативно-розыскной практикой инструментарий достиг некоего требуемого правоприменительной практикой удовлетворительного качественного уровня и может успешно применяться далее неопределенно длительное время. Но объективно меняющаяся окружающая нас действительность (можно говорить о совокупности весьма многочисленных и разнообразных элементов оперативной обстановки) существенно нивелирует или даже полностью обесценивает достоинства и преимущества результативно проводимых еще совсем недавно оперативно-розыскных мероприятий (или их составных структурных элементов) и требует определенного критического переосмысления перечня используемых средств и методов, вектора приложения усилий и задействованных при этом методик подготовки и проведения ОРМ.

Какие же именно объективные изменения произошли и что именно они изменили в ОРМ? Авторы попытались проанализировать причины, динамику, перспективы происходящих в обществе и в личности изменений, их соответствие, взаимозависимость и взаимообусловленность с оперативно-розыскным инструментарием. Очевидно и бесспорно, что все изменения носят как объективный, так и субъективный характер, причем не четко и понятно разделенный и структурированный, а сложно переплетенный, что естественно делает труднореализуемыми и бесперспективными авторские намерения строго и категорично классифицировать описываемые изменения и их детерминанты, для того, чтобы легче выявить интересные корреляции, понять основные тенденции. Несмотря на то, что «классификации необходимы в научной и профессиональной деятельности не только для коммуникации, но и для принятия решений и предсказания»<sup>1</sup>, что мы и намереваемся сделать, и что особо актуально в контексте заявленной темы работы, мы, тем не менее, вынуждены признать – попытка классифицировать, структурировать и градировать выявленные нами в процессе анализа изменения изначально носит условный характер и допускает

---

<sup>1</sup> Рональд Блэкборн. Психология криминального поведения. Санкт-Петербург: Питер, 2004. С. 81.

вероятность множественности последствий одной из обсуждаемых причин и наоборот – обусловленность одного последствия несколькими различными причинами как социальной, так и личностной природы. Тем не менее, наиболее «яркими» и значимыми детерминантами нам представляются следующие:

**1. Изменения в жизни социума, влияющие на развитие оперативно-розыскных мероприятий.** Основные из них:

- изменения форм собственности;
- изменение векторов преступной деятельности;
- цифровая трансформация;
- радикализация отдельных слоев общества;
- изменение пропорций городского и сельского населения;
- миграция населения.

**2. Эволюция правоприменительной системы.**

**3. Научно-технический прогресс.**

**4. Трансформация жизни индивида, влияющая на изменение оперативно-розыскных мероприятий.**

Рассмотрим их более подробно.

## **§ 1. Изменения жизни социума, влияющие на развитие оперативно-розыскных мероприятий**

*1. Изменение форм собственности.*

Признавая экономические изменения в обществе основой и первопричиной для последующих трансформаций в его социально-правовой сфере, в которой свою нишу занимает и оперативно-розыскная деятельность, полагаем, что следует отметить наиболее важные из них, уже оказавших и продолжающих оказывать свое влияние на ОРД в целом и на ее инструментарий, в частности. Такими изменениями мы считаем появление в конце XX в. в Конституции России права на частную собственность и на предпринимательскую деятельность, юридически и фактически (не считая многочисленные факты подпольной и противоправной «теневой» производственной и коммерческой деятельности) не существовавшие во времена СССР. К настоящему времени, развившись в отдельные самостоятельные государственные секторы и соответствующие им социально-правовые институты, накопив в противостоянии и противодействии государству и в конкурентной борьбе опыт легальной и нелегальной защиты своих интересов, эти феномены закономерно повлияли и на эффективность деятельности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению,

пресечению и раскрытию преступлений в этих сферах, делая малоэффективными и даже бесполезными успешные ранее оперативно-розыскные тактики.

Территории и производственно-хозяйственные объекты частных предприятий, земельные участки, и даже целые отрасли, со всеми происходящими там процессами (в том числе – противоправными), стали во многом недоступными для представителей оперативных подразделений даже в части проведения ОРМ, не затрагивающих Конституционные права граждан и не требующих абсолютно никаких санкций – опрос, наведение справок, обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Несмотря на декларированное в законе РФ «О милиции» (в последующем – Федеральном законе «О полиции»), Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и ряде иных законов о спецслужбах право субъектов ОРД на получение информации и обязанность организаций по ее предоставлению, сотрудников оперативных подразделений просто не пускали на частную территорию без соответствующего процессуального или судебного решения, а официальные письменные запросы оставляли без ответов. В такой обстановке полностью утрачивался наступательно-упредительный характер оперативно-розыскной деятельности, внезапность и результативность проверок, создавались благоприятные условия для сокрытия частными собственниками компрометирующей их информации, следов преступной деятельности, уничтожения потенциальных доказательств и т.п. И хотя со временем оперативно-розыскная практика адаптировалась к указанным условиям и требованиям времени, выработала действенные способы решения своих задач (проведения ОРМ), тем не менее, считаем, что данная тенденция все еще продолжается, а с учетом всеобъемлющей приватизации средств производства, земли и ресурсов, информатизации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества, она будет только усиливаться и создавать новые препятствия и сложности в реализации оперативно-розыскными подразделениями своих функций.

## *2. Изменение векторов преступной деятельности.*

Аналитики и криминологи отмечают, что произошедшие в России и во всем мире на границе третьего тысячелетия экономические и политические изменения серьезно поменяли акценты и векторы преступной активности<sup>1</sup>. Финансовым пирамидам, корыстно-насильственной

---

<sup>1</sup> Преступность в Российской Федерации в начале XXI века: состояние и перспективы / М. М. Бабаев, Т. И. Бахарева, С. И. Гирько, Е. К. Семенов, А. Л. Ситковский. Москва:

преступности и кровавому переделу собственности 1990-х и 2000-х гг. пришли на смену «беловоротничковые» сверхприбыльные экономические преступления во внешней торговле, ресурсодобывающей, банковской, налоговой и бюджетной сферах, недружественные поглощения (рейдерство) предприятий, криминальные банкротства и т. п. при активном пособничестве целой армии коррумпированных чиновников и представителей властно-контролирующих структур.

Среди прочего в основе большинства указанных преступлений были и остаются серьезные недоработки и «белые пятна» российского и международного законодательств, формально устраняющие противоправность преступного по своей природе деяния и не позволяющие правоохранительным органам решать присущие им задачи. Наряду с тем, что указанные преступления будут продолжать совершаться и по-прежнему требовать к себе соответствующего внимания оперативных подразделений, серьезную проблему (опасность) представляют набирающие рост преступления коррупционной и экстремистской направленности, незаконная миграция, а также незаконный оборот наркотиков, все более уходящий в «закрытый» и практически не контролируемый оперативными службами сектор Интернета.

Особо необходимо выделить гипертрофированный рост по всему миру, и в России в частности, преступлений в сфере нелегальной миграции и связанных с ней (или обусловленных ею) самостоятельных преступлений – торговля людьми, сексуальная эксплуатация, трудовое рабство, порноиндустрия, принудительное донорство органов и тканей человека для трансплантации, незаконное пересечение границы, подделка документов, злоупотребление служебным положением и пр. «Специалисты во всем мире отмечают тенденцию роста рабства и работорговли. В настоящее время проблема торговли людьми и тесно связанная с ней нелегальная миграция угрожают как безопасности, так и национальному генофонду России»<sup>1</sup>. К тому же именно социально и юридически незащищенные (ограниченные в возможности реализации своих общечеловеческих и граждан-

---

ВНИИ МВД России, 2004. 116 с.; *Петровский А. В.* Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2005. 220 с.; Криминологическая обстановка в Российской Федерации и прогноз ее развития: учебное пособие / М. М. Бабаев, Т. И. Бахарева, С. И. Гирько, Е. К. Семенов, А. Л. Ситковский, О. В. Родимушкина. Москва: ВНИИ МВД России, 2006. 190 с.; *Мацкевич И. М.* Преступность и преступление 21-го века: точки несоприкосновения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 49–53; и др.

<sup>1</sup> Новые вызовы преступности и противодействие ей / В. И. Тюнин [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Тюнина. Санкт-Петербург: изд-во СПб ГЭУ, 2019. 126 с.

ских прав) нелегальные мигранты становятся наиболее уязвимой, а потому благоприятной средой для экстремистской агитации, пропаганды и вербовки, что также отмечено в фундаментальных исследованиях последних лет<sup>1</sup>. Очевидно, что значительная часть следов вышеназванных преступлений (особенно относящихся к порноиндустрии, проституции, педофилии и экстремистско-террористической пропаганде) дислоцированы в сети Интернет и имеют цифровой формат, что автоматически определяет и специфику перспективного инструментария для их поиска, фиксации и изъятия.

Основываясь на изложенном, можно предположить, что значимыми детерминантами изменений оперативно-розыскного инструментария для «работы» по указанным видам преступлений будут являться:

- появление новых видов экономических преступлений, использующих вновь открывшиеся (открывающиеся) возможности интернет-технологий (способов и схем хищений, незаконного обложения, уклонения от налогообложения и пр.);

- направленность экономических преступлений на значительные в своем объеме бюджетные средства государства, предназначенные для финансирования социальной, пенсионной, военной, космической сфер, долговременных (а значит – высокзатратных) государственных программ и проектов;

- особый (нередко высокопоставленный и обладающий властно-распорядительными полномочиями, презумпциями и иммунитетами) контингент лиц, совершающих коррупционные и экономические преступления;

- постоянный рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, использование преступниками «закрытого» сегмента Интернета (т. н. «Dark Net»), дистанционной купли-продажи, виртуальных денег и интернет-банкинга, служб доставки и др., предельно осложняющих процесс выявления и документирования преступной деятельности фигурантов;

- постоянно растущее число интернет-ресурсов, осуществляющих активную пропаганду экстремистских организаций, учений, взглядов и идей, и рекрутинг адептов и волонтеров, о чем будет сказано ниже;

- растущее число преступлений в сфере незаконной миграции и преступлений, прямо или косвенно связанных с нею, – торговля

---

<sup>1</sup> Нетрадиционные религиозные объединения деструктивного характера и предупреждение преступлений, связанных с их деятельностью: монография / И. М. Агзамов, А. Р. Исмагилова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. 148 с.

людьми, сексуальное и трудовое рабство, порноиндустрия, принудительное донорство и трансплантация органов и тканей человека.

В данном разделе монографии нам бы хотелось обратить внимание еще на одну проблему, способную повлиять на развитие оперативно-розыскного инструментария. Мы имеем в виду гендерные аспекты преступности. Поясним свою позицию.

Нами уже отмечалось ранее<sup>1</sup>, что оперативно-розыскные мероприятия, как основной инструментарий оперативно-розыскной деятельности, имеют достаточно длинную историю своего зарождения и развития. При этом в их фундаментальной основе лежат всего лишь два способа получения информации человеком – чувственный и коммуникативный, при необходимости усиливаемые или дополняемые особыми тактиками применения и/или широким рядом специальных технических средств, свойственных своему этапу технического прогресса.

Основываясь на теории детерминизма<sup>2</sup>, необходимо констатировать, что адаптация этих трех составляющих (чувственной, коммуникативной и технической) под запросы и требования оперативно-розыскной практики на протяжении всего генезиса ОРД осуществлялась исключительно во взаимосвязи и взаимозависимости с развитием общества – его экономических, правовых, социальных, политических, технических и многих других аспектов (отношений), по сути являющихся прямыми или косвенными причинами изменений. В то же время представляется несомненным, что указанные детерминанты во всем их многообразии обладали достаточно разным влиянием на количество и качество изменений оперативно-розыскного инструментария и методики его применения. В вышеупомянутой статье нами была предпринята попытка выявления и анализа причин и условий, способствующих эволюции оперативно-розыскных мероприятий, однако допускаем, что не все из возможных причин изменений ОРМ были нами своевременно выявлены и всесторонне исследованы.

В свете сказанного считаем необходимым в рамках данной монографии провести анализ отдельных (ранее нами не упомянутых) социально-правовых явлений, а именно качественно-ко-

---

<sup>1</sup> Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В. Детерминанты современных метаморфоз оперативно-розыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55).

<sup>2</sup> Детерминизм – философское учение о естественной причинной обусловленности всех явлений объективного (материального) мира их универсальной, закономерной взаимосвязи и взаимозависимости. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/Детерминизм> (дата обращения: 10.08.2020).

чественные изменения преступлений, совершаемых женщинами, и в отношении женщин (достигших уровня общегосударственных и даже общемировых трендов), и установления их возможного влияния на эволюцию оперативно-розыскного инструментария.

Одной из неочевидных (и оттого – полемичных для критически настроенных оппонентов и сомневающихся читателей), но достаточно серьезных, на наш взгляд, причин трансформации оперативно-розыскного инструментария является происходящее в российском (и отчасти – в общемировом) социуме изменение гендерных соотношений в криминологических и виктимологических показателях преступности.

Аргументацию своей убежденности мы хотели бы начать с выделения общих характеристик оперативно-розыскного инструментария, определяющих его специфические особенности, наиболее восприимчивые (адаптивные) к внешним изменениям, в том числе – гендерным показателям преступности. Таковыми, на наш взгляд, являются, во-первых, его «эргономичность», т. е. приспособленность под субъект применения (такowym могут являться и сотрудники оперативных подразделений, и лица, оказывающие любые формы содействия, причем и те и другие – обоих полов), а во-вторых, нацеленность на объект (которым также могут являться лица обоих полов, причем разного процессуального статуса), с учетом его особенностей. То есть в зависимости от того, кем и в отношении кого предполагается использовать инструментарий, он может (и должен) изначально создаваться в максимально приемлемых для указанных условий формах и методах применения. И далее перманентно адаптироваться под происходящие перемены. В противном случае он будет «неудобен» для пользователя или объекта воздействия, а потому – неэффективен в своих конечных результатах.

Не вдаваясь в статистические виды и особенности подсчета соотношения полов<sup>1</sup>, можно с допустимой долей условности считать, что наше общество состоит из двух половин – мужской и женской. Причем половин – разных! Разных физически, физиологически, психологически, ментально, эмоционально. Именно эта разница и определяет специфические особенности женщины и как

---

<sup>1</sup> Цит. по Sex ratio. Всемирная книга фактов ЦРУ за 2014 год. Соотношение женщин и мужчин в России составляет 1:0,86, т. е. на 100 женщин приходится 86 мужчин. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/соотношение\\_полов](https://ru.wikipedia.org/wiki/соотношение_полов) (дата обращения: 10.08.2020).

субъекта, и как объекта воздействия инструментария, о чем наглядно свидетельствуют результаты многочисленных исследований<sup>1</sup>.

Какие же именно изменения, касающиеся женщин, происходят в преступности, как сложнейшем социально-правовом феномене, и способны ли они повлиять одновременно на указанные аспекты оперативно-розыскных мероприятий?

С одной стороны, криминологами объективно и беспристрастно отмечаются тенденции перманентных негативных изменений количественных и качественных показателей именно «женской» преступности. Аналитиками констатируется не только бурная динамика ежегодных преступных посягательств, совершаемых женщинами, но и феминизация современной преступности, индикатором которой также является рост доли женщин в большинстве преступлений, определяющих современную криминальную ситуацию<sup>2</sup>.

Так, «на протяжении всего прошлого века объем (состояние) женской преступности был в 5–7 раз меньше соответствующих показателей преступности мужчин, составляя 10–15 % всей преступности в стране. И это несмотря на то, что численность женщин в стране постоянно превышала численность мужчин. В последние годы, однако, наметилась тенденция роста женской преступности (до 3 % ежегодно) и увеличения (до 17–18 %) доли женщин в структуре выявленных преступников. Одновременно более чем в 4 раза выросло количество выявленных женщин, совершивших тяжкие преступления. Более высоки, чем у мужчин (в 2–3 раза), и темпы прироста числа женщин-преступниц»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Куприянова А.В.* Женская преступность несовершеннолетних как объект исследования гендерной криминологии // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 1. С. 57–60; *Борисова Д. П., Дворянчиков Н.В.* Гендерные факторы формирования агрессивного поведения в подростковом возрасте // Психология и право. 2013. № 3. С. 1–10.; *Аракелян К.Н.* Опыт пережитого насилия и склонность к victimному поведению подростков: гендерный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 4. С. 58–65.; *Коротких В.Н.* Гендер в деятельности органов внутренних дел: социальный анализ проблемы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 153–156; *Калужина М.А.* Роль гендерного фактора в профилактике преступлений // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 1 (2). С. 42–46.; *Алихаджиева И.С.* Гендерные аспекты сексуальной эксплуатации человека // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 134–142.; *Плотников В. В., Коротких В. Н., Кучмезов Р.Н.* Гендерные аспекты эффективности правоохранительных органов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (60). С. 88–91.

<sup>2</sup> *Байчорова Ф.Х.* Особенности и тенденции женской преступности // Вопросы. Гипотезы. Ответы: наука XXI века. Краснодар: Индивидуальный предприниматель Аелян Нарине Самадовна, 2014. С. 10–11 (316 с.).

<sup>3</sup> *Селезнева И.Г.* Гендерный анализ преступности (региональный аспект): монография / И. Г. Селезнева, А. С. Сухова. Волгоград: ВолгГТУ, 2019. 68 с.

Не оценивая в рамках настоящей работы множественные социальные, экономические, психологические и др. детерминанты женской преступности, следует всецело признать тенденцию ее роста. При этом темпы роста женской преступности значительно обгоняют темпы роста мужской преступности<sup>1</sup>.

С другой стороны – очевидный рост числа преступлений, в которых женщины выступают жертвами: торговля людьми, порноиндустрия, сексуальное и трудовое рабство и пр., также обусловленный целым рядом причин, среди которых одной из наиболее значимых является нелегальная миграция, сама по себе имеющая свои многочисленные детерминанты. Исследователями отмечается, что с конца XX в. в мире проявляется тенденция феминизации миграции, и масштабы ее нарастают. Миграция, как некий социальный феномен, имеет целый ряд негативных особенностей и последствий, среди которых весьма значимым является ее криминогенная составляющая. По неблагоприятному стечению обстоятельств или по откровенно противоправному принуждению «мигрантки занимают маргинальные ниши на рынках труда в принимающих странах. В первую очередь – это сектор сексуальных услуг. Ежегодно в страны Евросоюза переправляется более полумиллиона «сексработниц». В Германии, по разным оценкам, в сфере оказания сексуальных услуг занято от 150 до 700 тыс. женщин, ежегодный оборот данной индустрии составляет 6 млрд евро. В Великобритании оборот рынка интимных услуг составляет 1,4 млрд долларов США. Рынок проституции в Москве насчитывает от 100 до 130 тыс. женщин, из них 90 % – мигрантки. Оборот рынка сексуальных услуг в Российской Федерации оценивается в полмиллиарда долларов США»<sup>2</sup>. При этом необходимо помнить, что большая часть указанных женщин постоянно подвергаются риску физического и сексуального насилия, незаконного лишения свободы, рекрутинга в экстремистские организации и т. п. Несомненно, что эта категория является потенциально уязвимой (виктимной), и потому – информативно привлекательной (т. е. представляющей оперативный интерес!) для оперативных подразделений, а значит требующей приложения к себе оперативно-розыскного инструментария с учетом всех ее особенностей. К тому же, в соответствии с методологическими указаниями К. Маркса, «чтобы действовать с какими-либо шансами на успех,

---

<sup>1</sup> *Лысова А. В.* Уровень и динамика женской преступности в России // Социологические исследования. Москва: Российская академия наук, 2013. С. 137–142.

<sup>2</sup> *Бормотова Т. М.* Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия: сборник статей. Москва: Экон-Информ, 2017. С. 15–20.

надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать»<sup>1</sup>, а значит именно специфические особенности данного контингента женщин, как потенциального объекта воздействия и источника чувственной и коммуникативной информации, обусловят особенности инструментария по ее получению.

В контексте данной работы нам представляется необходимым выделить три аспекта гендерных изменений, способных обусловить трансформации именно в оперативно-розыскной сфере, – способов и направлений получения информации в ОРД, а также используемых при этом тактик.

Во-первых, непосредственный рост числа женщин, совершающих преступления. Данная тенденция свойственна не всем видам преступлений пропорционально, а именно тем, которые составляют так называемые «традиционные женские виды преступлений» – отдельные виды краж, разнообразные (в том числе – сетевые, компьютерные) мошенничества, незаконный оборот наркотиков, должностные и коррупционные преступления и др. Но количество видов преступлений, совершаемых женщинами, из года в год продолжает расширяться, охватывая все более тяжкие и серьезные из них. По словам Ю. М. Антоняна, «появление проблемы женской преступности определяется не только логикой развития криминологии, но и потребностями общественной практики, в первую очередь масштабами и опасными последствиями антиобщественных действий женщин»<sup>2</sup>.

Во-вторых, бесспорно женщины составляют преобладающую долю жертв преступлений в сфере торговли людьми, сексуальной эксплуатации и порнобизнеса, а констатируемый статистами на протяжении десятилетий перманентный рост указанных преступлений закономерно влечет и увеличение количества реальных и потенциальных жертв (потерпевших).

Оценивая с позиции способов получения информации оба вышеизложенных аспекта, следует признать, что все вышеупомянутые категории женщин – причастные к совершению преступлений (подозреваемые), реальные или потенциальные жертвы, являются многочисленными уникальными источниками информации, существенной как для предупреждения, так и для раскрытия преступлений, то есть – объектами желательного целенаправленного использования оперативно-розыскного инструментария с целью получе-

---

<sup>1</sup> Маркс К. Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 16. С. 195.

<sup>2</sup> Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. Москва, 1992. С. 7.

ния этой информации. Учитывая прикосновенность упомянутых лиц (женщин) к целому ряду тяжких преступлений – кражам чужого имущества, мошенничествам, незаконному обороту наркотиков, незаконной миграции, принуждению к донорству тканей и органов, преступлениям в сексуальной сфере, коррупционным преступлениям и пр., следует признать данный контингент потенциальных источников оперативной (а также – следственной) информации важнейшей, но в то же время специфической средой для применения оперативно-розыскного инструментария. Отмечаемые же на протяжении длительного периода всеми без исключения исследователями психофизиологические особенности осуществления оперативно-розыскных мероприятий (впрочем, как и следственных действий и многих других деятельностиных социально-коммуникативных актов) в отношении женщин<sup>1</sup> подтверждают необходимость разработки и применения именно специализированного инструментария, т. е. – перспективы его изменений.

В-третьих, информационные преобразования общества повлекли появления «гендерно-нейтральных» профессий и специальностей в области компьютерной техники, IT-технологий и BIG DATA, представители которых в равной мере могут становиться организаторами и исполнителями преступлений в указанной сфере. На сегодняшний день в этом секторе все еще преобладают специалисты мужчины, тем не менее, очевидны тенденции увеличения числа женщин в данной профессиональной сфере и их соразмерной вовлеченности в преступную деятельность. И хотя мы не располагаем прямыми и безупречными доказательствами наших предположений, тем не менее, вероятно, что с увеличением общего числа женщин в сфере IT-технологий пропорционально будет увеличиваться и число женщин, вовлеченных в преступный сегмент данной сферы. В свою очередь понимание данной специфики позволит быстро и рационально определять сферу поиска информации, необходимый для этого оперативно-розыскной инструментарий (определение конкретных ОРМ) и объект его непосредственного приложения.

Резюмируя вышеизложенное, считаем возможным сделать следующие выводы: хотя современное общество представляет собой

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Познышев С.В.* Криминальная психология. Преступные типы. Ленинград, 1926. 255 с.; *Тихомиров А. И.* О некоторых особенностях использования конфиденциального содействия лиц в исправительных учреждениях для женщин // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4 (41). С. 146–151; *Слесаренко Л.А.* Влияние гендерных различий опрашиваемых на выявление скрываемой информации в работе полиграфолога // Вестник Тверского Государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 153–156; и др.

упорядоченную систему, вышеуказанные детерминанты (феминизация преступности и миграции) с высокой степенью вероятности окажут свойственный хаотичным системам эффект бабочки<sup>1</sup> на эволюцию оперативно-розыскного инструментария, в части неизбежности последствий даже самых незначительных причин. Качественно-количественные изменения показателей преступности и виктимности женщин вынужденно повлекут преобразования в психологических и тактических аспектах применения оперативно-розыскных мероприятий.

### *3. Цифровая трансформация.*

Цифровая и информационная революции конца XX – начала XXI вв. активно и очень продуктивно воздействовали на абсолютное большинство социально-экономических сфер жизнедеятельности общества, и в том числе, к сожалению, на его криминогенную составляющую. «Цифровой мир» в самом широком понимании этого термина, во всей совокупности технических устройств, технологий, сетей связи, программного обеспечения, информационных полей и массивов и пр., парадоксально, в нарушение всех постулатов уголовного права и криминалистики, превратился одновременно в объект, предмет и инструмент (орудие) преступления, место совершения преступлений, механизм и среду слеодообразования. И все это – в очень сложных, перетекающих друг в друга видах и формах.

Этот процесс продолжается, генерируя все новые и новые сложности и препятствия для оперативно-розыскного инструментария. Цифровизация и информатизация общества – это тот одновремен-

---

<sup>1</sup> Эффект бабочки – термин в естественных науках, обозначающий свойство некоторых хаотичных систем, а именно то, что незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия, в том числе и совершенно в другом месте. Детерминированно-хаотические системы чувствительны к малым воздействиям. Анри Пуанкаре описал Теорию хаоса в исследовании к задаче о движении трех тел в 1890 г. Позже он предположил, что такие явления могут быть общими, например, в области метеорологии. В хаотическом мире трудно предсказать, какие вариации возникнут в данное время и в данном месте, ошибки и неопределенность нарастают экспоненциально с течением времени. Эдвард Лоренц (1917–2008) назвал это явление «эффектом бабочки»: бабочка, взмахивающая крыльями в Айове, может вызвать лавину эффектов, которые могут достигнуть высшей точки в дождливый сезон в Индонезии («эффект бабочки» вызывает и аллюзию к рассказу 1952 г. Р. Брэдли «И грянул гром», где гибель бабочки в далеком прошлом изменяет мир очень далекого будущего; также можно увидеть аллюзию к сказке братьев Гримм «Волка и блошка», где ожог главной героини в итоге приводит ко всемирному потопу). «Небольшие различия в начальных условиях рождают огромные различия в конечном явлении... Предсказание становится невозможным». URL: <https://ru.wikipedia.org/эффект бабочки> (дата обращения: 10.08.2020).

но социальный, экономический и технический феномен современного социума, та детерминанта его криминологических изменений и даже потрясений, которая, на наш взгляд, обусловит сразу несколько серьезных последствий для оперативно-розыскной деятельности и ее познавательного инструментария – ОРМ:

- она порождает новые виды и способы преступлений в сфере высоких технологий, в котором орудием совершения преступлений и сокрытия следов, а порой и предметом преступления выступают сами технологии – компьютерные программы;

- она использует свою собственную (и не одну) систему внутренней коммуникации – языки программирования, кодирования, криптографии и пр., не доступную абсолютному большинству обывателей, и в том числе – персоналу оперативных подразделений, и требующую специальных знаний (обучения) и навыков хотя бы для наиболее общего (среднего) понимания сути;

- она использует свою собственную – и не одну, многоуровневую современную систему безопасности, с многочисленными вариантами самопроверок, паролей, предельно осложняющих или исключающих несанкционированный доступ в сеть или устройство;

- она использует свою валютно-расчетную систему, полностью децентрализованную, не имеющую центрального администратора или какого-либо его аналога. Необходимым и достаточным элементом этой платежной системы является базовая программа-клиент, имеющая открытый исходный код. Запущенные на множестве компьютеров программы-клиенты соединяются между собой в одноранговую сеть, каждый узел которой равноправен и самодостаточен<sup>1</sup>. Фактически транзакции в этой системе происходят без посред-

---

<sup>1</sup> Биткойн (от англ. Bitcoin, от bit – бит и coin – монета) – пиринговая платежная система, использующая одноименную единицу для учета операций. Для обеспечения функционирования и защиты системы используются криптографические методы, но при этом вся информация о транзакциях между адресами системы доступна в открытом виде. Электронный платеж между двумя сторонами происходит без посредников и необратим – нет механизма отмены подтвержденной операции (включая случаи, когда платеж был отправлен на ошибочный или несуществующий адрес, или когда транзакция была подписана закрытым ключом, который стал известен другим лицам). Средства никто не может заблокировать (арестовать), даже временно, за исключением владельца закрытого ключа (или лица, которому он стал известен). Но предусмотренная технология мультиподписи позволяет привлечь третью сторону (арбитра) и реализовать «обратимые транзакции». Разные авторы по-разному классифицируют биткойны. Чаще всего встречаются варианты: криптовалюта, виртуальная валюта, цифровая валюта, электронная наличность. Биткойны могут использоваться для обмена на товары или услуги у продавцов, которые согласны их принимать. Обмен на обычные валюты происходит через онлайн-сервис обмена цифровых валют, другие платежные системы, обменные пункты или непосредственно между заинтересованными сторонами. Комиссия за

ников, что полностью устраняет риски для участников, не поддается внешнему контролю и блокированию и успешно используется преступниками;

- предметом посягательства являются не только реальные и виртуальные деньги, но и интеллектуальная собственность, персональные данные, информация во всех ее многочисленных видах (учетные базы данных, тексты, фото, видео и мн. др.), а также целостность и нормальная работоспособность систем учет, контроля, безопасности, электро- и водоснабжения и пр., нарушение которых способно причинить прямой или косвенный ущерб, например государственным структурам или бизнес-конкурентам;

- материальные следы преступной деятельности имеют цифровую или виртуальную природу, локализованы в используемых ИТ-устройствах (телефонах, компьютерах, серверах, «облаках», иных электронных хранилищах) или в виртуальном пространстве, требуют специальных знаний, умений, оборудования для их обнаружения и изъятия;

- для данных преступлений не существует территориальных или административных границ; все, в чем нуждается преступник, – электронное устройство с выходом в интернет и свои преступные навыки; преступления могут совершаться с незарегистрированных (чужих) электронных устройств – компьютеров, телефонов, независимо от времени и расстояния между электронными устройствами жертвы и преступника, с использованием добавочных / промежуточных звеньев для усложнения своего выявления; преступления, как правило, имеют серийный характер.

#### *4. Радикализация отдельных слоев общества.*

Еще одной серьезной детерминантой изменения оперативно-розыскного инструментария является непрекращающаяся (а по мне-

---

проведение операций назначается отправителем добровольно, размер комиссии влияет на приоритет при обработке транзакции. Обычно программа-клиент подсказывает рекомендуемый размер комиссии. Транзакции без комиссии возможны и также обрабатываются, однако не рекомендуются, поскольку время их обработки неизвестно и может быть довольно велико. Одна из главных особенностей системы – полная децентрализация: нет центрального администратора или какого-либо его аналога. Необходимым и достаточным элементом этой платежной системы является базовая программа-клиент (имеет открытый исходный код). Запущенные на множестве компьютеров программы-клиенты соединяются между собой в одноранговую сеть, каждый узел которой равноправен и самодостаточен. Невозможно государственное или частное управление системой, в том числе изменение суммарного количества биткойнов. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Биткойн> (дата обращения: 20.05.2020).

нию отдельных исследователей<sup>1</sup> – растущая) экспансия и популяризация в обществе радикальных экстремистских (и подобных им) деструктивных взглядов и идеологий. Со времен перестройки произошла духовно-ценностная деформация (и даже – деградация!) нескольких поколений россиян, народов бывшего СССР и социалистического лагеря. Попытки самореализации мигрантов, этнических и религиозных групп приводили к конфессиональной конфронтации и обособлению отдельных диаспор, населенных пунктов и целых регионов. К концу первой декады XXI в. на этно-религиозной почве в мире произошли многочисленные очаговые социальные напряженности, столкновения, массовые беспорядки, преступления террористического и экстремистского толка в отношении персоналий и групп<sup>2</sup> и череда «цветных» революций. На фоне этого, в условиях растущей безработицы и экономического расслоения населения, при отсутствии разумной цензуры и фактической «информационной вседозволенности» средств массовой информации, находящихся в частной собственности у лиц, диктующих обществу антигуманные, социально вредные установки и приоритеты, наблюдается популяризация в обществе, и особенно в молодежной среде, воровской романтики, идеологии «АУЕ»<sup>3</sup>, идей терроризма, неонацизма, расизма, национализма, групп смерти – «Синий кит», «Тихий дом»<sup>4</sup> и т. п.

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Вагина Н.Б.* Криминологическая характеристика религиозной среды: особенности преступности и нетрадиционные технологии подчинения лидеру организации адептов-последователей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. 18 с.; *Скворцова Т.А.* Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2004. 22 с.; и др.

<sup>2</sup> См., напр.: 100 громких преступлений последнего десятилетия. URL: <http://www.ogoniok.com/archive/1996/4465/34-38-39/> (дата обращения: 24.04.2015); Конфликты в церкви. URL: <http://www.tserkov.info/tio/?id=4448> (дата обращения: 24.04.2015); и др.

<sup>3</sup> АУЕ (также используется вариант А. У. Е.) – «арестантский уклад един» (или «арестантское уркаганское единство») – название и девиз предположительно существующей криминальной субкультуры и российского неформального объединения банд, состоящих из несовершеннолетних (подростков, юношей и девушек). Это молодежное сообщество пропагандирует среди несовершеннолетних воровские понятия российской криминальной среды и тюремные понятия, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на «общак», взамен обещая поддержку и защиту в настоящем и будущем // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/АУЕ> (дата обращения: 20.05.2020).

<sup>4</sup> В России с начала 2017 г. заблокировали более 16 тыс. «групп смерти». МВД России обеспокоено так называемыми группами смерти, только с начала этого года их заблокировано в России более 16 тысяч. Об этом на заседании правкомиссии по про-

Все это приводит к стремительной маргинализации целых пластов населения и социальных групп<sup>1</sup>, поощряемому и культивируемому (нередко из-за рубежа) росту среди них недовольства политической и социальной сферами жизни, созданию официальных и неофициальных (практически – конспиративных) групп экстремистской и террористической направленности, представляющих угрозу безопасности как отдельных личностей, так и общества в целом. Специфика данной детерминанты в том, что значительная часть преступной экстремистской идеологии распространяется бесконтрольно и круглосуточно через многочисленные интернет-источники. При этом и целенаправленное умышленное распространение экстремистской / террористической идеологии, и обсуждение (репост<sup>2</sup>) такой информации в соцсетях с осуждающими, гневными комментариями экстремистских идей, российским законодательством алогично квалифицируется одинаково – как умышленное преступление по одной из статей Уголовного Кодекса РФ – ст. 280. «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282.1. «Организация экстремистского сообщества», ст. 282.2. «Организация деятельности экстремистской организации», что ранее отмечалось исследователями<sup>3</sup>.

Также в России до настоящего времени нет действенных и гибких механизмов выявления фактов распространения экстремистского контента и последующего быстрого и жесткого реагирования (вплоть до немедленного блокирования ссылок на ресурсы и удаления информации) в отношении конкретного сайта, СМИ или провайдера интернет-услуг (услуг связи), допускающего распространение вредных и незаконных материалов. Задачами ОРМ в таких

---

филактиве правонарушений сообщил глава МВД России Владимир Колокольцев. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4365653> (дата обращения: 20.05.2020).

<sup>1</sup> Тамбовцев А.И. Некоторые признаки экстремистской маргинализации социальных групп и персоналий // Социально-экономические и политические корни идеологии экстремизма и терроризма: проблемы интерпретации и противодействия: материалы международной научно-практической конференции (19 июня 2015 г.). Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2015. 264 с.

<sup>2</sup> Репост (от англ. repost – перепечатка) – один из основных видов активности в соцсетях наряду с лайками и комментариями. Репост – это когда один пользователь или страница делится постом другого пользователя или страницы в своей ленте, со своим комментарием или без. Чем больше людей репостят вашу запись, тем больше людей ее могут увидеть и тем больше у нее охват. URL: <https://ampliflr.com/blog/ru/repost-social/> (дата обращения: 10.05.2020).

<sup>3</sup> Долгошеин П.С. Специфика противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в сети Интернет в Европейском Союзе и Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 64–67.

условиях будет выявление, фиксация и изъятие среди огромных массивов интернет-информации той, что является действительно экстремистской (возможно с проведением соответствующего предварительного исследования), установление круга лиц, причастных к ее распространению, выявление фактов иной экстремистской деятельности – вандализм (нанесение графических лозунгов и символов на стены социальных объектов, транспорта) с экстремистскими призывами, митинги, беспорядки, акции устрашения, теракты и т. п., и их документирование. А также целевые оперативные внедрения и разработки групп экстремистского и террористического толка. Особенности такой познавательной направленности ОРМ вероятно будут являться следующие:

- необходимость постоянного мониторинга средств массовой информации и интернет-ресурсов в том числе, кроме русского, еще и на языках народов России и мира – татарском, украинском, английском, арабском, языках тюркской группы и др. Вероятно, что реализация данной задачи вручную возможна только периодически в конкретных случаях, при наличии определенных сомнений и подозрений в отношении конкретных лиц или фактов. Основная же работа (с учетом огромного массива информации) должна осуществляться в автоматическом режиме по заранее установленным и заданным поисковым параметрам;

- необходимость мониторинга (в том числе негласного, вплоть до оперативного внедрения) деятельности религиозных организаций, особенно тоталитарного / деструктивного толка, нетипичных для данной местности, сект, неформальных объединений со строгим соблюдением всех ограничений, касающихся вмешательства в деятельность политических партий, общественных и религиозных объединений, а также законных требований к конфидентам<sup>1</sup>;

- необходимость мониторинга учебных, спортивных заведений, мест свободной, обязательной и принудительной концентрации молодежи (особенно несовершеннолетних) и необходимость приобретения конфидентов с особыми для данного контингента разрабатываемых спецификациями – пол, возраст, социальный статус, коммуникативные качества и пр.;

- высокая вероятность вовлеченности мигрантов, связанная с этим этническая «закрытость» и языковой барьер и необходимость

---

<sup>1</sup> Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Привлечение к конфиденциальному содействию священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений: ограничения и запреты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 91–98.

приобретения конфиденентов с особыми спецификациями – национальность, религия, знание языка, традиций и пр.

#### *5. Изменение пропорций городского и сельского населения.*

Одной из веских причин, способных если не критически, то значительно повлиять на ситуативные (в том числе – территориальные) и профессиональные предпочтения в выборе оперативно-розыскных мероприятий (способов получения информации), особенности их подготовки и проведения, являются произошедшие структурные изменения нашего общества, а именно изменившееся соотношение городского и сельского населения. По данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в городских поселениях проживало лишь 15 % населения России (в современных границах). К концу 1930-х гг. в городских поселениях проживала уже треть россиян, к концу 1950-х – половина, а с конца 1980-х по настоящее время – почти три четверти<sup>1</sup>. И этот процесс хоть и не так стремительно, как раньше, но тем не менее продолжается.

Чтобы понять и оценить сущность и масштаб ожидаемых перемен в части проведения оперативно-розыскных мероприятий, их социально-демографические последствия и предположить вынужденные (желательные или не желательные) изменения оперативно-розыскного инструментария, зависящего от этого, необходимо вспомнить важнейшие особенности сельской жизни, влияющие на специфику организации и тактики проведения там оперативно-розыскных мероприятий, и даже более того – на саму возможность их проведения. Таковыми можно считать небольшое (по сравнению с городом) количество населения типичной деревни; хорошее знание жителями друг друга и ближайших родственников, близких, друзей, соседей; низкая динамика жизни (естественных социально-бытовых процессов). Именно эти особенности сельского уклада жизни всегда обуславливали сложность, а нередко и полную невозможность проведения оперативными службами легендированных ОРМ – разведопроса, оперативной установки, скрытого наблюдения и др. в сельской местности при их высочайшей эффективности в условиях густонаселенного города (вплоть до официального запрета из-за высокой вероятности расшифровки задействованных оперативных сил и средств, особенно – личностей штатных негласных сотрудников). Дальнейшая депопуляция сельской местности (отъезд населения) еще более усугубит данную проблему.

---

<sup>1</sup> URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/barom01.php> (дата обращения: 10.05.2020).

Но ведь сельские жители не исчезают вообще, а лишь меняют место жительства с деревни на город. Можно ли в этом случае рассматривать контингент переселенцев как потенциальных источников информации, но уже в условиях города, где вышеуказанные «деревенские» проблемы не существуют? По нашему мнению – лишь отчасти. Парадокс в том, что, с учетом представленных ниже особенностей сегодняшней городской жизни, переехавшие в город и социализировавшиеся в нем (со всеми вытекающими последствиями) сельские жители не станут особо благоприятной информационной средой при проведении ОРМ. Они так же, как и коренные городские жители, будут подвергнуты всем социальным метаморфозам, привычкам, установкам, традициям, ритуалам, свойственным жизни современного городского общества (мегаполиса) и обусловливающим растущую замкнутость индивида. Фактически можно предположить, что легендированные ОРМ, малоэффективные в условиях сельской местности из-за вышеперечисленных причин, ввиду произошедшей депопуляции сельского населения еще больше утратят свои познавательные возможности, вплоть до полной бесперспективности и обоснованного отказа от использования перечисленных ОРМ в сложившейся оперативной обстановке.

#### *6. Миграция населения.*

Разновидностью предшествующей причины (изменение структуры общества) можно считать обусловленную внутренней, и что более важно – внешней (особенно нелегальной и «полулегальной») миграцией населения деформацию традиционной для регионов России национально-демографической структуры, соотношения и тенденций.

Исследователи отмечают что указанная «проблема стала весьма актуальной с конца 1990-х годов, когда изменился миграционный ландшафт и потоки вынужденной миграции заменила массовая трудовая миграция, преимущественно недокументированная»<sup>1</sup>. Процесс, начавшийся в конце XX в., к настоящему времени приобрел массовый характер, максимально адаптировался к оказавшимся неэффективными административному и миграционному законодательству, выработал формы и маршруты незаконного перемещения, временной и постоянной регистрации и легализации мигрантов в обход действующих административных процедур. Беженцы, гастарбайтеры<sup>2</sup>,

---

<sup>1</sup> Чудиновских О.С. Оценки масштабов нелегальной миграции в России: возможные подходы и источники информации // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 1. С. 8–28; URL: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-8-28> (дата обращения: 12.06.2020).

<sup>2</sup> Гастарбайтер (нем. Gastarbeiter; дословно: гость-работник), по-русски – «приглашенный рабочий» – термин, обозначающий иностранца, или жителя другого государ-

студенты и огромное число «нелегалов» из граждан республик бывшего СССР, Китая, Вьетнама, стран Азии, Африки, Ближнего Востока, Южной Америки и многих других государств сегодня представляют хоть и неоднородную, но значительную и весьма специфичную национальную прослойку российского общества, являющуюся самостоятельным мультикриминогенным подсоциумом и благоприятной средой для процессов маргинализации и рекрутинга (вербовки) потенциальных приверженцев радикальных (экстремистских и террористических) течений. Особенности жизни, внутренних и внешних взаимоотношений в обществе мигрантов, которые влияют на характеристики оперативно-розыскного инструментария, будут представлены и прокомментированы далее.

События, связанные с пандемией коронавируса 2020 г., вынуждают авторов обратить внимание на еще одну детерминанту, пока не имеющую предсказуемых гарантированно негативных последствий для института ОРМ, но способную при существующих тенденциях оказать значительное влияние на трансформацию и оперативно-розыскного, и следственного инструментария. Пандемия смертельно опасного коронавируса COVID-19 потребовала от общества в целом и от каждого индивида в отдельности соблюдения строжайших мер профилактики – самоизоляции, социального дистанцирования, минимизации числа вынужденных контактов. Это уже критически сказалось на организации деятельности правоохранительной и в частности судебной системы. Проецируя данные ограничительные меры на институты оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, можно уверенно прогнозировать следующие негативные последствия для обоих когнитивных инструментариев:

– обоснованный возможностью заражения и необходимостью соблюдения социальной дистанции отказ потенциального респондента от добровольного участия в ОРМ (например, в опросе) или выбор им неконтактных форм коммуникации (через дверь, по телефону, посредством СМС и пр.), исключающих получение и оценку субъектом ОРД невербальной информации. Гипотетически возможна ситуация повсеместного отказа людей от живого общения и необходимости перехода к опросу в режиме телефонных операторов

---

ства, работающего по временному найму. Слово заимствовано в 1970-х гг. из немецкого языка, получило широкое распространение в конце 1990-х гг. в СМИ на территории СНГ, сначала в Москве и Санкт-Петербурге, а затем вошло в разговорную русскую речь. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гастарбайтер> (дата обращения: 23.05.2020).

ров колл-центров, требующих определенных навыков именно дистанционного общения;

– обоснованный этими же причинами отказ участников следственных действий, осуществляющих вспомогательные функции – статистов и понятых. Учитывая полную добровольность действий «помощника» и фактическое отсутствие у правоприменителей иных, кроме личной гражданской ответственности лица, стимулов к обеспечению его участия в следственных действиях в указанном статусе, следует признать серьезную уязвимость следственных действий, проводимых с обязательным участием упомянутых лиц – опознание, обыск, личный обыск, и следственных действий, производимых на основании судебного решения, в соответствии со ст.170 УПК РФ.

Очевидно, что большему функциональному ущербу от последствий эпидемии коронавируса может быть подвержен именно следственный инструментарий, но это означает не только необходимость его адаптации, трансформации и, возможно, выработку новых форм проведения следственных действий, но и гипотетическую возможность радикально усилить имеющийся доказательственный потенциал аналогичных ОРМ, не требующих соблюдения данных процедурных требований.

В данном разделе мы привели лишь отдельные детерминанты, которые существенным образом влияют на трансформацию организации и тактики оперативно-розыскной деятельности, и, конечно, основного ее элемента – оперативно-розыскных мероприятий. Мы – авторы этой работы, являясь в до- и постперестроечные времена оперативными сотрудниками территориальных органов внутренних дел, были непосредственными участниками и очевидцами всех перечисленных выше процессов и не понаслышке знаем, с какими трудностями столкнулись оперативные подразделения после трансформации Советского Союза, изменениями форм собственности, а также легализации и опубликования в 1992-м, а затем и в 1995 г. законов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность.

Изменения в жизни общества продолжаются, и полагаем, что это перманентный процесс. Каждый из вас, уважаемый читатель, сталкивается с этими изменениями ежегодно. Мы считаем, что оперативно-розыскная деятельность в предыдущие периоды лишь учитывала изменения, происходящие в обществе (социуме), и только после этого вносила изменения в свой инструментарий. Наступило время, когда оперативно-розыскная деятельность, наряду с усилением своих традиционных, проверенных временем познавательных инструментов, должна приобрести новые когнитивные и прогностические качества, способность предугадывать или предсказывать

с учетом науки изменения в структуре и динамике преступности в целом и в генезисе отдельных преступлений – и тем самым опережать криминальные тенденции, явления и события.

## **§ 2. Эволюция правоприменительной системы и оперативно-розыскной инструментарий**

Следующие детерминанты обусловлены эволюцией правоприменительной системы, выражающейся в концептуальных изменениях законодательной (правотворческой), уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и иных видов правоприменительной деятельности государства.

Постепенные изменения в оперативно-розыскной политике государства, отмечаемые отдельными исследователями десятилетия назад<sup>1</sup>, в настоящее время имеют ярко выраженные тенденции как позитивного в целом для ОРД характера, так и негативного, реальный эффект воздействия которых на криминогенную ситуацию и как следствие – на инструментарий ОРД, можно будет увидеть и оценить лишь много позднее.

Авторы обоснованно полагают, что такие изменения касаются прежде всего уголовно-правовой политики Государства, реализуемой посредством законодательного изменения материального (уголовного) права, а именно – целого ряда норм Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Криминализация и декриминализация отдельных деяний с одновременным ослаблением или ужесточением наказания, введение административной преюдиции за некоторые деликты, внедрение в практику новых видов наказания, не связанных с лишением свободы, и значительное послабление уже имеющихся и пр. В целом можно констатировать не бесспорное по своему значению и влиянию на общество, но очевидное смягчение карательной уголовной политики государства, максимальный отказ от социальной изоляции – ареста, тюремного заключения как меры пресечения или наказания.

Естественным и логичным следствием изменений материального права являются соответствующие перемены в нормативных правовых актах, регламентирующих реализацию уголовно-правовых норм на досудебных и судебных стадиях – а именно Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

---

<sup>1</sup> *Захарцев С.И.* Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 163–172.

Так, например, изменение степени тяжести преступления (ее снижение) автоматически влечет невозможность проведения отдельных ОРМ в отношении лиц, причастных к его подготовке и совершению. Декриминализация ряда составов преступлений насильственного характера вполне вероятно обусловит рост «домашнего» насилия (и ранее являвшегося исключительно латентным) с самыми негативными последствиями перехода количества в качество — рецидивизирующие от безнаказанности факты домашнего насилия со временем приведут к тяжким преступлениям: причинениям тяжкого вреда здоровью и убийствам.

В то же время, оценивая количественные и качественные изменения функционально-правовых аспектов оперативно-розыскного и уголовно-процессуального (несомненно единого направленных и взаимосвязанных) инструментариев сквозь призму отечественной и зарубежной правоприменительной практики, решений Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации, можно утверждать о наметившейся в российском правоприменении тенденции смещения (взаимопроникновения) когнитивно-доказательственных потенциалов уголовного процесса со свойственной ему строгостью и шаблонностью форм и процедур и оперативно-розыскной деятельности с ее конспиративностью и вариативностью методов, что нами уже указывалось ранее<sup>1</sup>. Исследователи современной правоприменительной практики выделяют три наиболее очевидных и значимых тенденции в этом сложном процессе.

#### *Первая тенденция.*

С одной стороны, это весьма спорная, неоднозначная, но все более нарастающая и становящаяся очевидной «тенденция к фактическому превращению оперативно-розыскных мероприятий в следственные действия...»<sup>2</sup> посредством все большей их «процессуализации», введения единых стандартов проведения и оформления ОРМ, процедур передачи результатов в уголовное судопроизводство. При высочайшей полемичности данного вопроса, не поддающихся единой оценке его возможных последствий, некоторыми правоведа-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, требующие судебного санкционирования: вопросы соотношения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (49). С. 7–10.; Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность? // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 111–115.

<sup>2</sup> Кальницкий В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 44 (200 с.).

ми тем не менее отмечается, что на современном этапе существует объективная необходимость формирования системы процедурных норм, регламентирующих порядок осуществления оперативно-розыскных мероприятий<sup>1</sup>.

Одновременно с этим ряд ученых высказывают обоснованные сомнения и нигилизм в целесообразности подобных изменений. «В оперативно-розыскной деятельности такая процедура по получению доказательств неуместна. Причина в том, что ее трудно уложить в строго регламентированную процедуру, подобную уголовному процессу, так как она в своей основе имеет разведывательно-поисковую сущность, реализуемую как индивидуальное или групповое творчество, искусство проведения оперативно-розыскных мероприятий»<sup>2</sup>.

Исследователи вполне обоснованно полагают, что «введение подобной процедуры в оперативно-розыскную деятельность приведет к раскрытию тактических приемов, что недопустимо, так как законодатель в статье 12 Закона об оперативно-розыскной деятельности определил, что сведения об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий, составляют государственную тайну. В данном случае стоит согласиться с мнением профессора А.Г. Маркушина<sup>3</sup>, что если вдруг возникает четкая и понятная всем процедура, то утрачивается сама суть оперативно-розыскной деятельности с ее агентурной и разведывательно-поисковой сущностью, с ее наступательностью, конспиративностью и внезапностью для преступников. При законодательном закреплении процедуры получения результатов оперативно-розыскной деятельности опасения о создании пособия для преступников могут превратиться в реальность»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Чечетин А.Е.* Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскных мероприятий: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2005. 300 с.; *Гусев В.А.* Понятие и сущность юридических процедур проведения оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С. 63 (63–70); *Гусев В.А., Луговик В.Ф.* Теория оперативно-розыскных процедур: монография. Москва: Проспект, 2019. 336 с.; и др.

<sup>2</sup> *Зажичский В.И.* Связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса // Государство и право. 1995. № 6. С. 158; *Бобров В.Г.* Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Вопросы, требующие разрешения // Проблемы формирования уголовно-розыскного права: сборник научных работ. Москва, 1998. Вып. № 1. С. 11–17.

<sup>3</sup> *Маркушин А.Г.* Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности в доказывании [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> *Введенский А.Ю.* Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 190.

Признавая правоту и тех и других уважаемых коллег, мы хотим лишь беспристрастно констатировать, что, несмотря на острую непрекращающуюся дискуссию среди широкого круга теоретиков и практиков правоприменения, этот процесс уже активно происходит. Это – уже реальность! Как отмечалось нами ранее, «произошедшая за длительную правоприменительную оперативно-розыскную практику определенная «стандартизация» и «алгоритмизация» некоторых оперативно-розыскных мероприятий позволяет утверждать о фактической утрате ими былой вариативности и «ситуативной импровизационности» и осуществления их сегодня по типовой «усредненной» (стандартной) процедуре»<sup>1</sup>. Как бы кощунственно это ни звучало, но современные ОРМ, как основной инструмент оперативной розыскной деятельности, принимают все более и более шаблонные узнаваемые формы, что для ОРД является фактически катастрофой, о чем ранее неоднократно уже упоминалось<sup>2</sup>.

Отсутствие в статьях закона об ОРД последовательно прописанных процедур проведения и оформления ОРМ совершенно не означает их «нормативного игнорирования» ведомственными нормотворцами и непосредственными исполнителями. Хотя указанный аспект раскрывается в законе об ОРД опосредованно, тем не менее он полностью компенсируется конкретными и четкими предписаниями ведомственных нормативных правовых актов, предоставляющими непосредственному исполнителю типовые алгоритмы подготовки, согласования, проведения и оформления ОРМ, а также образцы (бланки) соответствующих документов. Одним из показателей «ведомственного качества» упомянутых образцов можно считать содержащиеся в них формальные атрибуты дополнительных видов контроля (согласования и утверждения), чего нет в их процессуальных аналогах. То есть подтверждением стремительного развития социально-правового института оперативно-розыскных процедур являются не только серьезно аргументирован-

---

<sup>1</sup> Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 12 (9–14).

<sup>2</sup> См., напр.: Качур А. М., Якушин Н. М. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности // Сборник МВД СССР. Москва: Академия МВД СССР, 1990. № 3. С. 15.; Павличенко Н. В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт / Н. В. Павличенко. Москва: Издательский дом И. И. Шумиловой, 2008. С. 33 (47 с.); Тамбовцев А. И. Функциональные принципы конспирации // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: сборник научных трудов. Омск: Омская академия МВД России, 2012. Вып. 10. С. 3–9; и др.

ные научные позиции ряда российских ученых<sup>1</sup>, но и уже несколько лет существующие, воплощенные в реальность совершенно четкие предписания ведомственных Наставлений и Инструкций, содержащие конкретный алгоритм (перечень действий по подготовке и проведению ОРМ) и требований к их документальному оформлению, вплоть до формализованного бланка (образца оформления)<sup>2</sup> и процедуры передачи результатов ОРД в уголовный процесс<sup>3</sup>.

Объективности ради нам бы хотелось с внутренним удовлетворением отметить, что на современном этапе произошедшие изменения формата проведения и оформления большей части оперативно-розыскных мероприятий и продолжающиеся попытки их «процессуализации» пока еще не повлекли каких-нибудь значимых негативных последствий для института оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскной деятельности и судопроизводства в целом. Однако эта тенденция, развиваясь далее, потребует как формальных, так и содержательных изменений оперативно-розыскного инструментария.

#### *Вторая тенденция.*

С другой стороны – изменение подхода к использованию результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве, а именно – увеличение их доказательственного значения. Исследователи констатируют принципиальные измене-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2016. С. 80 (232 с.); Гирько С. И., Луговик В. Ф., Гусев В. А. О правоотношениях, процедурах и оперативно-розыском праве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 19–26; Тамбовцев А. И. Процедура и документальное оформление оперативно-розыскных мероприятий как критерии их доказательственного значения // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 3 (79). С. 127–134; и др.

<sup>2</sup> См., напр.: Об утверждении Инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной, частной собственности и собственности общественных объединений (организаций): приказ МВД России от 11 сентября 1993 г. № 423; Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199; и др.

<sup>3</sup> Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/39 8/68 // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

ния отношения научного, правоприменительного, правозащитного, и что наиболее важно – общегражданского сообщества к использованию результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве в сторону увеличения их доказательственно-го значения<sup>1</sup>.

Общество стало более лояльно и толерантно к ранее абсолютной неприемлемой и табуированной возможности использования в суде результатов ОРД. Возникло и крепнет осознание, что правомерно проведенное оперативно-розыскное мероприятие, по сути, предоставляет в уголовный процесс не просто непроверяемые из-за своей оперативной природы сведения, а «непроцессуальное / оперативно-розыскное доказательство» (в виде информации или предмета), по качеству и требованиям к нему как к потенциальной улике, не уступающее доказательствам, полученным процессуально, а нередко и превосходящее их по своей уникальности.

В настоящее время передача в процесс и использование результатов, полученных в ходе негласных ОРМ – прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических каналов связи, проверочной закупки, оперативного эксперимента или скрытого наблюдения в качестве доказательств, стало не редким исключением, а распространенной следственной и судебной практикой, нормой. В процессе многолетней практической деятельности оперативных подразделений и научных исследований выработаны, апробированы, доработаны до приемлемых всеми сторонами судопроизводства стандартов и официально внедрены в повседневную деятельность процедуры получения, фиксации, рассекречивания и передачи в процесс результатов ОРД. Достаточно последовательно этот аспект регламентирован «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной приказом МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509...<sup>2</sup>. То есть можно констатировать постепенное изменение изначального «свободного» нормативного формата оперативно-розыскных мероприятий в сторону усиления процедурной (формальной) составляющей и в то же время

---

<sup>1</sup> *Захарцев С.И.* Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2004. С. 28 (41 с.)

<sup>2</sup> Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/39 8/68 // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

повышения их доказательного значения при правомерной передаче результатов ОРД в уголовный процесс. Задача оперативных подразделений в текущем моменте – организовать своевременный сбор сведений, необходимых «следствию» для эффективного судопроизводства.

### *Третья тенденция.*

Кроме того, считаем необходимым отметить еще одну неочевидную для массового обывателя и даже для правоприменителя, но весьма важную тенденцию – хотя и медленную, но последовательную имплементацию в «де юре» гласные процедуры уголовного судопроизводства элементов, свойственных ранее исключительно оперативно-розыскной деятельности – негласности и отчасти даже конспирации. Профессором В. В. Кальницким беспристрастно отмечается, что «одним из направлений развития системы следственных действий является возможное ее пополнение познавательными приемами оперативно-розыскного характера»<sup>1</sup>.

Необходимо констатировать, что этот процесс уже начался и, по нашему мнению, прогрессирует. Так, оперативно-розыскная деятельность потеряла пальму первенства в использовании технологии негласности для решения своих задач. Необходимо отметить, что негласность уже не является исключительной категорией оперативно-розыскной деятельности и, соответственно, не может являться ее единственным сущностным признаком<sup>2</sup>. Так, негласность как форма сокрытия информации от заинтересованных лиц, противодействующих расследованию преступлений, активно используется в уголовном процессе, административной и других видах юридической деятельности. Немногим более 100 лет назад И. Я. Фойницкий писал, что «негласность предварительного следствия встречает ныне громкие порицания в литературе, и некоторые континентальные законодательства новейшего времени стараются умерить порядок канцелярской тайны...»<sup>3</sup>. По мнению А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского: «Тайна предварительного расследования в разумных пределах есть способ сохранения равенства сторон, а значит, и состязательности процесса в целом»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Кальницкий В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 44 (200 с.)

<sup>2</sup> Нагиленко Б. Я. О понятии результата оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (ссылка). 2006. № 4. С. 22.

<sup>3</sup> Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1902. С. 82.

<sup>4</sup> Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Действительно, уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит множество норм, предусматривающих ограничения в распространении информации для определенной категории лиц, способных противодействовать расследованию преступлений. Так, ч. 4 ст. 96 УПК РФ регламентирует порядок сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания подозреваемого с согласия прокурора. Часть 9 ст. 166 УПК РФ предусматривает, что при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. Часть 8 ст. 183 УПК РФ регламентирует процедуру предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Часть 5 ст. 278 УПК РФ нормативно закрепляет возможность проведения допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. И наконец, сложно представить себе гласным следственное действие «Контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ).

Аналогичного мнения придерживаются и иные представители различных отраслей права<sup>1</sup>, признающие и поддерживающие данный процесс. Эти факты указывают на неуклонное сближение этих двух (следственного и оперативно-розыскного) познавательных инструментариев, работающих в конечном итоге на достижение единой гуманистической цели уголовного судопроизводства.

Следующим фактором, способным оказать и уже оказывающим реальное влияние на правовой статус и функциональное состояние оперативно-розыскных мероприятий, является относительная инертность российского оперативно-розыскного законодательства,

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Мазулин Я. М.* О введении результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омский юридический институт, 2010. С. 61.; *Соколов А. Н.* К вопросу о специальных следственных действиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2. С. 59–65; *Луговик В. Ф.* Негласность расследования и оперативно-розыскная деятельность // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2014. № 1 (3); *Колосович М. С.* Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 138–145; *Луговик В. Ф., Мазулин Я. М.* Участие граждан в негласном расследовании преступлений // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей / научные редакторы: О. И. Андреева, Т. В. Трубникова; отв. секретарь И. В. Чаднова. Томск, 2019. С. 271–277; *Колосович М. С.* Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2020. 536 с.; и др.

вызвавшая обострение дисбаланса между содержанием ОРМ, «заложенным» в их понятия законодателем и содержанием, субъективно понимаемым (и реализуемым) правоприменителями при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Другими словами – разница между тем, что декларировано в Законе, и тем, что осуществляется на практике. Эта, создавшаяся к настоящему времени разница (имеющая и объективные, и субъективные причины) оказывает значительное влияние на оценку сторонами защиты, прокуратурой и судом оснований и процедуры проведения ОРМ, предоставляемых в уголовный процесс результатов ОРД. И, как правило, эта оценка негативная, с акцентом на незаконность проведенных ОРМ и недопустимость использования полученных результатов в качестве доказательств.

Несмотря на все произошедшие с 1995 г. в обществе технологические изменения, настоятельно требующие соответствующих функциональных, инструментальных и нормативных изменений в сфере ОРМ, и неоднократные обращения ученых-правоведов с аргументированными научными идеями, прагматичными предложениями и законодательными инициативами<sup>1</sup>, с момента принятия закона об ОРД внесено всего лишь единственное (!) дополнение в ст. 6 «Оперативно-розыскные мероприятия», расширяющее перечень ОРМ. Авторы всецело солидарны с мнением профессора С. И. Захарцева, что «технический прогресс приводит к постоянному обновлению специальных технических средств, расширению их возможностей, что объективно обуславливает расширение количества мероприятий и действий, проводимых органами, осуществляющими ОРД. Уже сейчас затруднительно найти юридически корректное название для ряда оперативно-розыскного мероприятий, например, контроля сообщений между мобильными телефонами. С одной стороны, следует отнести перехват таких сообщений к прослушиванию телефонных переговоров. С другой стороны, прослушивания как такового в данном случае нет – есть перехват канала связи, значит, и квалифицировать мероприятие нужно как контроль технических каналов связи. Однако если речь идет о банальной почтовой переписке с помощью электронных средств, то вполне разумно назвать это мероприятие и контролем почтовых отправлений. Ведь, строго говоря, в Законе об ОРД не сказано, что под почтовы-

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Шумилов А.Ю.* Оперативно-розыскная деятельность в схемах: наглядное пособие. Москва, 1998. С. 58; *Железняк Н. С.* К вопросу о соотношении оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности. Актуальные вопросы теории и практики: материалы научно-практического семинара. Москва, 2005. С. 30; и др.

ми отправлениями понимаются именно сообщения на бумажных носителях. Если перехват сообщений по телефону признать, например, контролем технических каналов связи, то его можно проводить для предупреждения, раскрытия, пресечения преступлений небольшой и средней тяжести. В то же время прослушивание телефонных переговоров, согласно закону об ОРД, в настоящее время допускается только для предупреждения, раскрытия, пресечения тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 8). Значит, если признать это мероприятие прослушиванием телефонных переговоров, т. е. «повысить планку», возникнут неоправданные трудности в борьбе правоохранительных органов с преступлениями небольшой и средней тяжести»<sup>1</sup>. Хотя данная проблематика «несоответствия наименований оперативно-розыскных мероприятий их содержанию» была выявлена и донесена до научной общественности почти десятилетие назад, она не только не нашла своего окончательного разрешения, но до настоящего момента не потеряла своей актуальности и, по мнению современных исследователей, только усугубляется.

Так, С. А. Машковым справедливо отмечается, что «опыт практической реализации положений закона и его теоретическое осмысление показывают, что на сегодняшний день имеется следующая тенденция – дефиниции ОРМ носят условный характер, так как их буквальное смысловое значение значительно уже их эмпирической интерпретации и легального определения в судебной практике»<sup>2</sup>. Актуальность и значимость обсуждаемых вопросов нашла свое выражение в решениях Конституционного Суда<sup>3</sup>, вынужденного рассматривать их в связи с отсутствием у правоприменителей единого понимания и подходов к их практической реализации.

Но, по нашему мнению, это лишь часть проблемы! Другая часть имеет аналогичную природу, но несколько иное направление. Как было отмечено исследователями, «оперативно-розыскная практика находит пути по совершенствованию своей деятельности и предлагает внедрение новых оперативно-розыскных мероприятий, основанных на новых достижениях науки и техники, форм и методов

---

<sup>1</sup> *Захарцев С. И.* Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4 (249). С. 135–139.

<sup>2</sup> *Машков С. А.* О несоответствии наименований оперативно-розыскных мероприятий их содержанию // Пролог: журнал о праве. 2018. № 1 (17). С. 36–41.

<sup>3</sup> Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи»: определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О // Рос. газ. 2003. 10 дек.

оперативно-розыскной деятельности<sup>1</sup>, ранее не предусмотренных Законом»<sup>2</sup>. Не прекращаются попытки аргументировать и официально «принять на вооружение», т. е. закрепить в ст. 6 Закона об ОРД оперативно-розыскные мероприятия, не вошедшие туда изначально. Достаточно длительный период научным сообществом и практиками дискутируется вопрос о законодательном закреплении ряда ОРМ, выработанных и эффективно используемых в оперативно-розыскной практике, таких как цензура корреспонденции осужденного, захват с поличным, вербовочная беседа, организация засады, имитация преступной деятельности, тестирование с использованием полиграфа и т. д.<sup>3</sup> Возможность и целесообразность этого разделяют как научные сотрудники, так и практические работники, у которых накопился определенный опыт<sup>4</sup>.

В рамках рассматриваемого вопроса необходимо отметить более прагматичный подход, который просматривается в Модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», принятом на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 16 ноября 2006 г. Модельный закон предлагает в качестве новеллы признать расширительный перечень оперативно-розыскных мероприятий. В нем, наряду с традиционными оперативно-розыскными мероприятиями, уточняются названия отдельных ОРМ (отождествление личности и иных объектов; исследование предметов, документов и иных объектов) и дополнительно включаются три оперативно-розыскных мероприятия: слуховой контроль, мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем, контроль радиочастотного спектра.

---

<sup>1</sup> Теория и практика применения органами внутренних дел Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: научный доклад ВНИИ МВД России. Москва, 2001. С. 7.

<sup>2</sup> Введенский А. Ю. Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 189–192.

<sup>3</sup> Железняк Н. С. О необходимости включения имитации преступных действий в перечень оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2006. № 6. С. 10–14.; Ширванов А. А., Ващенко О. Ю. Предложения о дополнении определенного законом перечня оперативно-розыскных мероприятий // Научный портал МВД России. 2010. № 3 (11). С. 72–78.; Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.; О梅林 В. Н. О дополнении определенного законом перечня оперативно-розыскных мероприятий // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 4. С. 11–13; и др.

<sup>4</sup> Введенский А. Ю. Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 189–192.

Полагаем, что данные нововведения имеют под собой веские основания, тем более по большинству из них в специальной литературе ведется весьма продуктивная дискуссия. В частности, использование в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», принятом в Российской Федерации, лексического дуплета «отождествление личности» существенно сужает сферу применения и не позволяет в полном объеме описать пределы действий сотрудников оперативных подразделений при проведении данного оперативно-розыскного мероприятия, т. к., кроме личности, в оперативно-розыскной практике происходит отождествление и иных объектов. Видимо, к этому выводу пришел законодатель Республики Беларусь, используя в профильном Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (2015 г.) термин «оперативное отождествление», который наиболее полно, без дополнительных пояснений, отражает суть действий оперативно-розыскных органов<sup>1</sup>. То же самое относится и к названию оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов и иных объектов», которое должно, по нашему мнению, называться либо «исследование объектов», либо «оперативное исследование».

Дополнительно введены в материю оперативно-розыскного закона следующие оперативно-розыскные мероприятия: слуховой контроль, мониторинг информационно-, телекоммуникационных сетей и систем, контроль радиочастотного спектра. Под слуховым контролем авторы закона предлагают понимать получение и фиксацию акустической информации в помещениях, сооружениях, транспортных средствах и на местности для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем – получение сведений, необходимых для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, и их фиксация путем наблюдения с применением специальных технических средств за характеристиками электромагнитных и других физических полей, возникающих при обработке информации в информационных системах и базах данных, и их передача по сетям электрической связи, компьютерным сетям и иным телекоммуникационным системам.

Контроль радиочастотного спектра – получение сведений, необходимых для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, и их фиксация путем наблюдения с применением

---

<sup>1</sup> Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Беларусь. Минск, 2015. С. 20.

специальных технических средств за характеристиками электромагнитных полей, возникающих при передаче информации по радиочастотным каналам связи. Полагаем, что данные нововведения обусловлены развитием научно-технического прогресса.

Вышеизложенное красноречиво свидетельствует о некой «функциональной мутации» (трансформации) ОРМ и о все большем симбиозе оперативно-розыскных мероприятий между собой, их смешении со следственными действиями, взаимопроникновении друг в друга, о чем мы ранее также упоминали<sup>1</sup>. Считаем, что указанные (и иные подобные) несоответствия норм и предписаний закона об ОРД реальному положению дел могут и будут использоваться сторонами защиты в суде для оспаривания правомерности проведения того или иного ОРМ и соответствия полученных результатов ОРД (при их передаче в процесс) требованиям, предъявляемым к доказательствам. Необходимо признать, что в связи с безостановочным развитием и внедрением технологий в обыденную жизнь данный социально-правовой феномен будет только продолжать прогрессировать. Решение этой проблематики видится в унификации оперативно-розыскного (и разумеется – следственного) инструментария при достаточно полном и непротиворечивом правовом обеспечении.

Вовлечение России в международные правоохранительные организации Интерпол, Европол, длительные и краткосрочные программы борьбы с отдельными видами преступлений, совместные действия по охране общественного порядка закономерно влекут взаимовыгодный обмен и накопление передового опыта и правоприменительных практик в борьбе с преступностью, в том числе – в организации и проведении ОРМ. В настоящее время государство предоставляет возможность практически всем субъектам ОРД самостоятельно вступать во взаимоотношения с иностранными партнерами и получать от них информацию<sup>2</sup>. Перспективами дальнейшего развития такого сотрудничества может являться:

- разработка перспективных планов (Программ, Концепций, Стратегий) межгосударственного взаимодействия в сфере борьбы с преступностью вообще и осуществления ОРД в частности;
- оптимизация нормативного правового регулирования сфер уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности;

---

<sup>1</sup> Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 9–15.

<sup>2</sup> Захарцев С. И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 167 (163–172).

– создание (а на примере Национальных Бюро Интерпола государств-участников – оптимизация деятельности этой международной организации уголовной полиции) действенного механизма межгосударственного обмена оперативно-розыскной и процессуальной информацией «напрямую» между взаимодействующими субъектами без использования промежуточных (дополнительных), зачастую бюрократических инстанций;

– создание единого со странами-участницами механизма профилактических или ответных действий на существующие или возможные криминогенные риски и угрозы.

Учитывая техническую коммуникативность и мобильность современного человека, возможность дистанционного проведения гражданско-правовых сделок и финансовых операций, использования электронной подписи и т. п., трудно переоценить перспективы и выгоды от реализации хотя бы части упомянутых инициатив в уголовно-правовой и оперативно-розыскной политиках государства.

Реализация современной оперативно-розыскной политики в России уже дает положительные результаты, имеющие очевидное прикладное значение и перспективы в оперативно-розыскной деятельности. Профессор Е. В. Буряков констатирует произошедшие в России законодательные и функциональные изменения в сфере ОРД, обусловившие ряд положительных изменений, – увеличение количества объектов обязательного дактилоскопирования, введение геномной регистрации, изменение качественно-количественных оценок деятельности оперативных подразделений, оптимизация организации и тактики проведения ОРМ и пр. Им же отмечается важнейший, по нашему мнению, процесс, имеющий практическое значение – постепенный выход ведомственного информационного поля за рамки МВД<sup>1</sup>.

Для действующих сотрудников это означает последовательное воплощение в реальность давней мечты о создании единого для всех силовых и иных ведомств информационного поля (базы данных), аккумулирующего информацию об объектах, представляющих оперативный интерес. Вышесказанное полностью соответствует давней (1978 г.) позиции John M. Carroll о целесообразности использования максимально возможного количества учетов, позволяющих получать и проверять самую разнообразную информацию об объекте, представляющем оперативный интерес, – учеты социальных служб, банковско-кредитных организаций, правоохранительных

---

<sup>1</sup> Буряков Е.В. Информационные технологии в розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 3 (70). С. 29–32.

органов, медицинских и образовательных учреждений, предприятий торговли и обслуживания, транспортных компаний, СТО и др.<sup>1</sup> Не рассматривая и не оценивая возможные процедурно-правовые проблемы получения и дальнейшего использования сведений из упомянутых учетов, считаем важным отметить принципиальную авторскую идею, нашедшую свое (пока еще фрагментарное) сегодняшнее воплощение в реальность – сбор и проверку информации через все гипотетически достигаемые виды учетов.

Оценивая количество самостоятельных субъектов ОРД, а также ведомств, организаций и предприятий, правомерно собирающих, обрабатывающих и хранящих самые разнообразные сведения об отдельных физических и юридических лицах, можно предполагать, что объемы сведений, потенциально интересных органам правопорядка в целях предупреждения и раскрытия преступлений, могуткратно возрасти. С одной стороны, это является положительной долгожданной тенденцией, ибо предоставит правоприменителям информацию, необходимую и желаемую, но ранее не доступную, а с другой – сразу же потребует соответствующего аппаратного инструментария и методик аналитической обработки критически возросших массивов информации, о чем будет сказано далее.

В то же время научное сообщество вполне обоснованно прогнозирует рост нарушений прав человека и гражданина в процессе и в результате повсеместной информатизации и цифровизации абсолютного большинства сфер жизнедеятельности социума<sup>2</sup>. Следует отметить озабоченность отдельных ученых, научных школ и коллективов (и даже некоторых государств, в лице их официальных представителей и структур) появляющейся возможностью концентрации подобной разноаспектной информации в одном месте (в одной базе данных) и обусловленными этим рисками и угрозами «информационных злоупотреблений».

По мнению сторонников рассматриваемой теории, в свете последних достижений информационно-аналитической революции и перспективных методик анализа больших данных обладание такой информацией способно уже сегодня предоставить ее «владельцу»

---

<sup>1</sup> Carroll John M. Confidential information sources: Public & Private. A complete guide to the confidential personal information in public and private record system. Los Angeles, California 90034: Security World Publishing Co., Inc., 1978. 335 p.

<sup>2</sup> См., напр.: Чернышева Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества // Психология и право. 2019. № 4 (9). С. 90–102. doi: 10.17759/psylaw.2019090407; Гончаров И.В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 97–102; и др.

в лице правоохранительного ведомства, социальной структуры или общественной организации чрезмерные возможности в многофакторной аналитической обработке имеющихся сведений, количестве и качестве генерируемых выводов о личности фигуранта, его образе жизни, здоровье, привычках, семейной и социальной активности, закономерностях и перспективах поведения, высоковероятностных поступках и т. п.

Считается, что подобная инструментальная аналитика многолетних сведений о зафиксированных актах социальной активности (посещения школ, магазинов, аптек, медицинских учреждений, спортклубов, места и виды покупок, места, размеры и формы платежей, поездки, онлайн-заказы, поисковые интернет-запросы, респонденты в социальных сетях, личные фото и мн. др.) может «обнажать» определенные стороны жизнедеятельности индивида, фактически являющиеся его личной, семейной и пр. тайной, неочевидные в обычной жизни, но гарантированно проявляющиеся и диагностируемые в процессе многофакторного анализа информации о фигуранте.

Современное законодательство некоторых государств (в частности Великобритании) уже содержит нормы, запрещающие создание единых баз данных, позволяющих концентрированно накапливать и работать с информацией об одном лице, и обязывающие соответствующих субъектов (операторов сбора, хранения и обработки информации, к которым могут относиться и правоохранительные органы) разделять массивы данных. С одной стороны, вполне логичным представляется физическое разделение массивов и обеспечение этим невозможности концентрации в одном месте всей информации о лице и ее обработки методом анализа больших данных. Но, с другой стороны, информация из разных массивов может быть вполне законно получена простым запросом и далее использована во всей совокупности для того же анализа. То есть фактически данный запретительный механизм не устраняет полностью риск гипотетического злоупотребления возможностью аналитической обработки информации и оставляет эту проблему не решенной.

Очевидно, что эта тенденция продолжит развиваться и со временем реализуется в конкретные алгоритмы, предписания и запреты на сбор, хранение и аналитическую обработку персональных данных и иных сведений об активности индивида. Учитывая, что работа с информацией является сегодня неотъемлемой частью оперативно-розыскной деятельности, следует признать, что указанный процесс обязательно отразится на нормативном правовом регулировании оперативно-розыскного инструментария и его функционально-технической составляющей.

Сугубо нормативная правовая сфера также меняется и требует изменения соответствующих социально-правовых институтов и отраслей, смежных с правом. Одним из важнейших социально-правовых изменений, повлекущим за собой цепную реакцию последующих изменений в ряде социальных областей, и в том числе в ОРД, является принятие Россией «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203<sup>1</sup>. Среди множества прогрессивных идей и планов общегосударственного масштаба данный документ, как стратегический концепт развития России в предстоящей декаде XXI в., декларирует положения и новеллы, обязательно и значительно повлияющие на оперативно-розыскную деятельность в целом и на ее инструментарий – ОРМ:

- обеспечение прав граждан на доступ к информации;
- обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях;
- обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере;
- создание инфраструктуры электронного правительства;
- осуществление в электронной форме взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, граждан и юридических лиц.

Документ не только отразил в себе объективные тенденции мирового развития сферы информатизации и цифровизации, но фактически обозначил юридические границы и направления основных социальных реформ в этой области. А они не смогут не затронуть правоприменение! Стремительное появление многочисленных новых естественных прав, обусловленных развитием технологий, появлением новых отраслей науки, медицины, производства, взаимоотношений и пр., закономерно влечет за собой развитие (изменение, дополнение, трансформацию) соответствующих отраслей права, а также редакционное и содержательное изменение законодательства, влекущее соответствующие новшества в оперативно-розыскной деятельности. «Высокие достижения биомедицинской науки, повсеместная информатизация общественных отношений, предполагающие новые модели поведения человека в обще-

---

<sup>1</sup> О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

стве, также привели к необходимости выделения принципиально новых естественных прав человека, таких как соматические права, цифровые права и «право на забвение, позволяющее ему при наличии определенных условий требовать удаления ссылок на информацию о себе, которая, по его мнению, может нанести ему вред, из поисковых систем сети Интернет (Google, Yandex, Mail и др.)»<sup>1</sup>. Учитывая скорость и частоту появления «новых» естественных прав человека в области информации и коммуникации, генной инженерии, донорства и трансплантологии, искусственного оплодотворения и суррогатного материнства и мн. др. (и соответственно гражданских прав – у гражданина), потенциально связанных с ними возможностей, свобод, презумпций и привилегий, можно предположить соответствующий лавинообразный рост вполне законных требований людей (носителей этих прав и свобод) к правоохранительным органам (как, впрочем, и к любым иным организациям с системой учета информации) о строгом соблюдении этих самых прав в виде ограничения или полного запрета на получение, хранение, использование информации личного характера, ее частичного или полного уничтожения и т. п.

Высоко оценивая возможную уникальность, сиюминутную и долговременную значимость (ценность) подобной информации (объемы которой могут быть весьма значительны) для решения ключевых задач ОРД – предупреждения и раскрытия тяжких преступлений, приходится признать критически важным и первоочередным решение вопросов правовой регламентации рассматриваемой проблемы (как и многих иных аналогичных проблем!).

Необходимо отметить, что декларируемые в указанной Стратегии идеи создания электронного правительства и системы электронного документооборота между гражданами и всеми (почти без исключения) государственными органами уже активно реализуются, претворяя в жизнь не только какие-то гипотетически блага, позитивные изменения и перспективы, но и вполне реальные обоснованные риски. Так, «с начала 2017 г. действуют поправки в гражданское, уголовное административное законодательство о том, что участники судебного производства могут направлять в суд документы и доказательства по делу в электронном виде, подписанные электронной подписью через сайт суда. Согласно новым поправкам, в электронном виде могут быть представлены и судебные решения,

---

<sup>1</sup> Гончаров И. В. Новые векторы в развитии естественных прав человека // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74). С. 21.

подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, за исключением особой категории дел»<sup>1</sup>. Это полностью касается и иных, кроме упомянутых, государственных структур. Фактически очень значительную (по общему объему и ценности содержащихся персональных данных и иных сведений) часть электронного документооборота и банков данных административно-распорядительной, правоохранительной, социальной, налоговой, судебной и иных государственных систем России выбросили в «открытое» интернет-пространство, со всеми его шпионскими, хакерскими, вирусными и иными угрозами, пранками<sup>2</sup>, фэйками<sup>3</sup> и возможными негативными (а точнее – катастрофическими) последствиями. Учитывая имеющуюся незащищенность российского сегмента Интернета от внешних хакерских, спамерских<sup>4</sup> и прочих атак, востребованность и ликвидность на «черном рынке» информации подобного рода, можно утверждать, что вероятность случайных утрат и целенаправленных хищений указанных сведенийкратно возрастет по сравнению с сегодняшним днем. К критической потере производительности и даже коллапсу этой системы могут привести популярные ныне массовые рассылки спама и прочей сетевой рекламы, нередко содержащей кроме невинной, хотя и ненужной информации о товаре, еще и опасные компьютерные вирусы, и встроенные шпионские программы. Бесспорно, прав профессор В. С. Овчинский, утверждающий, что являющаяся важнейшим критерием перехода страны в цифровой мир всеобщая связанность, интеграция личных девайсов (многофункциональных устройств),

---

<sup>1</sup> Чернышева Ю. А. Права человека в условиях цифровизации общества // Психология и право. 2019. № 4 (9). С. 90–102. doi: 10.17759/psylaw.2019090407.

<sup>2</sup> Пранк (англ. prank call от англ. Prank – «проказа, выходка, шалость, розыгрыш, шутка») – телефонное хулиганство, телефонный розыгрыш. Люди, практикующие пранк, называются пранкерами. Пранкеры совершают телефонные звонки (обычно анонимные) своим жертвам и путем провокаций и подшучиваний вынуждают жертву к яркой ответной реакции. Нередко общение в рамках розыгрыша записывается и в дальнейшем распространяется в Интернете. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пранк> (дата обращения: 20.05.2020).

<sup>3</sup> Фейк – фальшивый, фальсификация (от англ. Fake – «фальшивый»). Фальшивые новости (фейковые новости, англ. fake news) – информационная мистификация или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Фейк\\_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Фейк_(значения)) (дата обращения: 20.05.2020).

<sup>4</sup> Спам (англ. spam) – массовая рассылка корреспонденции рекламного характера лицам, не выражавшим желания ее получать. Распространителей спама называют спамерами. В общепринятом значении термин «спам» в русском языке впервые стал употребляться применительно к рассылке электронных писем. Доля спама в мировом почтовом трафике составляет от 60 % (2006 г.) до 80 % (2011 г.) // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Спам> (дата обращения: 24.05.2020).

общественных сетей, корпоративных систем и правительственных инфраструктур в единое целое открывает невиданные возможности, но одновременно делает нас обитателями дома со стеклянными стенами. В данном случае возможности, риски и угрозы растут пропорционально и экспоненциально. И даже в самой Стратегии развития информационного общества отмечено, что с использованием сети Интернет все чаще совершаются компьютерные атаки на государственные и частные информационные ресурсы, объекты критической информационной инфраструктуры<sup>1</sup>.

Смежная с затронутой проблема заключается в доступности огромного количества электронных источников и объемов «сетевой» информации для реализации гражданами своих конституционных прав на ее поиск, сбор и обработку и одновременно – в ничтожной достоверности, уникальности и ценности большинства найденных ссылок. Существующие методы искусственного повышения рейтинга сайтов (новостных агрегаторов, поисковиков) ставят под серьезное сомнение беспристрастность и полноту результатов работы поисковых машин, тем более, что периодически становятся доступными данные о фальсификации роботизированного поиска. В первую очередь это касается информации, используемой для принятия юридически значимых решений, последствия которых могут иметь общественное значение<sup>2</sup>. Полагаем, что в контексте данного смыслового блока оперативно-розыскная деятельность столкнется с двумя проблемами, требующими трансформации ее оперативно-розыскного инструментария:

1. Переход правоохранительных органов, и в частности оперативных подразделений, на электронный документооборот в рамках реализации «Стратегии развития информационного общества...» потребует определенных функциональных алгоритмов и мер профилактики (защиты) от несанкционированного доступа к информации, особенно – к оперативной, «закрытой», с ограниченным доступом (грифом секретности).

2. Указанная информационная среда будет являться (а фактически уже является) местом совершения разнообразных компьютерных преступлений, предупреждение, пресечение и раскрытие которых является одной из задач ОРД, что и должно будет осуществляться. Полагаем, что большая часть деликтов будет нацелена

---

<sup>1</sup> Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В.С. Овчинский. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 9–11 (352 с.).

<sup>2</sup> Горев А. И., Горева Е. Г. Интернет – зона свободы слова или новая сфера правового регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 3 (66). С. 40–44.

на неправомерное получение персональных данных для последующего их использования в личных, в основном корыстных, mercantильных целях (продажа, вымогательство, мошенничество и пр.) и использование вредоносного программного обеспечения (вирусов) с фактически бесконечным числом причин и целей.

Одновременно с этим определенную проблему может создавать и субъектно-территориальная неопределенность относительно места совершения преступления. Безграничное разнообразие мест нахождения и удаленности друг от друга электронных устройств жертвы и преступника, вероятность передвижения преступника через несколько регионов при совершении преступления, сложность определения точного места (а значит – подследственности и территориальности) обусловят необходимость решения этих вопросов в правовом и техническом аспектах.

Учитывая характер и значимость информации, о которой идет речь, можно смело предположить, что независимо от непосредственных исполнителей (потенциальных похитителей или уничтожителей информации из сети / технического устройства), заказчиками на подобные преступления могут выступать не только отдельные лица, но и организации, предприятия, холдинги и т. п. любых отраслей и видов деятельности, заинтересованные в определенном воздействии на информацию – ее получение, уничтожение, изменение, распространение и т. п. использование в конкурентной борьбе. Именно указанные специфики и обусловят соответствующие необходимые изменения оперативно-розыскного инструментария для соответствия изменениям реальной действительности в рассматриваемой области. При этом необходимо осознавать, что и сами изменения, и дальнейшее использование оперативно-розыскного инструментария должно происходить в рамках еще одного стратегического государственного документа – Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646<sup>1</sup>.

В развитие предыдущих тезисов, считаем целесообразным отметить, что актуальной проблемой, до сих пор не нашедшей своего окончательного разрешения, но вероятно способной повлиять в будущем на дальнейший генезис оперативно-розыскных мероприятий и ОРД в целом, является получение и разнообразное дальней-

---

<sup>1</sup> Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Текст указа опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) 6 декабря 2016 г. // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

шее использование субъектами ОРД информации, содержащей тот или иной вид тайны, взаимодействие (особенно конфиденциальное сотрудничество) с лицами – носителями такой информации, а также обязательное предоставление секретной оперативной информации должностным лицам, не являющимся субъектами ОРД – следователям, прокурорам, судьям. Исследование отдельных аспектов данной проблематики, проведенное нами ранее<sup>1</sup>, позволяет сделать следующие прогностические выводы.

Российское законодательство насчитывает более 40 видов тайн<sup>2</sup>, а количество категорий лиц, прямо или косвенно в эти тайны посвященных, еще больше. Полагаем, что с дальнейшим развитием разнообразных сфер жизнедеятельности общества это количество будет только увеличиваться, что в условиях необходимости получения судебного решения (санкции) на проведение ОРМ несомненно окажет непосредственное негативное влияние на возможности оперативного (быстрого) и полного получения сведений, содержащих один из видов тайн. Наиболее уязвимым с указанных позиций нам представляется оперативно-розыскное мероприятие «Наведение справок», типичный отказ на предоставление информации по которому может быть мотивирован (а согласно правоприменительной практике, уже мотивируется) тем, что она является той или иной (врачебной, семейной, налоговой, банковской, журналистской, нотариальной и т. п.) тайной и может быть предоставлена не иначе как по решению суда. Учитывая возможную высочайшую актуальность истребуемой информации, ее способность представлять ценность для решения задач ОРД (и всего процесса судопроизводства) весьма короткий период времени и необходимость ее срочного получения, следует признать эту проблему животрепещущей и пока, увы, не решенной до конца.

Кроме вышеупомянутой проблемы, имеется еще одна, «соприкосновенная» с ней, а именно – некоторые особенности обеспечения негласного содействия лиц органам, осуществляющим ОРД. Часть 1 ст. 17 «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД декларирует, что к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий могут привлекаться отдельные лица с соблюдением перечисленных в статье требований. Этой нормой закон признает конфи-

---

<sup>1</sup> Тамбовцев А.И. Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1. С. 91–100.

<sup>2</sup> Лопатин В.Н. Правовая охрана и защита служебной тайны // Государство и право. 2000. № 6. С. 85.

тов (впрочем – любых содействующих лиц) исполнителями (или соисполнителями) ОРМ наряду с иными категориями возможных исполнителей, а в контексте настоящей статьи – пользователями оперативно-розыскного инструментария. Часть 3 этой же статьи предоставляет правоприменителю исчерпывающий перечень лиц, с которыми не может осуществляться конфиденциальное содействие на контрактной основе. Основным аргументом декларированного запрета является обладание фигурантами (кандидатами на содействие) некой профессиональной тайной, которую они по морально-этическим и/или корпоративным, служебным нормам не могут разглашать. Очевидно, что данный перечень упоминает далеко не всех представителей профессий, обладающих одной из упомянутых в законодательстве тайн. Длительное время в российском научном сообществе идет полемика, почему не все из них вошли в представленный перечень. Абсолютно понятным и логичным (но совершенно нежелательным с позиции субъектов ОРД!) представляется возможное расширение законодателем данного списка и включение в него всего перечня представителей профессий, обладающих информацией о частной жизни лица и ввиду этого не подлежащей разглашению – врачи, журналисты, нотариусы, страховые агенты, банковские служащие и мн. др. Рассматриваемый запрет вполне естественно может повлечь самые негативные последствия для оперативно-розыскной деятельности. Принимая во внимание, что речь в запрете идет все-таки о контрактных формах содействия, полагаем, что даже в самом худшем варианте своего развития (что, по нашему мнению, маловероятно!) эта тенденция может привести лишь к незначительному изменению соотношения категорий конфиденентов – содействующих на контрактной или бесконтактной основе.

### **§ 3. Научно-технический прогресс и оперативно-розыскные мероприятия**

Сильнейшей и значимой детерминантой, повлияющей на качественное состояние оперативно-розыскного инструментария, по нашему убеждению, является совокупность технических инноваций, революционных разработок в области высоких технологий, интернет-услуг, компьютерных программ и пр., внедряемых во все без исключения сферы жизнедеятельности общества и отдельного человека.

Постоянное, практически ежемесячное обновление компьютерных технологий, миниатюризация технических средств связи,

наблюдения, коммуникации, навигации и т. п., адаптация ранее недоступных космических и военных технологий (GPS-навигационных, трекинговых, опознавательных, аналитических, идентификационных и иных программных приложений и комплексов) под бытовые нужды обычных потребителей, к персональным телефонам, компьютерам, коммуникаторам и другим устройствам практически во всех сферах жизнедеятельности социума и отдельного человека обусловили фактически непрерывную круглосуточную (24/7) и многофакторную электронную фиксацию действий почти любого члена общества. Сегодня в большей или меньшей степени этому объективно подвержены 100 % населения России и мира в целом.

В связи с вышеизложенным рассмотрим несколько наиболее ярких детерминант, влияющих на трансформацию оперативно-розыскного инструментария:

#### *Первая детерминанта.*

В настоящее время можно смело констатировать, что жизнь современного человека – это перманентное непрерывное формирование и пополнение большого количества независимых друг от друга электронных баз данных о его социальной активности, т. е. фиксация следов автоматического или ручного использования своих электронных устройств – телефона, компьютера, банковских карт, электронных проездных билетов и пр. В ходе проведенного исследования в рамках социальной программы «умный город» учеными было установлено, что обзорное пространство систем уличного видеонаблюдения может приближаться к 100 %<sup>1</sup>. Сопоставление же «внешних», как правило, визуальных данных с данными иных систем фиксации информации способно предоставить огромный объем дополнительной информации о субъекте, его активности, привычках, предпочтениях и т. п. По мнению авторов, наполненность современной социальной среды (мест массового скопления и посещения людей) техническими средствами обеспечения жизнедеятельности такова, что независимо от желаний пребывающего в этой среде индивида сама среда автоматически фиксирует информацию о посещении им определенных социальных объектов и времени пребывания там, о подключении к базовым телефонным станциям, корпоративным системам Wi-Fi, GPS-навигации и трекинга, оплату электронными банковскими картами, вызов такси и маршруты передвижения, пользование автомобильным, железнодорож-

---

<sup>1</sup> Долматов А. В., Долматова Л. А. Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 48.

ным и авиационным транспортом, время, место, полный перечень заказа и приобретения покупок, формы оплаты и мн. др.

И тут необходимо помнить следующие важнейшие тезисы.

Во-первых, события, происходящие с человеком в общественном месте, не могут составлять тайну частной жизни, личную и семейную тайну, поскольку в данном случае гражданин выступает участником публичных отношений. Так, в подп. 1 п. 1 ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ содержится положение о том, что для обнаружения и дальнейшего использования изображения гражданина в государственных (общественных или иных публичных) интересах его согласия не требуется. В пункте 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”»<sup>1</sup> разъясняется, что к общественным интересам следует относить потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы государству и гражданскому обществу, а также общественной безопасности и окружающей среде.

Во-вторых, возможность использования персональных данных лица без его согласия предусмотрена в ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»<sup>2</sup>.

В-третьих, любая персональная информация, добровольно выложенная владельцем в открытую социальную сеть (или виртуальную среду) для всеобщего обозрения неустановленным кругом лиц, автоматически считается общедоступной, и случайное или целенаправленное ознакомление с ней третьих лиц не может расцениваться как нарушение «прайвизи» – тайны личной жизни.

То есть большая часть вышеупомянутых сведений, регистрируемых наружными системами безопасности, может и должна быть использована для достижения целей правоохраны в целом и решения задач ОРД в частности. Именно в этом контексте и должно произойти изменение оперативно-розыскного инструментария.

#### *Вторая детерминанта.*

Следующая детерминанта связана с предыдущей и тоже основана на технологическом прогрессе. Как закономерное развитие предыдущего тезиса, необходимо акцентировать внимание на инно-

---

<sup>1</sup> О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 // Рос. газ. 2010. 18 июня.

<sup>2</sup> Головкин В. В., Пивоваров Д. В. Установление личности нарушителя специальными техническими средствами фотосъемки, звуко- и видеозаписи, дактилоскопирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 43 (42–44.)

вационных разработках и внедрении в реальную правоприменительную (и даже в повседневную практику обычных людей) технических средств и программного обеспечения, способного на обнаружение и гарантированное распознавание в массовом потоке объекта (лиц, машин, купюр или иных объектов), с конкретными поисковыми признаками. Более того, современные технические системы безопасности способны мгновенно (и что очень важно – бесконтактно и дистанционно, т. е. фактически незаметно) получать разноплановую, цельную или фрагментированную, разноформатную информацию об объекте наблюдения, аккумулировать и сопоставлять разрозненные блоки и делать ее многофакторный анализ, в том числе прогностического криминологического (криминогенного) характера: рентгенография и термография человека и багажа; металлодетекция; распознавание лиц (в том числе с последствиями пластических операций) и невербальных сигналов – эмоций и намерений по мимике, жестам и поведению в целом, отпечатков пальцев, радужной оболочки глаза, татуировок, почерка и др. отличительных признаков; запаховый (химический) экспресс-анализ воздуха / веществ. Подобные комплексы активно используются службами безопасности аэропортов, вокзалов, стадионов, банков и т. п., но очевидна их явно не оперативно-розыскная специализация и относительно небольшое количество.

В то же время «предпринимаются попытки создания технологий, позволяющих идентифицировать противоправные намерения с помощью анализа психофизиологических реакций человека. В качестве примера можно привести как классический полиграф (детектор лжи), так и новые разработки: дистанционные детекторы психоэмоционального состояния биологических объектов, технология виброизображения (VibraImage), методика психозондирования профессора И. Смирнова – «Майн ридер», «Молчаливый болтун» (Silent talker), анализаторы лжи по голосу, метод биорадиолокации и т. д.»<sup>1</sup>. Уже сегодня имеются и массово используются населением устройства (телефоны, часы, браслеты, «клипсы», «прищепки» и пр.) и программы-приложения для фиксации широкого перечня психофизиологических и эмоциональных параметров владельца, его самочувствия, сопоставлению их с данными метеослужб, загруженности дорожного движения, фазами луны и многое другое, и их интерпретации применительно к занятиям спортом, режиму сна и бодрствования, приему пищи и лекарств и пр.

Учитывая скорость создания новых технических средств дистанционного «считывания» информации с человека и программно-

---

<sup>1</sup> Журнал «Психология и право». 2013. № 2. С. 2.

аналитических комплексов, способных ее быстро и многогранно анализировать, следует признать, что массовые работоспособные и эффективные приложения для смартфонов сегодняшнего поколения могут быть доступны уже в самое ближайшее время. Это в свою очередь детерминирует необходимость внедрения этих технологий в практическую деятельность оперативных сотрудников как альтернативу существенному уменьшению количества и времени контактов с носителями информации, о чем будет сказано далее. То есть недостаток коммуникативной информации, обусловленный противодействием респондента, объективными обстоятельствами проведения ОРМ или некомпетентностью субъекта ОРД, можно было бы отчасти заменить (компенсировать) или «выгодно» дополнить информацией «технического» характера о фигуранте и результатами ее инструментального (программного) или ментального анализа в оперативно-розыскном, психологическом, криминалистическом и др. контексте с итоговыми диагностическими, прогностическими или иными выводами.

### *Третья детерминанта.*

Весьма значимой детерминантой, влияющей на функциональное изменение оперативно-розыскных мероприятий и сферу их осуществления, является наличие и дальнейшее развитие цифрового (компьютерного, виртуального, сетевого) пространства как самостоятельного информационного поля общей доступности и пользования. Повсеместная информатизация общественных отношений привела к тому, что сегодня практически любую информацию, в том числе и личного характера, передают через социальные сети, электронную почту, выкладывают на сайтах и таким образом она становится общедоступной<sup>1</sup>. Совершенно правы исследователи, отмечающие, что люди, общаясь через Интернет посредством сайтов, персональных страниц в социальных сетях, закрытых сетевых форумов и чатов, электронной почты, средств обмена сообщениями, мессенджеров, приложений VoIP (интернет-телефонии – Skype, ICQ, Viber, WhatsApp, Telegram и др.), тем самым оставляют в виртуальном пространстве информацию о себе. В период пандемии данный вопрос становится еще более актуальным в связи с использованием для коммуникации средств в служебных, образовательных и иных целях программных комплексов TrueConf, Zoom и тому подобных. Технический прогресс вошел в жизнь многих людей и организаций,

---

<sup>1</sup> Гончаров И. В. Новые векторы в развитии естественных прав человека // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74). С. 18–23.

и лица, совершающие преступления и скрывающиеся от правосудия, не являются исключением, пользуясь средствами связи<sup>1</sup>.

Можно категорично утверждать, что данная цифровая среда в виде многочисленных социальных сетей, мессенджеров, сайтов, интернет-порталов, поисковых систем, агрегаторов и пр. является сферой электронного (цифрового) слеδοобразования, представляющая несомненный интерес для целей правоохраны и особенно ОРД, своего рода банком разнообразных данных, большая часть из которых доступна полностью или «условно» - при соблюдении некоторых (нередко формальных) требований, не требующая судебных санкций на ее получение (ознакомление с нею). И эффективность использования этого банка данных, по нашему мнению, зависит от нескольких факторов.

Во-первых, от умения пользователя (оперативного сотрудника) обращаться с электронными ресурсами и всеми имеющимися в них поисковыми и иными функциями и возможностями.

Во-вторых, от умения правильно структурировать, систематизировать и анализировать полученные сведения и делать соответствующие и вариативные оперативно-значимые выводы.

В-третьих, от четкого соблюдения процедуры правильной фиксации, изъятия и дальнейшего правомерного использования полученной информации в оперативно-розыскных, и что более важно – в процессуально-доказательственных целях.

Уже сегодня многие службы безопасности и кадровые аппараты государственных, частных структур и организаций, бизнес-сообществ целенаправленно обучают своих сотрудников поиску (легальному и не требующему никаких санкций) и последующему многофакторному анализу именно такой сетевой информации о потенциальных клиентах, подрядчиках и собственных работниках. И тут для оперативно-розыскных целей важно не столько найти информацию – тексты, даты, фото и мн. другое, но правильно интерпретировать ее, истолковать сквозь призму оперативного интереса, используя знания психологии и специально разработанные оперативно-розыскной психологией психологические приемы<sup>2</sup>, а также сопоставляя с иными сведениями биографического, эконо-

---

<sup>1</sup> Буряков Е.В. Информационные технологии в розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 3 (70). С. 29–32.

<sup>2</sup> Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специализация «Уголовно-правовая») и специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (специализация «Административная деятельность») / В.Ю. Алферов, А.И. Гришин, Н.И. Ильин; под

мического, финансового, социального, медицинского, имущественного и пр. характера об объекте проверки.

#### *Четвертая детерминанта.*

Следующая детерминанта имеет глобальный характер и, вероятно, столь же значимые последствия для трансформации оперативно-розыскного инструментария. Вышеуказанные прогрессивные изменения технической компоненты общества повлекли кратное увеличение объемов и вариаций информации, связанной с его (общества) деятельностью. Информация стала основным средством обеспечения производственных, торговых, финансовых и иных процессов социума, анализа их эффективности и основой для прогнозирования и планирования. Это закономерно привело к тому, что начало XXI столетия ознаменовалось для всего человечества появлением такого социально-информационного феномена, как «большие данные». Взрывной рост объемов информации и многообразия обрабатываемых данных породили необходимость аналитической обработки таких информационных массивов<sup>1</sup>.

Наряду с определенными (несомненно положительными) возможностями и благами, ожидаемыми от использования многократно возросших массивов информации, этот феномен одновременно обнажил и невероятные трудности аналитической (как ментальной, так и инструментальной) обработки такой информации. В настоящее время общество, все его структуры, в том числе правоохранительные, всецело зависят от информационного оборота, который от бумажной формы и незначительных объемов практически повсеместно перешел к электронной форме и объемам, трудно поддающимся осмыслению. В то же время общепризнанно, что попытки оптимизировать документооборот (как вариант работы с электронными сведениями) объективно влечет увеличение его потока, то есть ожидается его дальнейшее увеличение. Это прямо свидетельствует, что сегодня получение и, что более важно – анализ информации уже объективно превышают возможности самых передовых

---

общ. ред. В. В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2016. С. 19 (296 с.).

<sup>1</sup> Черняк Леонид. 2011. Big Data относится к числу немногих названий, имеющих вполне достоверную дату своего рождения – 3 сентября 2008 г., когда вышел специальный номер старейшего британского научного журнала Nature, посвященный поиску ответа на вопрос «Как могут повлиять на будущее науки технологии, открывающие возможности работы с большими объемами данных?» ...Осознавая масштаб грядущих изменений, редактор номера Nature Клиффорд Линч предложил для новой парадигмы специальное название «большие данные», выбранное им по аналогии с такими метафорами, как Большая Нефть, Большая Руда и т. п., отражающими не столько количество чего-то, сколько переход количества в качество.

технических средств (компьютеров, серверов, вычислительных комплексов и пр.) и самые гениальные человеческие когнитивные и мыслительные способности и требуют специальных подходов.

Будучи приверженцами «классических» методов оперативной работы и ничуть не умаляя эффективность, ценность и имеющийся на долгие годы вперед потенциал нынешних оперативно-розыскных мероприятий чувственного и коммуникативного характера, авторы, тем не менее, убеждены в близости качественных (близких к революционным) изменений оперативно-розыскного инструментария. Ранее нами (в поддержку мнения многих ученых<sup>1</sup>) уже отмечалась насущная необходимость и очевидная тенденция смены информационно-аналитической парадигмы правоохранительной системы – перехода информационно-аналитической работы органов правоохраны с ситуативного нерегулярного поиска конкретных сведений в информационных сетях на постоянный целенаправленный сбор, накопление и обработку информации в формате больших данных (Big Data). При всей актуальности указанного направления, исследователями отмечается, что сегодня «правоохранительные органы располагают огромными объемами информации, собранной в разных форматах из самых различных источников. Однако эта информация не приносит той пользы, которую могла бы, поскольку технические возможности ее эффективной обработки не совершенны»<sup>2</sup>. Техническая оснащенность и информатизированность современной социальной среды позволяют органам правопорядка свободно или по мотивированному запросу получать огромные массивы уникальной разноформатной информации, открывающие широчайшие оперативные и процессуальные перспективы при ее правильном анализе. Будучи зафиксированной, изъятой, архивированной, «складиро-

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Соболева Г.В.* Оценка риска мошеннических действий с использованием «больших данных» // Международный экономический симпозиум: материалы международных научных конференций. 2017. С. 660.; *Осипенко А.Л.* Об отражении в оперативно-розыском законодательстве вопросов использования больших данных в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская юридическая академия. 2015. С. 46–53.; *Мещеряков В.А.* Влияние «больших данных» на облик современной криминалистики и уголовного процесса // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. М., 2014. С. 18–22.; *Бессонов А.А.* Большие данные (big data) в криминалистике // Научные труды. Российская академия юридических наук: ООО «Издательство «Юрист», 2019. С. 786–790.; *Федосеев С.В.* Применение современных технологий больших данных в правовой сфере // Правовая информатика. 2018. № 4. С. 50–58; и др.

<sup>2</sup> *Тишутина И.В.* Новые возможности раскрытия и расследования преступлений в условиях глобальной цифровизации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 4. С. 48 (46–55).

ванной» и готовой к дальнейшему продуктивному использованию, такая информация остается в большинстве случаев бесполезным «тяжелым грузом» в информационно-аналитических центрах или еще хуже – стопками распечатанных данных в виде бесконечных перечней фамилий, телефонов, адресов, маршрутов, банковских атрибутов и т. п.

Действительно, объем информации, получаемой сотрудником оперативных подразделений, геометрически возрастает, так как информация получается без фильтрации, идет сплошным потоком. Если это прослушивание телефонных переговоров, то это информация обо всех переговорах фигуранта (группы фигурантов) за значительный промежуток времени. Если это информация о перемещении денежных средств по счетам, то это сведения по всем транзакциям за определенный период времени. Если это получение компьютерной информации, то в распоряжении оперативного сотрудника появляется объемная информация из этого электронного источника. Иными словами, современный сотрудник оперативного подразделения становится специалистом, который получает и затем изучает огромные массивы информации со сложной неоднородной или неопределенной структурой (результаты запросов; информация, полученная от конфиденциальных и открытых источников; сведения, полученные в результате использования технических средств (прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации и т. п.)).

Таким образом, акцент в деятельности современного оперативного сотрудника уже не делается только исключительно на чувственных и коммуникативных способах получения информации. Особое внимание должно уделяться (и уделяется) способности устанавливать все потенциально возможные технические источники информации об интересующем объекте, процедурам ее получения и использования в оперативных и процессуальных целях. Сотрудник оперативного подразделения постепенно из поставщика (генератора) оперативно-розыскной информации переходит в категорию потребителя (аналитика) информации, накапливаемой с помощью технических устройств, которые без его участия фиксируют те или иные действия (бездействия), факты и обстоятельства. Ряд преступлений уже сейчас раскрываются исключительно за счет обработки сведений, полученных из специальных подразделений органов внутренних дел, а также по запросам из различных компетентных органов (например, налоговые преступления). Мы пола-

гаем, что эта тенденция, с учетом развития науки и техники, будет прогрессировать<sup>1</sup>.

Вместе с тем, информация сама по себе, а особенно большие данные, без надлежащей аналитики и обработки ничтожна. Для ее обработки необходим соответствующий высокоинтеллектуальный и производительный программный инструментарий и обученные высококвалифицированные специалисты, способные к данной аналитической работе.

К сожалению, из-за серьезного недостатка программно-аналитических платформ для машинной обработки информации указанного объема и формата и фактического отсутствия по разным причинам подготовленных профессиональных кадров (аналитиков) большая часть современной «работы» в ОВД с большими данными сводится исключительно к их сбору и накоплению, не дающему практически никакого эффекта. В то же время объективности ради необходимо уточнить, что аналитическая обработка больших данных сама по себе не будет являться принципиально новым инструментом в перечне ОРМ. Аналитика давно и очень успешно используется для превенции и раскрытия преступлений, криминалогической диагностики и прогнозирования. Однако, при соответствующем кадровом и технологическом обеспечении, именно этот социальный феномен (Big Data) способен стать серьезной альтернативой и весьма существенным (а по некоторым критериям – уникальным и незаменимым) дополнением к существующим оперативно-розыскным мероприятиям коммуникативного и чувственного характера, которые, к сожалению, постепенно объективно теряют свою былую значимость и эффективность. При чем работа с информацией такого качества и количества должна осуществляться не отдельными (редкими, высоко востребованными и постоянно занятыми) работниками информационно-аналитических центров, а оперативными сотрудниками, имеющими соответствующую вузовскую подготовку и доступное оборудование. И тут автоматически затрагивается вторая, не менее актуальная часть рассматриваемой детерминанты. Если соответствующее техническим требованиям оборудование и программное обеспечение можно закупить и фактически одномоментно запустить в работу, то найти или подготовить достаточное количество специалистов требуемого уровня будет проблемно по следующим причинам.

---

<sup>1</sup> Павличенко Н. В., Тамбовцев А.И. Будущее профессии оперуполномоченный – Big Data и аналитика // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 64.

Во-первых, сегодняшний рынок гражданских специалистов такого рода оперирует совершенно отличными от существующих в правоохранительной системе (в частности – МВД) требованиями и запросами к условиям работы и ее оплате. Проведенный анализ вакансий и предложений наиболее популярных сайтов поиска работы JOB.RU., HEADHUNTER.RU., RABOTA.RU., SUPERJOB.RU., ZARPLATA.RU., RABOTA.MAIL.RU., VAKANT.RU. наглядно свидетельствует о 2-3 кратном превышении зарплат сотрудников соответствующих категорий при приеме на работу (аналогично первому году службы в ОВД) вне системы МВД – в частные предприятия и организации. К тому же работа в них исключает свойственные правоохранительным органам «неблагоприятные условия службы», «тяжести и лишения», ненормированный рабочий день, субординацию, дисциплину, тревоги, построения, регулярные аттестации и т. п. То есть в настоящее время назрела реальная проблема поиска кадров для аналитической работы в правоохранительной системе на существующих в ней условиях.

Во-вторых, подготовка специалистов в системе вузов МВД (или другого правоохранительного ведомства) – процесс не быстрый и требует соответствующих актуальных программ подготовки и профессорско-преподавательского состава, способного подготовить требуемый практикой профессиональный контингент. По нашему мнению, специфика ведомственных юридических учебных заведений изначально иная и всегда была нацелена на подготовку специалистов правоведения и правоприменения, возможно с углубленным изучением дисциплин в сфере информатики. Уровень же сотрудников для аналитической работы требует совершенно иных знаний и может быть достигнут либо в специализированном технологическом вузе, либо посредством радикального изменения основной образовательной программы ведомственных учебных заведений.

В-третьих, осмысление, систематизация и анализ информации, получаемой из определенных информационных систем (то есть тех самых больших данных) уже потребует специальных познаний, отдельного времени и усилий, если вообще будет доступной хотя бы для частичной ментальной обработки человеком без использования специальных компьютерных программ. А значит, обучение специалистов рассматриваемого профиля изначально должно основываться на совокупности юридических, логико-математических и программно-аналитических учебных дисциплин.

Таким образом, вышеизложенное еще раз доказывает необходимость соответствующего изменения оперативно-розыскного инструментария, специализации, ареала, формата и приоритетов

оперативной работы. Поиск и получение коммуникативной и чувственной информации с последующим ее ментальным анализом должны объективно дополняться (а порой – даже заменяться) на выявление максимального количества источников информации формата Big Data об объекте, ее получение и последующий многофакторный машинный анализ. По крайней мере часть сотрудников должна специализироваться именно на этом.

#### **§ 4. Глобальные тренды в жизни индивида, влияющие на трансформацию оперативно-розыскных мероприятий**

Следующую группу детерминант составляют изменения, касающиеся формата и условий персональной жизни индивида или малых социальных групп, но оцениваемых и принимаемых всем обществом как новый популярный тренд, новый образ жизни, новая жизненная идеология – персональная точка зрения, личная привычка, распространяемая и культивируемая между индивидами и парадоксально становящаяся общественной традицией, обычаем.

Предваряя дальнейшие рассуждения и основываясь на постулате юридической психологии, что в профессиональной деятельности юристов около 80 % составляет общение<sup>1</sup>, необходимо отметить исключительную важность, во-первых, способности сотрудника установить такой контакт и, во-вторых, наличия у сотрудника самой возможности вступления в контакт с предполагаемым носителем информации. Именно непосредственный контакт с целью дальнейшей коммуникации и (или) получения чувственной информации об объекте является основой многих оперативно-розыскных мероприятий.

«Человеческая или социальная коммуникация, которая как процесс, происходит в определенном социокультурном пространстве и времени, предполагает рассмотрение вопроса с опорой, прежде всего, двух как минимум личностей (субъектов, акторов), которые испытывают потребность, интерес в связи друг с другом и понимают смысл и необходимость контакта. При этом один из коммуникантов является инициатором этого контакта, другой – может пойти или не пойти на контакт в зависимости от своих потребностей, интересов, смысла»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Юридическая психология: учебник для студентов вузов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / И. Б. Лебедев и др., под ред. В. Я. Кикотя. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 297 (479 с.)

<sup>2</sup> Григорьянц Н.В. Речевые средства коммуникации: к проблеме трансформации на рубеже XX–XXI веков // Современная научная мысль: материалы II Международ-

Установлению, «развитию» и поддержанию психологического контакта с лицом, представляющим определенный интерес, посвящены десятки работ в области психологии, социологии, коммуникативистики, маркетинга, кадровой работы и пр.<sup>1</sup> И в них, несомненно, имеются уникальные идеи и рациональные прагматичные рекомендации прикладного значения. Однако насколько они применимы к ОРД? В отличие от многих других видов социальной активности, где коммуникация выступает главенствующим основополагающим началом (или как минимум – одним из них), ОРД – это такой вид человеческой деятельности, «где субъекты преследуют противоположные цели, где сталкиваются интересы сторон, а их отношения носят характер конфликта»<sup>2</sup>. Специфическая особенность оперативно-розыскной деятельности именно в том, что лицо, представляющее оперативный интерес (то есть носитель информации и потенциальный респондент), с которым нужно установить контакт, в отличие от заинтересованного в контакте и результатах беседы инициативного соискателя работы или ищущего конкретный товар покупателя, может не просто пассивно не желать этого где-то в глубине души и отказываться от общения, а намеренно и активно противодействовать. Или, например, в иной ситуации опрашиваемый не должен догадаться об истинных целях и мотивах беседы, либо

---

ной научно-практической конференции. 10 ноября 2016 г. / гл. ред. М. П. Нечаев. Чебоксары: Экспертно-методический центр, 2016. С. 148.

<sup>1</sup> См., напр.: *Исупова О.Г.* Телефонное интервью: заметки организатора опроса // Социология: Методология, методы, математические модели. 1996. № 7. С. 130–146; *Станкин М.И.* Психологические способы установления контактов между людьми: учебное пособие. Москва: Московский психолого-социальный ин-т, 2006. 399 с.; *Петрова Ю.А.* Культура и стиль делового общения: учебное пособие. Москва: Гросс Медиа, 2007. 208 с.; *Тузунцева Г.Н.* Психология установления контакта педагога с подростком-правонарушителем: монография. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2011. 236 с.; *Мадалиева С.Х., Асимов М.А., Ерназарова С.Т.* Формирование и развитие коммуникативной компетентности врача // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 2. С. 66–73; *Пучкова И.О.* Техника привлечения клиентов с помощью инструментов нетворкинга // Управление продажами. 2016. № 4. С. 276–283.; *Айвазян О.О., Бондаренко В.А.* Особенности установления контакта в публичном выступлении: приемы управления аудиторией // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2018. Т. 1. С. 14–15.; *Чуфаровский Ю.В.* Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2003. 208 с.; *Озеров И.Н.* Риск в оперативно-розыскной деятельности: монография. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2004. 119 с.; и др.

<sup>2</sup> *Шиенок В. П.* К вопросу о содержании реализации принципа соблюдения конспирации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Пути совершенствования оперативно-розыскной деятельности в условиях правовой реформы: сборник научных трудов. Минск: Академия милиции МВД Республики Беларусь, 1993. С. 22–23.

принадлежности респондента к правоохранительному ведомству и т. д. И тут «для успешного общения немаловажное значение имеет коммуникабельность, в частности – умение быстро найти общий язык с самыми разными по возрасту, характеру, социальному положению людьми. В этом плане речь идет о владении оперативным сотрудником приемами установления психологического контакта (создания доверительных, комфортных для общения отношений)»<sup>1</sup>. Нижеизложенные рассуждения, статистические данные и некоторые логические выводы демонстрируют происходящие индивидуальные изменения личности, являющиеся, по нашему мнению, не отдельными частными случаями, а всеобщей тенденцией, закономерно обусловившей изменения оперативно-розыскного инструментария.

Сегодня, в период глобального прогресса науки и техники, в условиях активного внедрения в нашу жизнь новейших цифровых технологий, существенно меняется как образ жизни людей, так и их мышление<sup>2</sup>. Появляются, быстро распространяются и набирают силу следующие, негативные, по нашему мнению, факторы, не свойственные жизни людей 20–30 и более лет назад и значительно снижающие шансы на первичный контакт и последующую коммуникацию:

1. Кратно возросшая социальная замкнутость населения и связанная с этим фактическая недоступность лица для непосредственного контакта. При том, что плотность населения в большинстве современных городов многократно возросла, формат жизни и живого повседневного общения людей изменился в сторону закрытости. Для примера можно сравнить формат жизни в России начала и середины XX в., и начала XXI в. (что отчасти соответствует этапам становления, развития оперативно-розыскной деятельности и периодам формирования ОРМ<sup>3</sup>). За рассматриваемый период кардинально поменялась структура населения страны. Индустриальное развитие государства в XX веке резко изменило соотношение город-

---

<sup>1</sup> Волчецкая Т. С. Комплексный подход к проблеме установления психологического контакта в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала СПбГУ МВД России. 2019. № 4 (58).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> См., напр.: Якунов Р. Х. Наука об оперативно-розыскной деятельности в России: этапы и перспективы развития // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 4 (31). С. 41–45; Ударцев С. Ю. Этапы становления и развития теории оперативно-розыскной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1 (27). С. 60–62; Румянцев Н. В., Мальчук О. И. Развитие оперативно-розыскной деятельности с древних времен до XX века // Вестник Московского Государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 3 (742). С. 177–186; и др.

ского и сельского населения России. Если в начале XX в. в городах проживало 15 % населения, то сейчас уже 73 %, что характерно для индустриально развитых стран. За это же время все население страны выросло в 2 раза, а число горожан – в 10 раз<sup>1</sup>. Кроме вышеописанных изменений и последствий депопуляции деревни, это конечно же повлияло и на уклад жизни, который в свою очередь обусловил функциональные особенности оперативного инструментария.

Началу века были свойственны дома на 1 семью (имеется в виду раздельное с соседями проживание); многодетные семьи; совместное проживание нескольких поколений родственников – родители, дети, внуки; отсутствие водопроводов, канализации, бытовых удобств и необходимость ежедневного посещения ряда общественных мест (колодца / водяной колонки, магазинов, рынков и пр.); групповой характер многих видов деятельности; недостаточность (а порой и полное отсутствие) средств массовой информации и обусловленное этим активное общение соседей, сослуживцев (коллег по работе). Как следствие – большой объем информации друг о друге у многочисленных источников. Пешее, а потому не быстрое, передвижение по улицам и множественность вынужденных бытовых контактов населения предполагало определенную степень знакомства и общения, допускало «случайность» встреч и отсутствие каких-либо подозрений со стороны респондентов в отношении оперативных сотрудников, «работающих под легендой». Это обуславливало высочайшую актуальность и эффективность комплексных коммуникативных методов – разведывательного опроса, оперативной установки, личного сыска.

Середина и конец XX в. характеризуются значительно возросшей, но, тем не менее, не критичной, плотностью городского населения. Формат работы и жизни, целенаправленная социальная политика государства на формирование группового сознания и коллективизма, практически одинаковая материальная обеспеченность (в значении равенства социального статуса) населения, большое число производственных предприятий, учебных заведений и библиотек, спортивных организаций, домов отдыха, санаториев и мн. др. предопределяли массовые ежедневные контакты людей, их постоянное профессиональное, бытовое и досуговое интенсивное общение и распространение информации. Отсутствие собственного транспорта у большинства населения и необходимость ежедневного пользования общественным транспортом обуславливали многочисленные возможности вступления с фигурантом в непосредственный

---

<sup>1</sup> URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 10.05.2020).

физический контакт (для коммуникации) и возможность дистанционного наблюдения за ним филера из «одинаковоликой» толпы. К тому же все еще эффективные в своей основе вышеуказанные методы (не имевшие в то время официальных названий прообразы современных оперативно-розыскных мероприятий) активно совершенствовались внедрением передовых тактик их подготовки, проведения и активным использованием специально оборудованных автомобилей; инновационных для того времени средств оперативного гардероба и маскировки (камуфляжа); специальных технических средств – скрытоносимых многоканальных радиостанций экранированной связи, миниатюрных закамуфлированных средств аудио-, фото-, кино- и видеофиксации, ночного видения, электронного наблюдения, изотопной маркировки и т. п.

В настоящее же время образ жизни, ее формат и ритм, а также диаметрально поменявшееся на рубеже веков мировоззрение, моральные и этические ценности и самоидентификация граждан фактически изолируют человека от общества. Современные многоквартирные дома в мегаполисах и «среднестатистических» российских городах имеют от 200 до 1 500 квартир, но при такой многократно возросшей «плотности жильцов на единицу жилья» коммуникативность населения парадоксально снижается. Как отмечают социологи, «структура жилищного фонда России – это воплощение физической тесноты и психологической разобщенности людей, отчужденности и безответственности к своему окружению. Вынужденное тесное проживание деформирует естественные формы бытия»<sup>1</sup>. По нашему мнению, при вынужденной высочайшей плотности застройки и заселенности домов современных городов нынешние жильцы живут замкнуто и не общаются между собой «вживую» по ряду следующих различных причин объективного и субъективного характера:

– массовое изменение морально-этических ценностей и идеалов, что во многом было связано с изменением социального строя, становлением рыночной экономики со свойственной ей системой приоритетов. Все это вело к постепенной, но неизбежной смене коллективистских ценностей на индивидуалистические: стремление к самореализации, самоопределению, свободе выбора, снижению значимости общественного мнения и мнения другого человека. Как было справедливо отмечено исследователями, с каждым годом идеология индивидуализма прогрессирует, все больше и больше укоре-

---

<sup>1</sup> Беляев М. К., Лысенко А. В. Развитие малоэтажного домостроения в российских городах // Социология города. 2013. № 2. С. 3–8.

няясь в сознании людей. Этот рост будет продолжаться и дальше. Индивидуализм позволяет раскрыть уникальность человека. Однако автономность индивида предполагает, что во главу угла он ставит личные интересы, полагаясь только на самого себя. При этом человек нередко пренебрегает предписаниями морали, в его сознании приоритетными являются установки на самореализацию, достижение личного успеха, эгоизм, удовлетворение собственных потребностей и удовольствий, а интересам собственного народа, общества или социальной группы не придается особое значение<sup>1</sup>;

- «ускорение» темпа жизни, что отчасти связано с идеями индивидуализма и стремлением получить максимум возможных материальных благ и социальных привилегий. Для этого необходимо исключить из плотного ежедневного графика необязательные встречи, поездки, дела. Современный человек живет и работает в режиме многозадачности, пытается больше успеть, реализовать больше появившихся у него возможностей, а учитывая приоритетность индивидуалистических ценностей, он начинает экономить время за счет отказа от «лишних» контактов, без которых можно обойтись;

- отсутствие жильцов дома большую часть времени в связи с работой, учебой. Анализируя динамику повседневной жизни достаточно различных категорий граждан (рабочие, служащие, медики, военные, студенты, пенсионеры, школьники и пр.), и в частности график их ухода и возвращения домой, можно констатировать, что значительная часть населения покидает место жительства в период с 05:30 до 09:00 и возвращается в период с 18:00 до 22:00. Указанное обстоятельство наглядно характеризует не только снижение числа контактов жильцов между собой, но и невозможность или крайне низкую эффективность проведения ОРМ в указанный промежуток времени по месту жительства. Очевидно, что в дневное время (являющееся рабочим временем для сотрудников оперативных подразделений) большая часть жильцов отсутствует, делая проведение ОРМ по месту жительства в это время низкоэффективным или вообще бесполезным. Время же присутствия жильцов дома фактически является ночным, что закономерно накладывает свои уголовно-процессуальные и административно-правовые ограничения на контакт с ними;

- периодическая смена жильцов / арендаторов жилья (съемное жилье). В отличие от россиян середины и второй половины XX в.,

---

<sup>1</sup> Ващенко И. С., Рыкалина Е. Б., Фахрудинова Э.Р. Индивидуализм в современном обществе. URL: <https://medconfer.com/node/1762> (дата обращения: 30.04.2020).

стремящихся к приобретению (как правило – получению от государства) собственного жилья, наши современники не считают наличие именно собственной жилплощади витальной необходимостью. Долговременная аренда (съем) жилья хотя критикуется и не поощряется многими арендаторами, тем не менее в настоящее время является возможно полемичной (в части достоинств и преимуществ перед собственным жильем) и отчасти вынужденной, но весьма распространенной социальной практикой, дающей определенные выгоды нанимателям. Современными аналитиками и статистиками справедливо отмечается рост числа и расширения социальных групп квартиросъемщиков / арендаторов<sup>1</sup>. Указанная тенденция особенно актуальна для Москвы и Санкт-Петербурга, а также региональных центров с большим количеством градообразующих предприятий, учебных и культурных заведений, относительно широким и разнообразным рынком труда (профессий) и пр. Учитывая продолжающийся прирост городского населения и финансовую остроту проблемы приобретения жилья в собственность для абсолютного большинства переселенцев, следует признать, что данный фактор будет оставаться актуальным еще очень долгое время;

– бытовая самодостаточность – постоянное и практически бесперебойное наличие холодной и горячей воды, канализации, газа, света, бытовой техники, средств связи и коммуникации, интернета и прочих удобств, не свойственных началу и даже середине прошлого столетия, закономерно обусловили отсутствие у людей необходимости обращаться за помощью к соседям. Развитие и доступность сервиса оказания бытовых услуг (от простых до самых сложных) и онлайн-покупок / доставки фактически любых промышленных и продуктовых товаров также способствует минимизации и даже полному отказу от контактов как по месту жительства, так и в социуме вообще;

– занятость повседневными делами. Современная жизнь с ее социальными, экономическими, жилищными, гендерными, модными и многими другими запросами и тенденциями обуславливает добровольную или вынужденную занятость человека – основная, а нередко и дополнительная работа, учебные заведения (образовательные курсы, семинары, тренинги), спортивные секции, магазины, реализация увлечений (хобби) и досуга, воскресного и ежегодного отдыха и др. Жизнь современного человека, в том числе –

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Александрова О.А., Борковская Е.И.* «Купить нельзя арендовать»: Куда поставит запятую столичная молодежь? // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. № 9 (5). С. 97–105; и др.

формально не работающего (домохозяйки, школьники, студенты, пенсионеры) не ограничивается постоянным или временным пребыванием в квартире в нерабочее / неучебное время, а насыщенно распределена между ежедневным или периодическим посещением указанных и иных социальных объектов;

– целенаправленное субъективное дистанцирование от соседей (демонстрация своей независимости, самодостаточности, важности, значимости, нежелания общаться с соседями иного социального статуса, «маргиналами», стариками и пр. как по месту жительства, так и в процессе жизнедеятельности – в транспорте, очередях, фитнес-центрах т. п.). Социальные психологи выявили весьма значимый в контексте настоящей работы фактор – отсутствие у современного населения потенциального и, тем более, реализуемого стремления к установлению, поддержанию и сохранению положительных эмоциональных отношений с другим человеком, желания обсуждать с соседями личные проблемы, проводить с ними досуг, ходить в гости<sup>1</sup>. И, по нашему убеждению, перечисленные тенденции только прогрессируют;

– одним из направлений рассмотренного выше социального феномена можно считать специфическое развитие последствий во многом спорной многолетней миграционной политики России<sup>2</sup>. Как было отмечено нами выше, сотни тысяч легальных и нелегальных мигрантов (в основном – без образования, плохо владеющих русским языком, не имеющих постоянного источника доходов) из республик бывшего СССР и дальнего зарубежья (в частности – Китая, Вьетнама, Кореи и др.) пытаются временно или постоянно обосноваться и социализироваться в российских городах. При этом национальные, религиозные, культурные и иные особенности жизни мигрантов (часто не типичные для места пребывания, расцениваемые коренным населением как маргинальные и вредные, а потому не приветствуемые) обуславливают, как правило, их компактное обособленное проживание, следование историческому религиозному и культурно-традиционному наследию своего этноса, минимальные контакты с местным населением, «коммуникативную закрытость» – общение преимуще-

---

<sup>1</sup> Смолова Л.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жилой средой жителей различных районов Санкт-Петербурга (пилотажное исследование) // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2011. Т. 16. № 2. С. 43–47.

<sup>2</sup> По нашему мнению, рассматриваемое явление имеет двойственную природу – включает в себя и социальные аспекты и сугубо личностные. Однако в силу доминирования в нем именно межличностных отношений внутригруппового и внешнегруппового характера, оно был отнесено нами в данную группу (отмечено нами. – А. Т., Н. П.).

ственно внутри диаспоры на национальном языке и условную самодостаточность – отсутствие необходимости или нежелание расширения и активизации социально-культурного взаимодействия с местным обществом и адаптации (социализации) в нем.

Кроме того, само нелегальное положение части мигрантов в России вынуждает их осознанно и целенаправленно вести замкнутый образ жизни, избегать «лишних» контактов вне этнического социума, не давать какую-то информацию о себе и соплеменниках даже в случаях реальной опасности или необходимости – тяжелой болезни, совершенного в отношении них преступления, утраты документов и пр. Подобное поведение мигрантов совершенно естественно порождает ксенофобию со стороны местного населения, недружелюбную реакцию в виде дистанцирования и всяческого игнорирования такого вынужденного соседства. Наиболее остро эта социальная проблема проявилась во второй половине XX в. и начале XXI в. в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, а с обострением военных конфликтов на Ближнем Востоке в 2010-х гг. – в большинстве наиболее развитых стран Европейского Союза, принимавших десятки тысяч беженцев и гастарбайтеров. В указанных государствах уже давно существуют не только «этнические» социальные точки – кафе, магазины, парикмахерские, клубы, автомойки и пр., но целые «этнические» (китайские, южноамериканские, африканские, азиатские, русские и пр.) кварталы и даже районы, с социальной инфраструктурой, обслуживаемой представителями доминирующего там этноса – легальными и нелегальными мигрантами, гастарбайтерами, беженцами и т. п. Коренные местные жители и даже полицейские на службе предпочитают избегать этих районов ввиду вышеописанных причин и их высокой криминогенности.

По нашему убеждению, тенденции современной России, к сожалению, повторяют печальный опыт зарубежных стран. Наряду с давно отмеченными социологами, криминологами, виктимологами проблемами существования этнических диаспор в российских городах со свойственными им клановостью, землячеством, круговой порукой и «криминальной специализацией»<sup>1</sup>, массовое увеличение числа трудовых мигрантов низкого социального уровня (статуса),

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Чеходзе Р.Г.* Этнические аспекты преступности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омский юридический институт МВД России, 1999. 186 с.; *Клейменов М.П.* Введение в этнокриминологию: монография. Омск, 2004, 244 с.; *Зюков А.М.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых представителями разных этнических групп: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2005. 229 с.; *Поздняков А.Н.* Миграция и этническая преступность: причинно-следственные связи: монография. Москва, 2019. 224 с.; и др.

беженцев и нелегалов очевидно обусловит появление значительного пласта населения, являющегося социально замкнутым, предпочитающим свой национальный язык и «закрытым» для внешних контактов, что несомненно повлияет на эффективность ОРМ в его отношении. Отдельные проявления рассматриваемой специфики наблюдаются уже несколько десятилетий при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении этнических преступных групп – этническая группа является предельно «закрытой» для любых посторонних, внутригрупповое общение членов этнической диаспоры (особенно в местах локального проживания или принудительной изоляции – ИВС, СИЗО, ИК и т. п.) осуществляется ими исключительно на национальном языке, что отмечается абсолютным большинством исследователей<sup>1</sup>.

Наиболее ярким, хотя и достаточно старым примером подобного и демонстрацией ожидаемой перспективы можно считать цыганские диаспоры (таборы, поселки, поселения), во все времена являвшиеся «закрытыми», практически недоступными для оперативной работы территориями и объектами<sup>2</sup>. Кроме того, рассматриваемая социальная группа (мигранты) является одной из самых уязвимых для деструктивного влияния, подверженных маргинализации, радикализации и целенаправленному «социальному зомбированию» адептами и рекрутерами (вербовщиками) экстремистских организаций со всеми негативными для личности и общества последствиями.

Вышеизложенное наглядно демонстрирует не только прогнозируемые нами социальные изменения и возможные, порождаемые ими проблемы в проведении ОРМ. Вполне очевидными представляются и перспективные пути преодоления указанных трудностей (речь идет исключительно о правоприменительных методах, а не государственных программах поддержки и социализации мигрантов, осу-

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Самсонов В.А.* Оперативно-розыскное противодействие преступлениям, совершаемым этническими организованными преступными группами (по материалам Восточно-сибирского и Дальневосточного регионов): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2005. 21 с.; *Хромов И.Л.* Оперативно-розыскные основы борьбы с преступностью иностранных граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2007. 42 с.; *Васильченко Д.А.* Психологические особенности проведения ОРМ «Опрос» в отношении иностранных граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1 (48). С. 22–25;

<sup>2</sup> *Деметер Н.Г.* Цыгане: миф и реальность. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. 92 с.; *Михайлов М.А.* Преступность в цыганской среде глазами Ганса Гросса. Проблемы криминалистики: сборник научных трудов. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2007. С. 159–162.; *Салехин М.С.* Расследование краж из жилища в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России, 2016. 266 с.; и др.

ществляемых иными ведомствами). Таковыми, на наш взгляд, могут являться привлечение к работе в качестве оперативных сотрудников и переводчиков представителей этноса, носителей языка, лиц, владеющих языком. А также активное привлечение к негласному содействию всех указанных категорий. Целесообразность и эффективность упомянутых методов доказана успешной многолетней правоприменительной практикой полицейских ведомств (и в частности оперативных подразделений) США, Канады, ЕС, использующих мигрантов (в том числе из республик бывшего СССР) в качестве штатных сотрудников полиции, детективов, следователей, переводчиков, конфиденентов, специализирующихся на работе в соответствующих контингентах и на территориях.

– возможность (и, как показала пандемия коронавируса 2020 г., вынужденная крайняя необходимость) работать удаленно / дистанционно или в режиме «фриланса» из квартиры или места своего текущего пребывания, не вступая в контакты с иными людьми. Конец XX и начало XXI вв. уже характеризовались появлением и увеличением числа представителей различных профессий (программисты, дизайнеры, бухгалтеры, переводчики, экономисты, онлайн-продавцы товаров, услуг и пр.), способных работать в режиме удаленного доступа и не требующих постоянного и даже периодического присутствия сотрудника на стационарном рабочем месте. В настоящее время в связи с пандемией коронавируса COVID-19 общество вынужденно столкнулось и достаточно эффективно справилось с необходимостью развития данного вида работы (и учебы, как двустороннего «учитель-ученик» процесса). Допускаем, что дальнейший генезис этого явления обусловит увеличение числа лиц, работающих удаленно, что также повлияет на уровень их «бытовой» коммуникативности – приведет к его снижению.

Представленный авторами перечень причин социальной замкнутости среднестатистического индивида и снижения его коммуникативности не претендует на завершенность и абсолютность и не имеет целью хоть какую-ни будь градацию перечисленных детерминант, ввиду важности их всех.

Кроме вышеуказанных причин индивидуального (субъективного) характера необходимо указать и причины, имеющие смешанную или более социальную природу, но также негативно влияющие на саму возможность установления контакта и общения – повсеместное наличие дворовых, домовых и подъездных автоматических систем контроля доступа и видеонаблюдения или консьержа, а также наличие постоянных дежурных социальных служб – электриков, лифтеров, слесарей и пр. Обеспечивая профилактику преступлений, безо-

пасность и удобство жильцов, это, во-первых, существенно осложняет непосредственный доступ оперативного сотрудника в конкретный дом и подъезд, а во-вторых, существенно сужает конспиративные возможности для легендированного (и более того – негласного) проникновения на объект в целях осуществления комплексных ОРМ. К тому же неблагоприятная криминогенная обстановка последних десятилетий и крайне негативное отношение граждан к представителям правоохранительных органов, обусловленное «предубеждением против оперативных служб»<sup>1</sup> и масштабностью былых нарушений конституционных прав и свобод в предшествующие годы<sup>2</sup>, обуславливают вполне понятное нежелание большинства населения не только впускать в свое жилье незнакомого человека (сотрудника оперативного подразделения), но даже общаться «через дверь».

2. Многократно возросшее количество собственного автотранспорта и увеличение времени нахождения человека в пути на работу, домой, в магазины и пр. Согласно данным Федеральной службы Государственной статистики, количество автотранспортных средств, находящихся в личной собственности россиян увеличилось с 1 568 000 единиц в 2000 г. до 4 016 000 единиц в 2018 г.<sup>3</sup>, то есть почти в три раза и продолжает расти. Соотношение с более ранним периодом (например с серединой XX в.) выглядит еще большим. Среднестатистический современный россиянин передвигается на работу и обратно на собственном или общественном транспорте и в целом тратит на дорогу 2–4 часа в день<sup>4</sup>. Находясь в собственном автомобиле, не предпринимая практически никаких целенаправленных усилий, он оказывается огражденным от сограждан и объективно не является потенциальным объектом для «живого» контакта. В то же время современные технологии позволяют ему активно коммуницировать в сети (и даже работать) находясь за рулем. Ситуация в общественном транспорте несколько иная, но от этого

---

<sup>1</sup> *Кальницкий В.В.* Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 75 (200 с.)

<sup>2</sup> *Захарцев С. И., Игнащенков Ю. Ю., Сальников В. П.* Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2006. С.15 (320 с.).

<sup>3</sup> URL: <https://www.gks.ru/folder/23455?print=1> (дата обращения: 17.05.2020).

<sup>4</sup> В процессе исследования нами были выявлены уникальные случаи ежедневно (!!!) проезда человеком на работу и обратно расстояния более 200 км в одну сторону на собственном автомобиле с затратой около 3 часов в одну сторону. Для жителей Москвы и Подмосковья, и Санкт-Петербурга такая ситуация является довольно типичной в связи с особенностями транспортной инфраструктуры, загруженностью дорог и пр. (отмечено нами. – А. Т., Н. П.).

не более благополучная. Абсолютное большинство пассажиров общественного транспорта откровенно и демонстративно дистанцируются от окружающих сном во время поездки (с использованием масок для сна и капюшонов), игнорированием минимально необходимой взаимовежливости, чтением книг, использованием технических средств – телефонов, планшетов, плееров, электронных книг, наушников и пр., показывая свое нежелание общаться с «соседями».

3. Развитие информационных компьютерных технологий, средств общения и развлечения фактически создало для современной молодежи (в большинстве своем, но не только!) альтернативную реальность, вызывающую «нехимические формы аддикции»<sup>1</sup> – зависимость от телефона, компьютера, игровых приставок (игровых автоматов) и иных IT-устройств. Виртуальный мир развлечений и сетевого общения обусловил осознанный добровольный отказ от «живого» общения с родителями, родственниками, сверстниками, игнорирование иных, кроме компьютера, форм времяпрепровождения – работы, учебы, досуга: прогулок, посещения театров, выставок, музеев и пр. Исследователи отмечают, что сеть Интернет – это, по сути, уже иная реальность, другой мир, в котором люди буквально «живут»<sup>2</sup>. Работая, обучаясь, развлекаясь, играя и даже коммуницируя в онлайн-среде, они отстраняются от реальной жизни, избегая социальных контактов с живыми людьми, прогулок, посещения общественных мест. Важнейшей психологической причиной этого феномена является то, что виртуальное общение позволяет человеку оставаться «инкогнито» для респондента – скрывать определенные черты своей внешности, характера, поведения, материальное положение, привычки, психологические комплексы и мн. др., что труднее скрыть в процессе «живого» контакта. Как мы уже упоминали ранее, «пользователь может безосновательно приписывать себе любые (как правило, обще-социально или узко-корпоративно значимые, модные, редкие и т. п.) личностные качества и чувствовать себя кем угодно. При этом отсутствует любая моральная ответственность за обман. К тому же собственная обезличенность

---

<sup>1</sup> *Зорин К. В.* «Одержимые». Зависимость: компьютерная, игровая, никотиновая... Москва: Русский Хронограф, 2007. 256 с.; *Литвиненко О. В.* Психологические детерминанты компьютерной игровой зависимости и особенности ее психопрофилактики: дис. ... канд. психологич. наук. Санкт-Петербург: Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, 2008. 142 с.; *Гришина А. В.* Психологические факторы возникновения и преодоления игровой компьютерной зависимости в младшем подростковом возрасте: дис. ... канд. психологич. наук. Нижний Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2011. 196 с.; и др.

<sup>2</sup> *Гончаров И. В.* Новые векторы в развитии естественных прав человека // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74). С. 18–23.

перед аудиторией (полное инкогнито, использование логинов, сетевых имен, ник-неймов, аватарок, чужих фотографий и пр.) исключает необходимость проявлять сдержанность, уважение, соблюдения вежливости, этикета и гарантирует практически полную безнаказанность в случае нарушения норм нормальной межличностной коммуникации и отсутствие какой-либо гражданской ответственности. Такое сетевое общение становится несложным, легкодоступным и «сытным» суррогатом, заменяющим «живое» общение со всеми свойственными ему трудностями.

По нашему мнению, указанный социально-психологический феномен, имея в базисе серьезные психологические проблемы и мотивации конкретных индивидов, продолжает активно «прогрессировать», негативно влияя на менталитет и психику целого поколения (потенциальных объектов ОРМ), нивелируя (снижая, уменьшая) имеющиеся навыки разговорной коммуникации. Это единодушно отмечается практиками ОВД, особенно работающими с несовершеннолетними и молодежью. К тому же развитие интернет-маркетинговых технологий и служб доставки также способствует массовому отказу таких потребителей от посещения магазинов, рынков, кафе, мест развлечения и культуры, ограничивая их и без того редкие контакты. Тем не менее, общаясь в виртуальном пространстве, такие люди постоянно оставляют (в том числе – неосознанно) огромное количество прямой и косвенной информации о себе, которая может быть чрезвычайно интересна и полезна в правоохранительных целях<sup>1</sup>.

4. Изменение формата общения через технические средства. Несмотря на упомянутую выше социальную замкнутость современного населения и стремительную деградацию «живого общения», авторы считают, что персональная коммуникативная активность при этом парадоксально возросла, но приняла весьма своеобразные виды и формы. Общение посредством технических средств середины и конца XX в. проявлялось в разговорах по стационарному кабельному телефону, текстовых телеграфных или пейджинговых и факсимильных сообщениях, переписке по электронной почте<sup>2</sup>. Многочисленные стремительные изменения реалий нашей жизни, а именно – постоянная профессиональная занятость, высокий

---

<sup>1</sup> Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Детерминанты современных метаморфоз оперативнорозыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55).

<sup>2</sup> Общение посредством почтовых писем хотя и не использовало напрямую технические средства (за исключением аппаратной / машинной сортировки), тем не менее являлось все-таки опосредованным общением и потому может быть включено в данный перечень (отмечено нами. – А. Т., Н. П.).

темп (ритм) жизни и ее насыщенность событиями, необходимость передвижений, большое количество деловых встреч (контактов), утрата государством монополии на проводную телефонную связь и появление ряда независимых друг от друга провайдеров услуг беспроводной мобильной связи (и вариативных тарифных планов), многообразие коммуникативных программ и приложений, активная инвазия иностранных слов и сленга в русский язык закономерно повлекли следующие изменения как во внешние, так и в содержательные аспекты сетевого общения:

- круглосуточная и практически повсеместная доступность любого вида связи, мессенджера, социальной сети;
- возможность как бесконечно длительного хранения, так и немедленного уничтожения переписки;
- использование многочисленных открытых, корпоративно-закрытых и даже «секретных» (с крайне низкой вероятностью утечки информации и контроля их правоохрнительными службами) социальных сетей и мессенджеров, как правило, в исключительно противоправных целях (например сбыт и приобретение наркотиков);
- массовое употребление знаковых систем (т. н. смайлики, гифы, эмодзи, и пр.), а также фотографий и видео вместо традиционного текстового письма для выражения определенных эмоций, описания ситуаций, состояний и замены ими целых предложений;
- предельная разговорная и текстовая лаконичность сообщений, использование профессионального сленга, молодежного, субкультурного, корпоративного жаргона и вольного написания множества слов («превед, афтар, музчинка и др.»);
- возможность организации конференцсвязи посредством собственного телефона (коммуникатора или ПК) или одновременного оповещения всех адресатов (рассылка сообщений);
- активное использование треккингowych и пр. программ и приложений, позволяющих определять место положения собеседника в реальном времени, просматривать контакты и содержание переписки респондентов и пр.,
- постепенный переход пользователей услуг мобильной связи на коммуникативные платформы, не имеющие официальных владельцев, и потому изначально не подверженные любым запросам правоохрнительных органов на предоставление информации ввиду их (запросов) безадресности. Единственно возможный вид контроля и фиксации информации правоохрнительными органами – ее секундинутный мониторинг (и техническая фиксация при необходимости) при заблаговременном понимании того, чье общение и когда нужно контролировать.

Акцентируя сказанное о современной коммуникации, авторы считают, что в настоящее время все сильнее и отчетливее наблюдается тенденция перехода межличностного бытового и делового общения, в том числе уголовно-процессуального, административно-распорядительного, гражданско-исполнительного и пр., в виртуальное пространство (о чем было сказано ранее), что в дальнейшем может найти свое объективное обоснование (например, невозможность покинуть помещение в связи с эпидемией и т.п.), соответствующее этому нормативное правовое закрепление, это позволило еще больше изолировать людей друг от друга и от контактов, необходимых правоохранительным органам (вплоть до полного их отсутствия) для решения поставленных перед ними социальных задач.

Детерминантой определенных изменений оперативно-розыскных мероприятий коммуникативного характера, наряду с ранее перечисленными технологическими разработками, на наш взгляд, могут являться достижения (и даже открытия) целого ряда наук в сфере психологии, межличностного общения, конфликтологии.

Коммуникабельность и навыки общения сотрудника, как некий базис и гарант установления контакта и последующей информативной беседы при проведении соответствующего ОРМ в относительно недавнем прошлом, уже не является абсолютным гарантом успеха по целому ряду ранее названных нами причин. Ввиду нежелания многих людей общаться с сотрудниками оперативных подразделений коммуникация (независимо от ее вида, но особенно – «вживую») становится все более редкой и кратковременной, а потому – особенно ценной возможностью получения информации. Упускать такую возможность нельзя! А значит и готовность исполнителя ОРМ (уровень его коммуникативных навыков, оснащенность специальными техническими средствами, осуществление вспомогательных мероприятий и т. п.) должна быть такой, чтобы гарантированно обеспечить решение задач конкретного «коммуникативного» (как, впрочем, и чувственного!) ОРМ в условиях цейтнота и неблагоприятного личностного отношения к нему респондента – нежелание общаться, увиливание от ответов, ложь и иное противодействие. И интенсивность коммуникации, и условный «коэффициент полезного действия» (некое соотношение затраченных в единицу времени усилий и средств к объему и (или) ценности полученной информации) при этом должны кратно возрасти, в том числе за счет радикального улучшения сотрудниками оперативных подразделений своих прикладных коммуникативных навыков общения, использования ими возможностей визуализации образов, технологий профайлинга, рефлексивного управления, технических средств

дистанционной фиксации, контроля и оценки психофизиологического состояния респондента и мн. др.

Исследователями отмечается, что «имеется немало современных достижений в области психологии, криминалистики, криминологии, наконец, теории оперативно-розыскной деятельности, использование которых может существенно обогатить научную разработку тактических приемов установления психологического контакта в оперативно-розыскной деятельности. Речь идет о методах ситуационного подхода, моделирования, приемах экспрессдиагностики личности, невербальных средствах и техниках активного слушания и общения и др.»<sup>1</sup>.

В свете сказанного интересным и перспективным нам представляется следующее направление возможной оптимизации оперативно-розыскных мероприятий. Психологами установлено, что вербальный компонент межличностного общения составляет менее 30 %, а свыше 70 % информации, передаваемой при общении, передается невербально<sup>2</sup>. То есть актуальнейшая задача коммуникатора – зафиксировать даже самый слабый (возможно не осознанный или наоборот – тщательно скрываемый) невербальный сигнал и сделать его максимально вариативную, но при этом корректную интерпретацию, провести его правильную диагностику – определить, что именно скрывается за поведением собеседника – страх, стыд, ложь, зависть, ревность, психологические комплексы, злые намерения, тайны и пр. Этот тезис прямо указывает на насущную необходимость активного применения при проведении ОРМ технологии профайлинга «как комплекса социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения объекта, по прогнозированию сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека»<sup>3</sup>, а также спе-

---

<sup>1</sup> Волчецкая Т. С. Комплексный подход к проблеме установления психологического контакта в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала СПбГУ МВД России. 2019. № 4 (58). С. 9–10.

<sup>2</sup> Новик Е. Ю. Профайлинг – новое слово в борьбе с терроризмом // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: материалы XVII Международной научно-практической конференции. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. С. 278–279. 464 с.

<sup>3</sup> Арпентьева М. Р. Профайлинг как экспертная технология // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов международной научно-практической конференции. Калуга: КГУ имени К. Э. Циолковского, 2016. С. 11 (270 с.).

циальных технических средств бесконтактной (дистанционной) фиксации физических, психофизиологических, эмоциональных и пр. реакций собеседника для их немедленного или последующего (в зависимости от ситуации) анализа, интерпретации самим инициатором или дополнительными специалистами – психологами, психиатрами и пр.

В контексте размышлений о направлениях и способах оптимизации ОРМ (в том числе – коммуникативного характера), с учетом сказанного, немаловажную роль в достижении целей общения может играть факт того, кто именно, в каких условиях осуществляет коммуникацию и какова мотивация респондента для предоставления информации. В этой связи, кроме вышеперечисленных функциональных аспектов, не менее перспективными представляются и организационные аспекты – использование конфидентов с необходимыми данными (пол, возраст, контингент, близость к фигуранту и пр.) и возмездность оказания услуг – материальная заинтересованность фигуранта опроса. В совокупности это может способствовать максимальной эффективности в достижении цели (например раскрытии тяжкого преступления) при минимальных или соразмерных (рациональных) ресурсных затратах.

## ГЛАВА 3

### БУДУЩЕЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ: ПРОГНОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

#### § 1. Взаимопроникновение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий: формирование «оперативно-следственного» инструментария

Как нами уже не раз отмечалось<sup>1</sup>, достижение познавательных целей современного уголовного судопроизводства достаточно полно обеспечивается двумя когнитивными инструментариями.

Во-первых, непосредственно уголовно-процессуальным (следственным), включающим в себя совокупность всех следственных действий. Также сюда можно отнести и процессуальные действия, которые, будучи самостоятельными и независимыми от следственных действий, в определенных обстоятельствах играют вспомогательную, обеспечивающую их результативность роль.

Во-вторых, оперативно-розыскным инструментарием, состоящим из оперативно-розыскных мероприятий, исчерпывающим образом перечисленных в ст. 6 Закона об ОРД.

Несомненно, что оба инструментария направлены на достижение конечных целей судопроизводства, основаны на аналогичных методах познания (получения, фиксации и оценки информации), часть из них нередко осуществляется одним и тем же специальным субъектом, но в то же время каждый из них имеет свою специфику и отличия друг от друга. И специфика эта обусловлена не субъек-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, требующие судебного санкционирования: вопросы соотношения // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2017. № 3 (49). С. 7–10; Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность // Труды Академии Управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 111–115; Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Ограничение гласности в уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 130–136; и др.

тивным желанием участников процесса, а объективной необходимостью решать стоящие перед институтом судопроизводства задачи.

Необходимо ясно понимать, что функциональная уникальность и обусловленные ею специфические особенности и преимущества того и другого инструментария определяются именно разностью целей и задач (что в общем-то свойственно любому инструменту и специализации).

Каждый из рассматриваемых инструментариев предоставляет процессу судопроизводства то, что не может предоставить другой, жертвуя в то же время некоторыми качествами. Для процессуального инструментария – это невозможность работать скрытно / негласно (за некоторыми упомянутыми выше исключениями), отсутствие вариативности (определенная обязательность, шаблонность, последовательность и протяженность действий). Для оперативного – это некоторая доказательственная ущербность полученных результатов, а порой и полная невозможность их предоставления в суд. Понимание этого является определенным гарантом признания имеющихся специфик, достоинств и недостатков каждого, а в целом – исключительности и незаменимости данных инструментариев в том качестве, состоянии и статусе, в котором они сейчас находятся.

Существующие процессуальный и оперативный инструментарии конечно же не абсолютны и не безупречны, но в целом достаточно эффективны! Однако и они не статичны и не неизменны! Попытки оптимизации и следственного и оперативно-розыскного инструментариев происходят перманентно и отражены в огромном количестве федеральных законов, внесших дополнения и изменения как в Уголовно-процессуальный Кодекс, так и в закон об ОРД. При этом все они, очевидно, носят редакционный характер и принципиально не затрагивают приданные им инструментарии – ни следственных действий, ни оперативно-розыскных мероприятий. Отдельные придаваемые некоторым «инструментам» качества (например отказ от обязательного участия понятых в следственных действиях или возможность использования результатов негласных ОРМ в суде) несомненно были революционны и прагматичны, но, к сожалению, не повлияли радикально на их общие свойства и характеристики в целом. Следственный остался следственным, оперативный – оперативным.

Но попытки модернизации не прекращаются. Опыт отдельных государств ближнего и дальнего зарубежья наглядно свидетельствует о реальных возможностях и перспективах оптимизации инструментариев уголовного процесса и оперативно-розыскной

деятельности. В ряде цивилизованных в правовом отношении государств вопрос ставится не о сочетании, а о переплетении этих видов деятельности<sup>1</sup>.

Однако сегодняшние российские тенденции таковы, что в процессе амбициозного, зачастую субъективного противостояния пользователей и сторонников (правоведов, правотворцев, правоприменителей) каждого из инструментариев, и в многолетних перманентных усилиях доказать приоритет и исключительность каждого из них, сами инструментарии (и следственные действия, и оперативно-розыскные мероприятия) в стремлении соответствовать требованиям, предъявляемым к противоположному, «топорно» и примитивно переделываются и видоизменяются под некий универсальный инструмент судопроизводства, обладающий и оперативным, и следственным функционалом.

Но! В конъюнктурной погоне за новейшей обоюдоприемлемой формой когнитивных оперативно-розыскных или процессуальных инструментов новаторы забывают или осознанно жертвуют сущностью, определяющей их деятельностьную уникальность и неповторимость, тем самым превращая рационализированные многолетней практикой прагматичные средства познания в «нормативно- и функционально-сырые» прототипы общеприменимых в уголовном процессе и ОРД познавательных инструментариев. Универсальность<sup>2</sup>, как некая разносторонность, способность одновременно соответствовать максимально широкому перечню требований, выполнять разнообразные (нередко прямо противоположные) обязанности, действия, функции и пр., имеет не только положительные (нередко – условные) свойства, но и, как правило, определенные вполне осязаемые недостатки.

На наш взгляд, недостатков у такого преобразования (в данном случае мы не согласны с самим форматом преобразований, а не с фактом) едва ли не больше, чем преимуществ, и их итоговая ценность и прагматичность оказывается под большим вопросом и сомнением.

Рассматривая генезис любого инструмента и любого вида социальной деятельности, можно категорично констатировать постепен-

---

<sup>1</sup> Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / А. Г. Маркушин. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013. С. 156 (399 с.).

<sup>2</sup> Универсальность:

1) свойство по значению прилагательного «универсальный»; повсеместная распространенность, всеобщность;

2) обладание разными знаниями, навыками; разносторонность. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Универсальность> (дата обращения: 02.06.2020).

ную специализацию (целенаправленное выделение) инструментов, инструментариев (как совокупности инструментов и технологий их использования) и непосредственных пользователей (исполнителей) в зависимости от стоящих целей и задач, а также условий и обстоятельств, в которых происходит их реализация. Это объективно позволяло выделять необходимые качества и далее целенаправленно культивировать их в требуемые уникальные для какого-то вида деятельности характеристики. Наиболее ярко и красочно это можно продемонстрировать на примере эволюции одного из самых древних инструментов – ножа, от заостренного камня, используемого первобытным человеком для всех без исключения нужд, до современных образцов кухонных (для мяса, овощей, рыбы и пр.), столовых, столярных, кожаных, туристических, охотничьих, боевых и пр. ножей, с разнообразными формами, размерами, весом, твердостью, количеством лезвий и дополнительных опций и т. п. Попытки примитивной универсализации (простого сложения функций, например добавление пилы, штопора, компаса и пр.) конечно придавали ножу некоторые дополнительные возможности, но при этом трансформировали и основной функционал – добавляли ненужный вес, меняли размер, форму, эргономику и т. п., что, несомненно, ухудшало основное предназначение. И здесь мы хотели бы отметить важнейший момент, имеющий более широкое (всеобъемлющее) значение – относительно успешные (как правило редкие) попытки универсализации носили характер не примитивного сложения форм, а «содержательного» симбиоза на уровне интеграции качественных характеристик. Этот тезис, по нашему мнению, можно всецело экстраполировать и на современное состояние когнитивно-познавательных инструментариев судопроизводства, на процесс их оптимизации (или создание единого).

Все большая специализация профессий и видов деятельности, но несомненно в более существенном социальном значении своих последствий – наблюдалось и наблюдается в функциональной сфере всех без исключения сфер жизнедеятельности – медицине, инженерии, военном деле, торговле, юриспруденции и мн. др. Изначально единый в своем функционале «врач общей практики» со временем специализировался на терапевта, хирурга, стоматолога, кардиолога, анестезиолога и пр., что позволяло концентрироваться на специфических родах деятельности, прогрессировать в них и создавать «свой» инструментарий. Так же и правоприменители постепенно от общей защитно-правовой деятельности разделились на направления работы – патрульно-постовая служба,

уголовный розыск, служба участковых, следствие, конвойные подразделения и др.

Рассматриваемые нами, когда-то единые подразделения сейчас разделены функционально на тех, кто работает по линии раскрытия (расследования) преступлений против личности, имущественным, экономическим, коррупционным преступлениям, розыску преступников и мн. др. И ввиду разрастания видов преступлений вполне вероятно, что и количество профессиональных специализаций в правоохранительном ведомстве будет только увеличиваться. При этом разные цели и задачи требуют разного инструментария (функционала), а стремительный технологический прогресс (включающий в себя в том числе и многочисленные правовые изменения) лишь обостряет имеющиеся между этими инструментариями противоречия, деструктивно влияя в конечном итоге на общую результативность. И тот и другой инструментарий сегодня испытывают определенные трудности в эффективном и легитимном достижении своих конечных целей. Очевидно, что необходима серьезная функционально-правовая ревизия нынешнего состояния процессуального и оперативного инструментария с последующими изменениями обоих, позволившими бы решать ранее неоднократно указанные проблемы подготовки и проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, предоставления результатов ОРД в суд и правовой оценки их как доказательств, либо создания единого «оперативно-следственного» инструментария, одновременно сочетающего в себе при необходимости качества и оперативно-розыскной деятельности, и уголовного процесса – конспиративность, вариативность осуществления, разумную процедуру и стандарт оформления, доказательственный потенциал и др. Не отдельные черты! А именно качественные (более того – сущностные) характеристики обоих инструментариев должны лечь в основу их универсализации, но никак не простое смешение форм!

Как ранее указывалось, в настоящее время объективно сложилась такая социально-правовая ситуация в сфере судопроизводства, когда на фоне изменившихся объективных обстоятельств и требований наблюдается вынужденное смешение функциональных и формальных составляющих оперативного и следственного инструментариев. Таким способом правоприменительное сообщество пытается хоть как-то нивелировать возникший дисбаланс и диссонанс устаревших уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных норм и изменившихся реалий (условий и обстоятельств) их прикладного применения.

Однако благие намерения нормотворцев и правоприменителей, а также реальная действительность, внося свои отдельные и зачастую разрозненные функционально-правовые коррективы в имеющиеся инструментарии ОРД и уголовного процесса, не столько придают им искомые (ожидаемые) качества, присущие противоположному инструментарию, сколько нивелируют собственные имеющиеся. Отсутствие необходимости участия понятых в следственном действии не делает его автоматически оперативно-розыскным мероприятием, со свойственным ОРД высоким вариативным потенциалом, а близкое к процессуальному документальное оформление оперативно-розыскного мероприятия не придает ему автоматически доказательственного статуса следственного действия! Очевидно, что затраченные усилия не оправдывают возлагаемых надежд и не приводят к ожидаемым результатам, оставляя ситуацию в положении «*Status quo ante*»<sup>1</sup>. При этом в попытках придания одному инструментарию сущностных специфических особенностей другого «размывается» функциональная уникальность обоих.

В настоящее же время нормотворцы и правоприменители, столкнувшись с проблемами, порожденными эволюцией социума и техническим прогрессом, пытаются улучшить (а именно – универсализировать) оба инструментария не рациональной научно-обоснованной оптимизацией (в виде улучшения уже имеющихся качеств или придания недостающих) каждого из них в отдельности, и не синтезом нового, обладающего одновременно уникальностью и достоинствами обоих (следственного и оперативно-розыскного), а вульгарным «сложением» внешних качеств одного и другого, способным привести лишь к созданию «малоэффективных примитивных гибридов оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий» – изначально мертворожденных функционально-правовых мутантов. А осуществление всего вышеизложенного в обстановке правовой и легитимно-терминологической неопределенности еще более усугубляет и обостряет противоречия.

Яркими примерами могут служить до сих пор не нашедшие своего юридического разрешения «двойственные» статусы таких аналогичных (фактически – идентичных) друг другу ОРМ и следственных действий, как «прослушивание телефонных переговоров» и «контроль и запись переговоров», «отождествление личности»

---

<sup>1</sup> Положение, существовавшее ранее // Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / автор-составитель М. Гамзатов. Санкт-Петербург: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 423 (508 с.).

и «предъявление для опознания», «исследование предметов и документов» и «судебная экспертиза», «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» и «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», что отражено в делящейся острой научной (но к сожалению – безрезультатной) полемике правоведов<sup>1</sup>. Фактически одни и те же функциональные действия (выполняемые в одних и тех же условиях, а порой одним и тем же субъектом) признаются диаметрально противоположными по своему процессуальному статусу. В итоге результаты оспариваются сторонами, с взаимными упреками в некомпетентности, затягиванием хода следствия или рассмотрения дела в суде и т. д.

Справедливости ради считаем необходимым отметить, что, на наш взгляд, попытки оптимизации инструментария судопроизводства носят все-таки большую направленность на оперативно-розыскные мероприятия. Отчасти это можно связать с традиционной (хотя и не бесспорной!) консервативностью уголовного процесса и отсутствием законодательной регламентации оперативно-розыскных мероприятий, чего нельзя сказать о следственных действиях. Но в то же время, признавая насущную необходимость изменений, научное сообщество и законодатель пока еще не могут (или не хотят) найти оптимальные пути и решения этой проблемы. Как отмечает профессор В. В. Кальницкий, «в силу внутренней противоречивости подходов теория не дала согласованных обобщающих рекомендаций ни законодателю, ни суду как основному потенциальному потребителю оперативно-розыскной информации»<sup>2</sup>. И в итоге правоприменители в лице сотрудников оперативных подразделений вынуждены «приспосабливать» имеющийся отчасти устаревший и оттого полуправовый оперативно-розыскной инструментарий под изменившиеся и ушедшие далеко вперед социально-правовые и технологические реалии. А правовой и функциональный статус имеющегося инструментария регулярно подвергается критике (нередко объективной и правомерной!) с последующими негативными последствиями как для полученных результатов, так и для исполнителей, не виноватых в создавшихся несоответствиях и противоречиях и вынужденных работать с тем, что имеют.

Казалось бы, формально правы представители процессуальной школы, что «правосознание юристов не желает воспринимать

---

<sup>1</sup> См., напр.: Павличенко Н. В., Самоделкин А. С. Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22). С. 88–93.

<sup>2</sup> Кальницкий В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 71 (200 с.).

результаты ОРД в качестве доказательств потому, что информацию получают в результате иной по юридической природе деятельности, существующей параллельно, как равная уголовному судопроизводству. Коль юридическая природа разная, то и юридическая природа результатов разная, и, как следствие, результаты с разной юридической природой не могут быть использованы для обоснования выводов в иной деятельности. Уголовное судопроизводство в силу своего консерватизма и процедурности (формальности) воспринимает в качестве доказательств сведения, полученные только в рамках данной процедуры»<sup>1</sup>. Возможно ли подобный аргумент считать основанием к игнорированию когнитивных возможностей ОРД, отказу от дальнейших попыток синтеза единого инструментария (либо радикального усовершенствования существующих) и отрицанию самой возможности реформирования процесса? Подобное утверждение при всей своей правоте, тем не менее, представляется полемичным.

В случае действительно такого радикального консерватизма уголовного процесса следовало бы до сих пор слепо придерживаться вполне традиционных и консервативных для своего времени процессуальных норм, а именно обычаев «Русской правды» – испытания водой и огнем (аналогов ордалий)<sup>2</sup>. Однако ж никому из современных процессуалистов подобное не придет в голову, ибо общество и право давно пережили это и вышли на иной уровень своего развития. Так почему же вчера мы были готовы признать устаревшим позавчерашнее и отказаться от него, а сегодня боимся и не хотим признать устаревшим вчерашнее и взять на вооружение сегодняшнее с перспективой хотя бы на ближайшее будущее. Где те временные или иные критерии процессуальных институтов, выявив и оценив которые, правоведы согласятся с тем, что они (процессуальные институты, принципы, положения и постулаты) уже устарели или по иным основаниям подлежат отмене, замене, обновлению и пр. При этом, ведь речь идет не о полном и тотальном отказе

---

<sup>1</sup> *Баранов А.М.* Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2007. № 8. С. 64.

<sup>2</sup> Ордалии (от англосакс. *ordol*, лат. *ordalium* – приговор, суд) – в широком смысле то же, что и «Божий суд»; в узком – суд путем испытания огнем и водой. Ордалии считаются одним из видов архаического права, впервые подобные испытания упоминаются еще в законах Хаммурапи. При испытании водой нужно было достать кольцо из кипятка, прыгнуть в реку с быстрым течением, испытуемого опускали в холодную воду связанным и так далее. Испытание огнём состояло в том, что испытуемый должен был держать руки на огне, проходить через горящий костер, держать руками раскаленное железо. Выдержавший эти испытания признавался оправданным, не выдержавший – виновным. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ордалии> (дата обращения: 02.06.2020).

от всех фундаментальных основ и достижений уголовного процесса как социально-правового феномена, а лишь о разумной оптимизации инструментария в соответствии с социально-правовыми изменениями жизни общества и государства. Авторы согласны с тем, что представителям и приверженцам традиционных процессуальных и оперативно-розыскных школ тяжело осознать возможность столь радикальных изменений и даже ломки устоявшихся фундаментальных представлений, основ и базисных принципов своих дисциплин<sup>1</sup>.

Считаем, что складывающаяся сегодня непростую правовую ситуацию на нормативно-функциональной границе уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности можно охарактеризовать следующими тезисами.

Во-первых, развитие системы следственных действий идет по пути ее пополнения познавательными приемами оперативно-розыскного характера<sup>2</sup>.

Ряд современных ученых активно пропагандировали и пропагандируют данную идею. Так, А.Ю. Шумилов в 2012 г. предложил совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство, предусмотрев следственно-розыскные (следственно-оперативные) действия, которые бы мог осуществлять следователь. К ним он отнес:

- наблюдение за деятельностью человека, материальным объектом и (или) местом (визуальное, аудио-, видео и (или) электронное);
- обследование публично недоступного места, а равно жилища или иного частного владения;
- применение идентификационного (помеченного) и (или) ненастоящего (имитационного) средства, а равно специально изготовленного предмета и (или) документа либо специально созданного юридического лица;
- применение конфидентов;
- снятие информации специальным техническим средством с электронных информационных систем и (или) с транспортных и телекоммуникационных сетей, а равно фиксация, сохранение и исследование снятой информации;
- установление закладки (места нахождения радиоэлектронного средства)<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Кальницкий В.В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 45 (200 с.).

<sup>2</sup> Кальницкий В.В. Там же. С. 44 (200 с.).

<sup>3</sup> Шумилов А.Ю. Реформа уголовного процесса в России не завершена // Оперативник (сыщик). 2012. № 1 (30). С. 22–24.

Чуть позже, в 2015 г., в Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации<sup>1</sup> авторским коллективом предложены тайные (негласные) следственные действия, под которыми понимаются действия, основанные на применении скрытых либо зашифрованных средств и методов, когда доказательственную информацию не представляется возможным получить путем производства гласных следственных действий, реализуемое следователем, в том числе агентом под прикрытием на любой стадии уголовного производства, но вне зала судебного заседания и без информирования заинтересованных лиц, по постановлению следственного судьи либо с санкции прокурора для раскрытия и расследования по общему правилу тяжкого или особо тяжкого преступления, получения фактических материалов для изобличения преступника, обоснования и поддержания обвинения против обвиняемого.

Несмотря на дискуссионность отдельных вышеприведенных предложений, считаем допустимым вести речь не о гипотетической возможности такого развития ситуации, а о реальном процессе, активно происходящем уже сегодня. Фактически ряд следственных действий уже получил некоторые качества ОРД – упрощенность проведения, оперативность, частичную негласность, что нужно оценить, как несомненное достижение, хотя и не достаточное, не устраняющее проблему целиком. Но в то же время эта перемена спровоцировала прямое дублирование функций ОРМ и крайне нерациональное использование кадрового и функционально-технического потенциала – изначально предназначенные для решения этих же самых познавательных задач оперативные сотрудники и ОРМ остаются в стороне, полученные результаты по-прежнему оцениваются как недопустимые, а наработанные десятилетиями оперативный опыт и результативные тактики просто утрачиваются со временем и бездействием.

Так, современная практика проведения следственных действий, предусмотренных ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров» и ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», наглядно и бесспорно свидетельствует о фактически состоявшемся легитимном и эффективном внедрении в уголовный процесс способов, методов и средств, свойственных исключительно ОРД. Подготовка и про-

---

<sup>1</sup> Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. Москва: Юрлитинформ, 2015. 304 с.

ведение отдельных следственных действий допускают негласный формат если не всего следственного действия, то, как минимум, некоторых его этапов, например опознание лица по фотографии или в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым в соответствии с положениями ст. 193 «Предъявления для опознания» УПК РФ. К тому же предписания ст. 165 «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» УПК РФ, а именно – рассмотрение ходатайства единолично судьей, участие в заседании ограниченного круга лиц – прокурора и следователя (без подозреваемого или обвиняемого и его представителя) допускают фактически негласный характер процедуры санкционирования отдельных следственных действий как их обязательного этапа, придавая им черты конспиративности, ранее свойственные исключительно оперативно-розыскной деятельности, и нивелируя статус гласности как фундаментального «Конституционного принципа всего уголовного процесса»<sup>1</sup>. Как результат – наличие двух (оперативного и следственного) конкурирующих между собой инструментариев с аналогичными познавательными возможностями, сравнимыми ресурсозатратами, но спорными доказательственными перспективами результатов. В итоге процессуальный инструментарий по-прежнему все еще не имеет (и потому не реализует) скорости и конспиративности оперативного, а тот в свою очередь постепенно становится менее востребован и результативен, теряет практику и вместе с ней – наработанный опыт и эффективность. Очевидно, что позитивные по своей природе намерения повлекли не только реальные позитивные изменения функционала, но и невольную частичную его деградацию.

В рассматриваемом контексте интересным, значимым и перспективным представляется законодательно закрепленное право проведения следственных действий без участия понятых, что до недавнего времени было характерно исключительно для оперативно-розыскных мероприятий, а в настоящее время становится свойственным и следственным действиям, придавая им отдельные оперативно-розыскные качества, например – оперативность (быстроту) и относительно упрощенную процедуру проведения. Это, по нашему мнению, ликвидирует еще одно серьезное отличие между ОРМ и следственными действиями без какого-либо ущерба для их познавательной и доказательственной сущности. Ранее авторами рассматривались научная и практическая проблематика участия

---

<sup>1</sup> Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт: ИД Юрайт, 2012. С. 58.

понятых в производстве следственных действий и приводилась аргументация возможности и перспективности законодательного отказа от института понятых не только в неопределенном будущем, но уже сегодня<sup>1</sup>, что в целом подтверждает анализируемый тезис. При этом следует признать, что произошедший частичный отказ законодателя от участия понятых в следственных действиях нормативно регламентирован фрагментарно и крайне непоследовательно, оставляя много вопросов имплементации и последующей правовой оценке. В то время как все чаще и настойчивее декларируется противоположное по своей сути (и потому – парадоксальное) требование к обязательному внедрению института понятых в оперативно-розыскные мероприятия. И оперативно-розыскная практика вынуждена адаптироваться под такие условия... Сказанное наглядно подтверждает тезис о том, что подобный формат универсализации инструментариев, при своей изначальной нацеленности на их оптимизацию, влечет и побочные последствия, серьезно нивелирующие ожидаемый положительный эффект и снижающие собственный потенциал каждого из инструментариев.

Во-вторых, «эволюция следственных действий происходит в направлении увеличения их видов и детализации процессуальной формы, обусловленной новыми приемами познания действительности, научно-техническим прогрессом, достижениями криминалистической тактики и потребностью более тщательного обеспечения конституционных и иных законных прав участников процесса»<sup>2</sup>. Считаем необходимым всецело экстраполировать данное утверждение и на оперативно-розыскные мероприятия. Следует признать, что отчасти указанный процесс обусловлен объективными причинами развития всех сторон жизни человека и общества, расширением когнитивных инструментов и методов познания действительности. Появление и изменение материалов, техники, способов хранения и передачи информации, видов собственности и многое другое неизбежно обуславливают и даже требуют адекватного развития и использования соответствующего более специализированного процессуального (а также – оперативно-розыскного, криминалистического, специально-технического и пр.) инструментария.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, требующие судебного санкционирования: вопросы соотношения // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2017. № 3 (49). С. 7–10; Тамбовцев А. И. Генезис социально-правового института понятых: история, тенденции, перспективы // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 1 (77). С. 81–85; и др.

<sup>2</sup> Кальницкий В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 76 (200 с.).

Но нужно признать, что наряду с несомненным усилением познавательного потенциала отдельного следственного действия (и УПК в целом), это одновременно ведет и к необоснованному увеличению числа самостоятельных следственных действий, со свойственными им отдельными статьями уголовно-процессуального кодекса, многочисленными (отчасти дублируемыми) процедурами и формами, что, по нашему мнению, только существенно усложнит весь процесс судопроизводства. Более того, считаем рассматриваемую тенденцию негативной, ведущей к необоснованному увеличению (практически до бесконечности) числа «сходных», единых по своей природе и базовым способам познания следственных действий (как и ОРМ). В частности, такие существующее сегодня следственные действия «общего характера», как «Осмотр» и «Осмотр трупа» через определенное время могут быть дополнены целым рядом более детализированных, например «Осмотр автомобиля», «Осмотр оружия», «Осмотр документов» и пр., которые со временем также могут быть еще более детализированы. Это конечно же представляется нежелательным и полемичным с позиции жизнеспособности и перспективности подобного пути развития. Оперативно-розыскная деятельность уже столкнулась с аналогичной проблемой «нормативной усеченности функционала», когда имеющийся инструментарий (одно из представленных в законе ОРМ) невозможно использовать по прямому, но более общему назначению. Например, ОРМ «Отождествление личности» невозможно использовать при отождествлении предмета ввиду зауженности правовой нормы при ее синтезе. В итоге можно констатировать правовой пробел, неурегулированность. Дальнейшая эволюция следственного и оперативного инструментариев по данному пути способна еще более усложнить их непосредственное использование, минимизируя изначальное предназначение.

В-третьих, учеными отмечается неоспоримый и негативный для природы доказывания факт, что «отдельным аспектам традиционных следственных действий присуща избыточная процессуализация»<sup>1</sup>, затягивающая и усложняющая процедуру их проведения. Принимая во внимание, что следственные действия «являются основным способом собирания доказательств, а значит, и основным средством установления истины по уголовному делу»<sup>2</sup>,

---

<sup>1</sup> Кальницкий В.В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 79 (200 с.).

<sup>2</sup> Смирнов А.В., Калининский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Питер, 2004. С. 385.

можно категорично признать их процессуальным инструментом правосудия. В связи с этим, рассматриваемые попытки дополнительной процессуализации (являющейся, по нашему убеждению, совершенно излишней) необходимо рассматривать как чрезмерное воздействие на когнитивно-доказательственный инструментарий следователя в желании улучшить его познавательные, доказательственные, правозащитные и любые иные характеристики. Но здесь необходимо помнить основополагающее праксеологическое предупреждение, что подобная «рационализация» чревата все большим возрастанием зависимости работника от инструментов, которые сами по себе диктуют методы работы. И в силу этого усугубляется отрыв методов работы от целей<sup>1</sup>.

В этом случае исполнитель становится более занят «обслуживанием инструментов» – обеспечением многочисленных формальных (подчас – абсурдных) процедурных требований подготовки, проведения и оформления следственного действия, а не выполнением своих непосредственных обязанностей – познанием с помощью инструментария действительности (отысканием доказательств и пр.).

С другой стороны, наличие излишне многочисленных требований к инструментарию всегда порождает сложность их буквального исполнения, а значит и высокую вероятность несоблюдения некоторых процедурных требований, которые возможно признать «нарушением», влекущим ничтожность полученных результатов, что зачастую и осуществляется стороной защиты в настоящее время. Разумеется, «процедура», как официальный порядок действий, выполнения, обсуждения чего-либо, является основой основ уголовного процесса, но при этом и процессуализация должна иметь определенные рациональные пределы, не позволяющие доводить ее до процессуального абсурда – процедуры ради процедуры. Современная правоприменительная практика подтверждает, что попытки дальнейшей процессуализации и следственных действий, и оперативно-розыскных мероприятий ослабляют конечную результативность обоих и требуют весьма осторожного внедрения в практику и в разработку новых когнитивных инструментов процесса и ОРД.

В-четвертых, «очевидна тенденция к фактическому превращению оперативно-розыскных мероприятий в следственные

---

<sup>1</sup> *Тадеуш Котарбиньский*. Тракта́т о хорошей работе. Москва: Экономика, 1975. С. 188–196 (249 с.).

действия»<sup>1</sup>. С одной стороны, это выражается во все большем многоаспектном использовании их результатов в процессе доказывания, а с другой – в постепенной разработке и внедрении в практику конкретных процедур подготовки, осуществления и оформления ОРМ по аналогии со следственными действиями.

Действительно, немыслимое для второй половины XX в. использование результатов негласных ОРМ (например – прослушивания телефонных переговоров, проверочной закупки, оперативного эксперимента или наблюдения) в качестве доказательств в настоящее время становится повсеместной положительной следственной и судебной практикой. Уже выработаны, практически апробированы, доработаны и легитимизированы процедуры рассекречивания и передачи в процесс таких материалов. В настоящее время этот аспект достаточно последовательно и детально регламентирован «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной приказом МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509...<sup>2</sup>. Подтверждением же частично произошедшей и до сих пор продолжающейся процессуализации оперативно-розыскной деятельности (тенденции формирования оперативно-розыскных процедур) являются научные позиции<sup>3</sup> и предписания ведомственных наставлений и инструкций, содержащие достаточно строгие разработанные (и апробированные практикой) процедуры подготовки и проведения ОРМ и требований к их документальному оформлению.

В-пятых, логичным продолжением предыдущего тезиса является утверждение, что «на современном этапе существует объективная необходимость формирования системы процедурных норм, регламентирующих порядок осуществления оперативно-розыскных мероприятий»<sup>4</sup>. В настоящее время закон об ОРД не содержит кон-

---

<sup>1</sup> Кальницкий В.В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 44 (200 с.).

<sup>2</sup> Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/39 8/68// СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

<sup>3</sup> См., напр.: Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2016. С. 80 (232 с.); Тамбовцев А.И. Процедура и документальное оформление оперативно-розыскных мероприятий как критерии их доказательственного значения // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 3 (79). С. 127–134; и др.

<sup>4</sup> См., напр.: Чечетин А.Е. Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскных мероприятий: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России,

кретных положений и предписаний, аналогичных нормам УПК РФ, детально регламентирующих последовательность процедур подготовки, проведения и оформления ОРМ, хотя в целом ряде ведомственных приказов, наставлений и инструкций непосредственным исполнителям (оперативным сотрудникам) предоставлены типовые рекомендации по их проведению и формализованные бланки, по своей сути подобные протоколам следственных действий. Современная юридическая мысль изобилует «полярными» оценками рассматриваемой тенденции, имеющими свои интересные и убедительные противоположные аргументы.

По нашему мнению, на протяжении всего длительного периода правоприменительной оперативно-розыскной практики целый ряд объективных и субъективных причин различного характера привел к резко критикуемому нами «упрощению», стереотипизации, шаблонности и снижению вариативности отдельных ОРМ. Произошла страшная для самой природы ОРД определенная «стандартизация» и «алгоритмизация» некоторых оперативно-розыскных мероприятий, фактическая утрата ими своей былой вариативности и «ситуативной импровизационности». В то же время практикой были выработаны «усредненные» ( типовые, стандартные), но все-таки достаточно эффективные в своем конечном результате процедуры, которые и могут быть прописаны в правовой норме Федерального закона без функционального ущерба для самого процесса проведения ОРМ и его результата. И уж тем более – нормативно могут быть закреплены требования к оформлению ОРМ. При этом считаем важным отметить ключевые современные особенности (отличия) ОРМ, а именно – их нередко конспиративный (негласный) характер и возможность проведения иными, кроме оперативного сотрудника, субъектами или лицами, в том числе – конфидентами, что, несомненно, должно найти свое отражение в нормах. Признавая фактически состоявшуюся имплементацию института процедурности в ОРМ, существенно усиливающую их доказательственный потенциал, следует с сожалением констатировать, что подобное нововведение сильнее всего затронуло именно творческо-вариативный аспект оперативно-розыскных мероприятий, выгодно отличавший их от следственных действий и предоставлявший серьезные преимущества. Попытка подобной адаптации оперативного инструментария под требования процесса лишила

---

2005. 300 с.; Гусев В.А. Понятие и сущность юридических процедур проведения оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С. 63–70; и др.

его одного из основного приоритета – множественности форм реализации.

В-шестых, правоведами отмечается весьма позитивная, по нашему мнению, тенденция в научном, правоприменительном, правозащитном и общегражданском сообществах «принципиального изменения отношения к использованию результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве в сторону увеличения их доказательственного значения»<sup>1</sup>. Общество стало понимать и, что более важно – принимать, что правомерно проведенное оперативно-розыскное мероприятие, по сути, предоставляет в уголовный процесс «доказательство» (в виде информации или предмета), по качеству и процессуальным требованиям не уступающее доказательствам, полученным процессуально, а нередко и превосходящее его по своей уникальности. При всей своей позитивности данное изменение еще не является преобладающей общественной позицией, доминантой в коллективном сознании социума, оставляя оперативно-розыскной инструментарий на второстепенных ролях, оцениваемый в большинстве случаев не просто критически, а негативно-предвзято.

Вышеизложенное, по нашему мнению, свидетельствует о все большем симбиозе процессуального и оперативно-розыскного аспектов судопроизводства, закономерной их трансформации в единый инструментарий, одновременно сочетающий в себе когнитивные, доказательственные, процессуальные, оперативно-розыскные и гласно-негласные свойства, необходимость разработки которого обсуждается научной общественностью в настоящее время<sup>2</sup>, но одновременно и об утрате как следственными действиями, так и оперативно-розыскными мероприятиями своих уникальных специфических черт.

---

<sup>1</sup> *Захарцев С. И.* Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2004. С. 28 (41 с.).

<sup>2</sup> *Гирько С. И., Луговик В. Ф., Гусев В. А.* О правоотношениях, процедурах и оперативно-розыском праве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 19–26.

## **§ 2. Оперативно-розыскные мероприятия будущего: взгляд из 2021 года**

Подводя итог нашим размышлениям, касающимся эволюции оперативно-розыскных мероприятий, следует констатировать, что оперативно-розыскной инструментарий чутко, правда иногда с небольшим опозданием, реагирует на изменения, происходящие в обществе, государстве и в социуме. Эти изменения первоначально носят приспособленческий характер, а затем приобретают правовую форму, закреплённую в нормативных актах различного уровня.

Нам представляется, что эволюция оперативно-розыскных мероприятий – это постоянный процесс трансформации и совершенствования чувственных и коммуникативных способов познания окружающей действительности, усиленных новыми техническими возможностями, которые нам преподносит технический прогресс.

Полагаем, что будущее оперативно-розыскного инструментария – в целенаправленном внедрении и применении революционных достижений в области IT-технологий и искусственного интеллекта, позволяющих получить и эффективно использовать в правоохране миниатюрные средства электронного контроля и наблюдения и мощные программно-аналитические комплексы; разработке программ, способных к фиксации эмоций, чувств, невербальных сигналов и психофизиологических реакций человека и быстрому многофакторному их анализу; расширении информационных полей правоохранительных ведомств. И, конечно, использование феномена больших данных в сфере правоохраны, требующих создания и использования средств, методов и кадров для сбора и аналитической обработки информационных массивов.

Нет сомнения, что в традиционный арсенал чувственных и коммуникативных средств и методов оперативно-розыскной деятельности органично вплетутся и окончательно закрепятся достижения прикладной психологии, технологии рефлексивного управления, профайлинга, позволяющие пользователю бесконтактно, быстро и гарантированно определять психофизиологическое состояние наблюдаемого лица, уровень его тревожности, нервозности, агрессивности и пр. по внешним и поведенческим признакам.

Некоторые читатели нашей работы могут упрекнуть авторов в излишней технологизации оперативно-розыскных мероприятий, уверовании в почти фантастические феноменальные возможности развивающихся технических средств и технологий работы с информацией. Это мнение может возникнуть в связи с тем, что мы уделили значительное внимание в работе технологии боль-

ших данных, достижений в области IT-технологий, искусственному интеллекту и т. п. Наверное, отчасти так оно и есть. Наряду с глубочайшей приверженностью традиционным, истинно оперативным методам сыска, мы одновременно являемся сторонниками современных новаторских способов получения и обработки информации с использованием всех уникальных возможностей, предоставляемых научным прогрессом. Игнорировать эти возможности глупо! Однако обвинять нас в излишней технологизации не стоит. Мы не отвергаем классических, проверенных вековой практикой методов ОРД! Это базовый, фундаментальный инструментарий, который еще очень долгое время будет оставаться таким! Но при этом, мы считаем, что процесс развития оперативно-розыскных мероприятий будет идти по двум параллельным направлениям.

Первое – использование традиционных способов познания в борьбе с преступностью. Под традиционными мы понимаем классические оперативно-розыскные мероприятия, известные нам с момента зарождения сыска.

Второе – получение сведений (больших объемов данных) из различных технических источников и последующая аналитическая обработка информационных массивов.

При этом полагаем, что профессия оперативного уполномоченного также трансформируется исходя из этих двух направлений. К первой группе будут относиться классические оперативные сотрудники, а ко второй – аналитики больших данных. Не исключено, что реальная практика приведет к появлению определенной группы профессионалов, обладающей знаниями и прикладными навыками обоих направлений и представляющей, по сути, элиту оперативного сообщества.

Прогнозируемые авторами тенденции изменения оперативно-розыскной парадигмы предполагают не только и не столько смещение акцентов с чувственно-коммуникативных методов получения информации в процессе осуществления ОРД на технические, что имеет вполне объективное объяснение, обусловлено общим техническим прогрессом социума как такового и, несомненно, несет свои весьма позитивные последствия (хотя это совершенно не исключает вероятность наступления и отдельных негативных последствий!).

Более важным нам видится предоставляемая этим прогрессом сама возможность получения непредсказуемых ранее объемов и видов информации с разнообразных технических устройств общего и персонального пользования и последующей многофакторной аналитической обработки их инструментальными средствами (компьютерами и программными комплексами), на несколько порядков

или даже десятков порядков превышающими способности самого гениального мыслителя, аналитика, ученого по целому ряду параметров – общему объему обрабатываемой информации, количеству ее видов (форматов), быстродействию, количеству продуцируемых выводов и многое другое.

Нами уже отмечалась ранее смелая, но не радостная для человечества гипотеза великого Альберта Эйнштейна, что способности человека анализировать одновременно несколько категорий взаимосвязанных сведений объективно ограничены<sup>1</sup>. Многолетняя практика всего мирового сообщества и результаты многочисленных исследований полностью подтверждают эту теорию. Кроме того, можно безапелляционно констатировать, что чем более разрозненные и фрагментированные сведения будут представлены и чем больший объем их будет, тем более сложными для анализа отдельным человеком (и даже группой лиц) они будут являться, вплоть до невозможности их ментальной обработки.

Возникает парадоксальная ситуация. Казалось бы, чем больше характеристик объекта (по большому счету – разнообразных сведений о нем, являющихся посылками для производства логических выводов) имеется, тем более точно можно этот объект описать, диагностировать, прогнозировать, выявить особенности, зависимости, корреляции и тенденции. На практике же такое увеличение рационально лишь до некоторого предела, обусловленного весьма ограниченными аналитическими способностями среднестатистического человека, и чуть большими способностями электронно-вычислительной техники недавнего прошлого. После пересечения этого предела объем информации и ее разнообразие уже становится не преимуществом обработчика, а препятствием для ее анализа. А при необходимости сопоставления обобщенной или наоборот – детализированной информации о разных объектах ситуация осложняется еще более, она становится для аналитика катастрофической. Выход из нее (из ситуации) видится в разработке и внедрении в правоохранительную деятельность вообще и в оперативно-розыскную в частности специализированных программных комплексов по обработке больших данных особыми методами<sup>2</sup> для специфических нужд органов правопорядка. Не сегодняшняя примитивная статистика цифр,

---

<sup>1</sup> Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Будущее профессии оперуполномоченный – Big Data и аналитика // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 62–68.

<sup>2</sup> Международная консалтинговая компания McKinsey, специализирующаяся на решении задач, связанных со стратегическим управлением, выделяет 11 методов и техник анализа, применимых к большим данным:

графиков и диаграмм, используемых исключительно на управленческом (штабном) уровне и требующих дополнительных пространственных пояснений и анализа, а максимально прикладные, конкретные (возможно – вариативные) заключения – окончательно сформулированное, целевое (по месту времени, лицу, преступлению, жертве) криминологическое / виктимологическое прогнозирование; рекомендации органам правопорядка по оптимальной расстановке кадров, организации графиков и маршрутов передвижения

---

1. Методы класса Data Mining (добыча данных, интеллектуальный анализ данных, глубинный анализ данных) – совокупность методов обнаружения в данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных знаний, необходимых для принятия решений. К таким методам, в частности, относятся обучение ассоциативным правилам (association rule learning), классификация (разбиение на категории), кластерный анализ, регрессионный анализ, обнаружение и анализ отклонений и др.

2. Краудсорсинг – классификация и обогащение данных силами широкого, неопределенного круга лиц, выполняющих эту работу без вступления в трудовые отношения.

3. Смешение и интеграция данных (data fusion and integration) – набор техник, позволяющих интегрировать разнородные данные из разнообразных источников с целью проведения глубинного анализа (например, цифровая обработка сигналов, обработка естественного языка, включая тональный анализ, и др.).

4. Машинное обучение, включая обучение с учителем и без учителя, – использование моделей, построенных на базе статистического анализа или машинного обучения для получения комплексных прогнозов на основе базовых моделей.

5. Искусственные нейронные сети, сетевой анализ, оптимизация, в том числе генетические алгоритмы (genetic algorithm) – эвристические алгоритмы поиска, используемые для решения задач оптимизации и моделирования путем случайного подбора, комбинирования и вариации искоемых параметров с использованием механизмов, аналогичных естественному отбору в природе).

6. Распознавание образов.

7. Прогнозная аналитика.

8. Имитационное моделирование (simulation) – метод, позволяющий строить модели, описывающие процессы так, как они проходили бы в действительности. Имитационное моделирование можно рассматривать как разновидность экспериментальных испытаний.

9. Пространственный анализ (spatial analysis) – класс методов, использующих топологическую, геометрическую и географическую информацию, извлекаемую из данных.

10. Статистический анализ – анализ временных рядов, А/В-тестирование (A/B testing, split testing – метод маркетингового исследования; при его использовании контрольная группа элементов сравнивается с набором тестовых групп, в которых один или несколько показателей были изменены, для того чтобы выяснить, какие из изменений улучшают целевой показатель).

11. Визуализация аналитических данных – представление информации в виде рисунков, диаграмм, с использованием интерактивных возможностей и анимации как для получения результатов, так и для использования в качестве исходных данных для дальнейшего анализа. Очень важный этап анализа больших данных, позволяющий представить самые важные результаты анализа в наиболее удобном для восприятия виде. URL: <https://www.it.ua/ru/knowledge-base/technology-innovation/big-data-bolshie-dannye> (дата обращения: 15.07.2020).

патрульных; выявление связей, девиаций, преступных намерений отдельных лиц; установление лиц, вероятно причастных к преступлению, проверка их алиби (пребывание в местах общего пользования, поездки, покупки и пр.); общее предупреждение и раскрытие преступлений, розыск преступников и мн. другое. Такие технологии уже имеются, однако по целому ряду причин, в том числе и финансового характера, их применение в целях раскрытия преступлений в России в настоящее время является скорее редким исключением, чем системной практикой. Известные же единичные факты результативного использования технологий анализа больших данных при раскрытии особо тяжких резонансных преступлений последних лет категорично показывают их уникальную прагматичность, исключительную профессиональную надежность, высочайшую эффективность и отличные перспективы.

Считаем интересным обратить внимание, что идея использования многофакторного анализа ситуации и разработанных на его основе алгоритмов действий для целей правоохраны (и в том числе для раскрытия преступлений) не нова и имела вполне реальные и осязаемые результаты в недавнем прошлом. Понятие алгоритма, как строго определенной последовательности действий, «совокупности точно заданных правил решения произвольного класса задач или набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для решения некоторой задачи»<sup>1</sup> давно и прочно вошло как в повседневную жизнь и профессиональную деятельность современного человека вообще, так и в правоприменительную деятельность (в том числе в оперативно-розыскную) в частности. Рядом советских ученых правоведов в 80-х гг. XX в. были проведены исследования и разработаны алгоритмы действий оперативных уполномоченных уголовного розыска по раскрытию преступлений, в частности – убийств<sup>2</sup>. В основе их лежали предлагаемые авторами типовые версии произошедшего и многовариативные последовательности (т. е. – алгоритмы) действий сыщиков в зависимости от наличия или отсутствия в обстоятельствах происшествия того

---

<sup>1</sup> URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Алгоритм> // Алгоритм (лат. algorithmi – от арабского имени математика Аль-Хорезми) – конечная совокупность точно заданных правил решения произвольного класса задач или набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для решения некоторой задачи (дата обращения: 15.07.2020).

<sup>2</sup> См., напр.: *Густов Г.А.* Раскрытие, расследование убийства в условиях неочевидности: (краткие типовые программы): методические рекомендации. Ленинград: Институт усовершенствования следственных работников, 1989. 41 с.; *Селиванов Н. А., Видонов Л.Г.* Типовые версии по делам об убийствах: справочное пособие. Москва, 1989. 52 с.; и др.

или иного фактора. По абсолютно понятным объективным причинам количество таких факторов и вариативность их интерпретации и анализа на момент создания пособий были достаточно малыми, что и обусловило изначальную ограниченность таких разработок (практических рекомендаций, типовых программ действий, типовых версий). Однако тут важна сама попытка алгоритмизировать процесс раскрытия преступления на основе анализа имеющейся информации.

Примерно в то же время в США на основе более масштабного исследования были разработаны и внедрены в повседневную деятельность полиции практические рекомендации (фактически – сборник алгоритмов действий) для сотрудников полиции в зависимости от того, в каких условиях они вынуждены были работать / действовать. Дежурный офицер, имея перед собой сборник схем, общался по радиостанции с конкретным патрульным, задавал ему вопросы о ситуации (от наиболее общих к частным) и, в зависимости от ответа патрульного, рекомендовал один из вариантов дальнейших действий, предлагаемых в схеме. И так – последовательно, до достижения какого-то результата. Авторы не располагают достоверными сведениями о реальной конечной эффективности упомянутых, явно отличающихся друг от друга разработок, но сам факт использования их в непосредственной правоприменительной деятельности как минимум двух государств – отчасти милицией Советского Союза и достаточно интенсивно полицией Соединенных Штатов Америки, позволяет предположить об их актуальности и более того – о важности и перспективности самой идеи.

В ХХI в. значительный вклад в дальнейшее развитие теории алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности был внесен доктринальным исследованием С. И. Давыдова, результаты которого нашли отражение в ряде его работ<sup>1</sup>. Логичным развитием этого направления в правоприменении являются труды современных ученых, исследующих проблематику разработки и внедрения в опера-

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Давыдов С.И.* Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: учебное пособие. Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2006. 60 с.; *Давыдов С.И.* Ситуационные аспекты алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2008. № 2 (5). С. 80–86; *Давыдов С.И.* Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Барнаул: Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2009. 263 с.; *Давыдов С.И.* Ситуационные основы разработки рекомендаций по раскрытию преступлений // *Вестник Московского университета МВД России.* 2009. № 2. С. 97–99; и др.

тивную и следственную практику типовых версий и программ раскрытия и расследования преступлений<sup>1</sup>. Это еще раз подтверждает принципиальную правильность направления вектора эволюции оперативно-розыскных мероприятий, актуальность, своевременность и перспективность данного курса развития и обоснованность наших предположений.

По сути, указанные разработки XX в. являлись предвестником внедряемых сегодня электронных алгоритмов деятельности полицейских, «бумажным вариантом» программы действий оперативного сотрудника, аналогом или прообразом примитивных компьютерных программ. Определенная ущербность их была обусловлена объективными обстоятельствами – невозможностью концентрации в одном месте (источнике) и ментальной обработки (анализа) всех гипотетически возможных оперативно-тактических ситуаций. В доступном на тот момент книжном формате это заняло бы сотни печатных томов. Однако в настоящее время происходящая в обществе информатизация и цифровизация практически всех без исключения сфер жизни и появление сверхмощных аналитических комплексов устранили указанный недостаток. Учитывая современные тенденции развития технических средств сбора информации, компьютерных технологий, нейросетей и самообучающегося искусственного интеллекта, можно прогнозировать достаточно эффективное и результативное использование рассматриваемых технологий в деятельности оперативных подразделений, в том числе как высокоэффективное дополнение к имеющимся «традиционным» оперативно-розыскным мероприятиям, а также как инновационная альтернатива части устаревших ОРМ, утративших свою былую актуальность и прагматичность по перечисленным ранее причинам или же вообще принципиально новый вид (форма) оперативно-розыскного мероприятия.

Приходится признать, что технический (технологический) компонент оперативно-розыскных мероприятий, как изначально составная часть оперативно-розыскного инструментария, обеспечивающая обнаружение, фиксацию, хранение и оборот информации, в настоящее время эволюционировал в совершенно само-

---

<sup>1</sup> Косарев С. Ю. О возможности создания автоматизированных методик расследования преступлений // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 297–299.; Воротынцева А.С. Типичные следственные ситуации, основные направления, а также задачи и программы расследования мошенничества // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 1 (40). С. 49–54; Ким Д.В. Ситуационный подход как методологическая основа предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2006. 49 с.; и др.

стоятельный (практически самодостаточный и независимый от сторонних традиционных источников информации) программно-технологический комплекс по сбору, хранению, аналитической обработке информации и продуцированию высоковероятностных выводов, способный обеспечивать нормальную деятельность иных компонентов оперативно-розыскного инструментария и структурных элементов правоохранительной деятельности в целом. Инструментальная аналитика из вспомогательной дисциплины превращается (уже практически превратилась) в основное средство работы с информацией в форматах, объемах и со скоростью, неподвластных человеку.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважаемый читатель, наши размышления относительно эволюции оперативно-розыскных мероприятий подошли к концу. Мы провели компаративный анализ оперативно-розыскного инструментария, на основе которого попытались определить те сферы жизни общества и индивида, которые наиболее существенно повлияли на преобразование оперативно-розыскного инструментария. К ним мы отнесли: изменения в жизни социума, влияющие на развитие оперативно-розыскных мероприятий (изменения форм собственности; изменение векторов преступной деятельности; цифровую трансформацию; радикализацию отдельных слоев общества; изменение пропорций городского и сельского населения; миграция населения); эволюцию правоприменительной системы; научно-технический прогресс; трансформацию жизни индивида, влияющую на изменение оперативно-розыскных мероприятий.

На суд широкой юридической общественности нами предложена интересная (на наш взгляд) классификация оперативно-розыскных мероприятий. Она основана на естественных для человека способах получения информации: чувственном и коммуникативном. Эта классификация имеет свои преимущества и недостатки. Нас в процессе исследования в большей степени интересовали преимущества данной классификации, а недостатки... – успокаивает тот факт, что любая классификация не лишена недостатков. Их выявление и обсуждение – это прекрасная тема для дальнейшей научной полемики в интересах познания истины!

Вместе с тем, подобное разграничение оперативно-розыскного инструментария позволило нам наиболее ясно увидеть перспективы и направления его развития, предсказать, как будут выглядеть оперативно-розыскные мероприятия в ближайшем будущем, с учетом социальных преобразований, глобальной цифровизации, развития искусственного интеллекта, успехов машинного обучения и обработки больших объемов данных. На основе проведенного детального анализа мы пришли к выводу, что в существующей реальности главенствующей задачей правоприменительного сообщества является осознание неизбежности социально-правовых перемен общества и обусловленной этим необходимости рациональной оптимизации оперативно-розыскного инструментария. Не повсеместной конъюнктурной компьютеризации и технологизации с надобностью и без надобности, а мудрого симбиоза традиционных действенных оперативных методов с новейшими достижениями прогресса, адаптированными под нужды оперативно-розыскной деятельности и правоприменения в целом.

Конечно, мы взяли за точку отсчета 2020 г., и поэтому горизонт нашей фантазии ограничивается достижениями науки и техники этого периода.

1. Возможно, в ближайшем будущем человечество сделает прорыв в отдельных областях знаний, и если эти знания станут доступными для сотрудников оперативных подразделений, то оперативно-розыскные мероприятия могут трансформироваться во что угодно и измениться до неузнаваемости.

2. Возможно, сам термин «оперативно-розыскные мероприятия» исчезнет в ближайшем будущем. И тут нет вины научно-технического прогресса. Мы уже сейчас наблюдаем, как размываются границы оперативно-розыскного инструментария за счет создания универсального механизма выявления, раскрытия и расследования преступлений, так называемого «оперативно-следственного инструментария». Возможно, он придет на смену традиционным способам раскрытия преступлений, которыми пользовались сыщики столетиями.

3. Возможно, сама профессия оперативный уполномоченный исчезнет или трансформируется до неузнаваемости<sup>1</sup>. И для этого тоже есть предпосылки. Так, в настоящее время современный мир переживает 4-ю промышленную революцию. Применительно к нашему разговору она характеризуется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, появлением новых специальностей, о которых 10 лет назад мы даже не подозревали (специалист по большим данным, оператор дрона и др.) и исчезновением ряда специальностей, или замещением их более производительными машинами (*в начале 2017 года Герман Греф сообщил о планах сократить порядка 3 000 рабочих мест в Сбербанке за счет внедрения роботов-юристов, которые могут самостоятельно составлять иски*). По мнению Германа Оскоровича, техническая замена грозит и другим специалистам кредитной организации.

Озвучим лишь некоторые заметки в средствах массовой информации (например Рамблер новости) о перспективах исчезновения существующих профессий, которые откровенно шокируют: «Учителя исчезнут: их заменят технологии», «Будущее за виртуальными полицейскими» и т. п. С учетом того опыта, который приобретает человечество в период пандемии (дистанционное обучение, QR-код для перемещения и т. п.), эти предсказания уже не кажутся столь удивительными.

---

<sup>1</sup> Речь идет не о банальном изменении наименования должности оперативного сотрудника в штатном расписании, что уже происходило многократно и в принципе ничего не меняло, а о смене самой парадигмы деятельности оперативного сотрудника, принципиальном изменении его функциональной природы (отмечено нами. – А. Т., Н. П.)

Интересным представляется в этой связи российский образовательный проект «Атлас Новых Профессий». Он детально описывает все предстоящие изменения, он создан для того, чтобы новое рабочее поколение смогло правильно и рационально развивать навыки для необходимой адаптации в будущем. По их прогнозам, в ближайшем будущем 34 отрасли пройдут через крайне радикальные перемены, что послужит созданию новых профессий (новые 186 профессий) и исчезновению старых (57 профессий).

В этих условиях говорить уверенно, что в сфере раскрытия преступлений все останется без изменений, просто нельзя. Будучи неотъемлемой частью перманентно меняющихся общественных отношений, эта сфера также будет соразмерно количественно и качественно меняться.

Все, что мы перечислили выше, есть наши хоть и смелые, но всего лишь предположения. Их оправданность покажет время! Однако в одном мы уверены полностью: никакой технический прогресс не сможет заменить простое человеческое общение оперативника и подозреваемого (свидетеля, очевидца и т. п.), ни одна «машина» не в состоянии придумать и провести оперативную комбинацию и тем более ни один искусственный разум не в состоянии понять мотивы преступного поведения конкретного человека. «Умные» технические средства и прогрессивные технологии их использования всего лишь помогают СВОЕМУ пользователю в решении ЕГО задач и достижении ЕГО целей. Инструмент конечно же предъявляет серьезные требования к пользователю, но именно пользователь – профессионал с достаточной совокупностью компетенций (профессиональных и надпрофессиональных знаний, умений и навыков) выбирает инструмент и сферу его использования, а не наоборот! В руках же дилетанта даже самый передовой инструментарий и самые современные технологии всегда останутся лишь примитивной доисторической «палкой-копалкой». Более того, учитывая величайшую социальную значимость института ОРД, важно чтобы ее инструментарий не просто не превратился в бесполезную «палку-копалку», а не стал для общества «агрессивной дубиной» в руках неумелого безответственного пользователя! Именно современный профессионал с набором значимых качеств стоит в центре любой деятельности, а оперативно-розыскной – в особенности!

Наш вывод целиком совпадает с исследованием, проведенным в «Сколково», где проанализировали данные из сети LinkedIn и выявили 10 наиболее востребованных профессий, каждая из которых связана с умениями решать проблемы и разрешать конфликты, с критическим мышлением, с креативностью, с умением управлять

различными по количеству и качеству командами и т. п. Все эти навыки относятся к категории *Soft skills*<sup>1</sup> – гибкие навыки. Именно этими надпрофессиональными критически важными навыками оперативные уполномоченные всегда выгодно отличались, отличаются и будут отличаться от представителей других профессий и специальностей. Как бы далеко вперед не ушел технический прогресс, насколько бы умным не стал инструментарий оперативно-розыскной деятельности, его непосредственным пользователем всегда будет оставаться ПРОФЕССИОНАЛ ОТ ОРД! ЧЕЛОВЕК!

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Hard skills* – (англ. «жесткие» навыки) профессиональные навыки, которым можно научить и которые можно измерить. Для обучения *hard skills* необходимо усвоить знания и инструкции, качество обучения можно проверить с помощью экзамена. Примеры *hard skills*: набор текста на компьютере, вождение автомобиля, чтение, математика, знание иностранного языка, использование компьютерных программ.

*Soft skills* – (англ. «мягкие» навыки) универсальные компетенции, которые гораздо труднее измерить количественными показателями. Иногда их называют личными качествами, потому что они зависят от характера человека и приобретаются с личным опытом. Примеры *soft skills*: такие социальные, интеллектуальные и волевые компетенции, как коммуникабельность, умение работать в команде, креативность, пунктуальность, уравновешенность. URL: <https://proforientator.ru/publications/articles/chto-takoe-hard-i-soft-skills-v-chem-raznitsa-chto-vazhnee.html> (дата обращения: 25.08.2020).

Гибкие навыки или мягкие навыки (англ. *soft skills*) – комплекс неспециализированных, важных для карьеры надпрофессиональных навыков, которые отвечают за успешное участие в рабочем процессе, высокую производительность и являются сквозными, то есть не связаны с конкретной предметной областью.

Гибкие навыки, в отличие от профессиональных навыков в традиционном понимании (рассматриваемых в этом дискурсе как «жестких», от англ. *hard skills*), не зависят от специфики конкретной работы, тесно связаны с личностными качествами и установками (ответственность, дисциплина, самоменеджмент), а также социальными навыками (скорость адаптации, коммуникация, в частности слушание; работа в команде, эмоциональный интеллект) и менеджерскими способностями (управление временем, лидерство, решение проблем, критическое мышление). Единой классификации гибких навыков на данный момент не существует, так же, как и не определено точное количество качеств и умений, подходящее под определение гибких навыков. Так перечисленные выше навыки дополняются особенностями мышления (скорость, креативность, гибкость и системность). Навыки данного класса сложно отслеживать, измерять в связи со значительной гуманитарной составляющей, не поддающейся простым четким определениям и метрикам. Однако, на сегодняшний день существуют тесты и методики проведения собеседований, помогающие оценить уровень развития данной группы навыков. Возникновение понятия относят к исследованиям, связанным с реформой системы подготовки личного состава Армии США в 1959–1972 гг., а также исследования компетенций под руководством Дэвида Макклэганда в ходе подбора сотрудников дипломатической информационной службы Госдепартамента США в 1971–1991 гг., которые привели к возникновению понятия «компетенция» и методик оценки компетенций.

Считается, что гибкие навыки должны стать востребованными в условиях технического прогресса... URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гибкие\\_навыки](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гибкие_навыки) (дата обращения: 25.08.2020).

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 // Рос. газ. 2010. № 132. 18 июня.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Беларусь. Минск, 2015.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи»: определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О // Рос. газ. 2003. 10 декабря.
4. По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 20-П. Судебные решения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 3 (106).
5. Об утверждении Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности: постановление Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770 // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3382.
6. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199.
7. Об утверждении Инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной, частной собственности и собственности общественных объединений (организаций): приказ МВД России от 11 сентября 1993 г. № 423.

8. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

9. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68// СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

10. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68// СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

11. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

12. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Текст Указа опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) 6 декабря 2016 г. // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

13. *Carroll John M.* Confidential information sources: Public & Private. A complete guide to the confidential personal information in public and private record system. – Los Angeles, California 90034: Security World Publishing Co., Inc., 1978.

14. *Carte G. E. & Carte E. H.* Police reform in the United States: The era of August Vollmer, 1905–1932. Berkeley: University of California Press, 1975. Р. 56–57. (Р. Д. Свон. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России. Научное издание / под общ. ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России: издательство «Алетейя», 2000).

15. *Агарков А.В.* Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017.

16. Айвазян О. О., Бондаренко В. А. Особенности установления контакта в публичном выступлении: приемы управления аудиторией // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2018. Т. 1.

17. Аликсандрова О. А., Борковская Е. И. «Купить нельзя арендовать»: Куда поставит запятую столичная молодежь? // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. № 9 (5).

18. Аликсандрова И. С. Гендерные аспекты сексуальной эксплуатации человека // Социологические исследования. 2018. № 8 (412).

19. Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специализация «Уголовно-правовая») и специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (специализация «Административная деятельность») / В. Ю. Алферов, А. И. Гришин, Н. И. Ильин; под общ. ред. В. В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2016.

20. Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.): дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва: Московский Государственный институт международных отношений, 2009.

21. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. Москва: Новое литературное обозрение, 1999.

22. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. Москва, 1992.

23. Аракелян К. Н. Опыт пережитого насилия и склонность к виктимному поведению подростков: гендерный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 4.

24. Арпентьева М. Р. Профайлинг как экспертная технология // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов международной научно-практической конференции. Калуга: КГУ имени К. Э. Циолковского, 2016.

25. Ахмедов А. Г., Бухаров Н. Н., Тамбовцев А. И., Шахматов А. В. и др. Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и дополн. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2019.

26. Байчорова Ф. Х. Особенности и тенденции женской преступности // Вопросы. Гипотезы. Ответы: наука XXI века. Краснодар: Индивидуальный предприниматель Акелян Нарине Самадовна, 2014.

27. Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2007. № 8.

28. *Беляев М. К., Лысенко А. В.* Развитие малоэтажного домостроения в российских городах // Социология города. 2013. № 2.

29. *Бессонов А. А.* Большие данные (big data) в криминалистике // Научные труды. Российская академия юридических наук: ООО «Издательство «Юрист»». 2019.

30. *Бобров В. Г.* Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Вопросы, требующие разрешения // Проблемы формирования уголовно-розыскного права: сборник научных работ. Москва, 1998. Вып. № 1.

31. *Борисова Д. П., Дворянчиков Н. В.* Гендерные факторы формирования агрессивного поведения в подростковом возрасте // Психология и право. 2013. № 3.

32. *Бормотова Т. М.* Феминизация глобальной миграции: тенденции и риски // Женская миграция: формы, тенденции, последствия: сборник статей. Москва: Экон-Информ, 2017.

33. *Буряков Е. В.* Информационные технологии в розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 3 (70).

34. *Вагина Н. Б.* Криминологическая характеристика религиозной среды: особенности преступности и нетрадиционные технологии подчинения лидеру организации адептов-последователей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000.

35. *Васильченко Д. А.* Психологические особенности проведения ОРМ «Опрос» в отношении иностранных граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1 (48).

36. *Вахнина В. В., Наумова С. Г.* Личностно-профессиональное моделирование оперативно-служебного функционирования сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел // Прикладная психология и педагогика. 2020. Т. 5. № 2.

37. *Ващенко И. С., Рыкалина Е. Б., Фахрудинова Э. Р.* Индивидуализм в современном обществе // URL: <https://medconfer.com/node/1762> (дата обращения: 30.04.2020).

38. *Введенский А. Ю.* Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1.

39. *Волчецкая Т. С.* Комплексный подход к проблеме установления психологического контакта в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2019. № 4 (58).

40. *Воротынцев А. С.* Типичные следственные ситуации, основные направления, а также задачи и программы расследования мошенничества // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 1 (40).

41. *Гирийчук В. В., Зубенко Е. В., Ленцов А. Б.* Актуальные проблемы применения специальных технических средств в оперативно-розыскной деятельности и уголовном судопроизводстве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017.

42. *Гирько С. И., Луговик В. Ф., Гусев В. А.* О правоотношениях, процедурах и оперативно-розыском праве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).

43. *Голово В. В., Пивоваров Д. В.* Установление личности нарушителя специальными техническими средствами фотосъемки, звуко- и видеозаписи, дактилоскопирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67).

44. *Гончаров И. В.* Новые векторы в развитии естественных прав человека // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74).

45. *Гончаров И. В.* Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61).

46. *Горев А. И., Горева Е. Г.* Интернет – зона свободы слова или новая сфера правового регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 3 (66).

47. *Григорьянц Н. В.* Речевые средства коммуникации: к проблеме трансформации на рубеже XX–XXI веков // Современная научная мысль: материалы II Международной научно-практической конференции. 10 ноября 2016 г. / гл. ред. М. П. Нечаев. Чебоксары: Экспертно-методический центр, 2016.

48. *Гришина А. В.* Психологические факторы возникновения и преодоления игровой компьютерной зависимости в младшем подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2011.

49. *Гусев В. А.* Понятие и сущность юридических процедур проведения оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1.

50. *Гусев В. А., Луговик В. Ф.* Теория оперативно-розыскных процедур: монография. Москва: Проспект, 2019.

51. *Густов Г. А.* Раскрытие, расследование убийства в условиях неочевидности: (краткие типовые программы): методические рекомендации. Ленинград: Институт усовершенствования следственных работников, 1989.

52. *Давыдов С.И.* Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: учебное пособие. Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2006.

53. *Давыдов С.И.* Ситуационные аспекты алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2 (5).

54. *Давыдов С.И.* Ситуационные основы разработки рекомендаций по раскрытию преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2.

55. *Давыдов С.И.* Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Барнаул: Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2009.

56. *Деметер Н.Г.* Цыгане: миф и реальность. Москва: Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995.

57. *Диденко В.Н.* Применение специальных технических средств для предупреждения и раскрытия краж: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

58. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. Москва: Юрлитинформ, 2015.

59. *Долгошеин П.С.* Специфика противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в сети Интернет в Европейском Союзе и Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2017. № 2 (48).

60. *Долматов А. В., Долматова Л. А.* Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46).

61. *Дубоносов Е. С.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / Е. С. Дубоносов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013.

62. *Дулов А. В., Нестеренко П.Д.* Тактика следственных действий. Минск, 1971.

63. *Душкин А. С., Пряхина М. В., Мартыросова Н.В.* Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе компетентностного подхода. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2012.

64. *Душкин А. С., Шелкушкина Е.А.* Профессиографическое изучение деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4.

65. Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.

66. Железняк Н.С. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010.

67. Железняк Н. С. К вопросу о соотношении оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности. Актуальные вопросы теории и практики: материалы научно-практического семинара. Москва, 2005.

68. Железняк Н. С. О необходимости включения имитации преступных действий в перечень оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2006. № 6.

69. Железняк Н.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: конспективные ответы на традиционные вопросы: учебное пособие для сотрудников оперативных подразделений, преподавателей и студентов юридических вузов. 3-е изд., испр. и доп. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2003.

70. Железняк Н.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник. Допущен Министерством образования и науки РФ в качестве учебника. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013.

71. Зажицкий В.И. Связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса // Государство и право. 1995. № 6.

72. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11.

73. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4 (249).

74. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2004.

75. Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография. СПбУ МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2006.

76. Зенкин А.Н. Получение образцов голоса у подозреваемого, обвиняемого в условиях отказа от их добровольного предоставления // Законность. 2013. № 1 (939).

77. Зорин К. В. «Одержимые». Зависимость: компьютерная, игровая, никотиновая... Москва: Русский Хронографъ, 2007.

78. *Зюков А.М.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых представителями разных этнических групп: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2005.

79. *Исаенко В.Н.* Отдельные вопросы получения образцов для сравнительного исследования // Уголовное право. 2010. № 5.

80. *Исупова О.Г.* Телефонное интервью: заметки организатора опроса // Социология: методология, методы, математические модели. 1996. № 7.

81. *Калужина М.А.* Роль гендерного фактора в профилактике преступлений // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 1 (2).

82. *Кальницкий В.В.* Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск: Омская академия МВД России, 2016.

83. *Качур А. М., Якушин Н.М.* Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности // Сборник МВД СССР. Москва: Академия МВД СССР, 1990. № 3.

84. *Ким Д.В.* Ситуационный подход как методологическая основа предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2006.

85. *Клейменов М.П.* Введение в этнокриминологию: монография. Омск, 2004.

86. *Колосович М. С.* Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2.

87. *Колосович М. С.* Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук // Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2020.

88. *Коротких В.Н.* Гендер в деятельности органов внутренних дел: социальный анализ проблемы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34).

89. *Коршунов В. М., Андреев И. А., Свистильников А.Б.* Основы оперативно-розыскной деятельности: учебно-методическое пособие. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2006.

90. *Косарев С. Ю.* О возможности создания автоматизированных методик расследования преступлений // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118).

91. *Кошелева О.В.* Административно-правовое регулирование оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: дис. ... канд. юрид. наук.

Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, 2009.

92. Криминологическая обстановка в Российской Федерации и прогноз ее развития: учебное пособие / М.М. Бабаев, Т.И. Бахарева, С.И. Гирько, Е.К. Семенов, А.Л. Ситковский, О.В. Родимушкина. Москва: ВНИИ МВД России, 2006.

93. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В.С. Овчинский. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018.

94. *Куприянова А.В.* Женская преступность несовершеннолетних как объект исследования гендерной криминологии // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 1.

95. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / автор-составитель М. Гамзатов. Санкт-Петербург: изд-во С.-Петерб. ун-та. 2002.

96. *Литвиненко О.В.* Психологические детерминанты компьютерной игровой зависимости и особенности ее психопрофилактики: дис. ... канд. психологич. наук. Санкт-Петербург: Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины имени А.М. Никифорова МЧС России, 2008.

97. *Лопатин В.Н.* Правовая охрана и защита служебной тайны // Государство и право. 2000. № 6.

98. *Луговик В. Ф., Мазунин Я.М.* Участие граждан в негласном расследовании преступлений // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей; научные редакторы: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова; отв. секретарь И.В. Чаднова. Томск, 2019.

99. *Луговик В. Ф.* Негласность расследования и оперативно-розыскная деятельность // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2014. № 1 (3).

100. *Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014.

101. *Лысова А.В.* Уровень и динамика женской преступности в России // Социологические исследования. Москва: Российская академия наук, 2013.

102. *Лядов А.О.* Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1997.

103. *Мадалиева С. Х., Асимов М. А., Ерназарова С.Т.* Формирование и развитие коммуникативной компетентности врача // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 2.

104. *Мазунин Я. М.* О введении результатов оперативно-розыскной деятельности в процесс доказывания // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омский юридический институт, 2010.

105. *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е. изд. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 16.

106. *Маркушин А. Г.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям. Москва: Юрайт, 2012.

107. *Мацкевич И. М.* Преступность и преступление 21-го века: точки несоприкосновения // Юридическая техника. 2017. № 11.

108. *Машков С. А.* О несоответствии наименований оперативно-розыскных мероприятий их содержанию // Пролог: журнал о праве. 2018. № 1 (17).

109. *Мещеряков В. А.* Влияние «больших данных» на облик современной криминалистики и уголовного процесса // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. Москва, 2014.

110. *Михайлов М. А.* Преступность в цыганской среде глазами Ганса Гросса. Проблемы криминалистики: сборник научных трудов. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2007.

111. *Мухаметшин Ф. Б.* Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России (IX–начало XX века): дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 2004.

112. *Нагиленко Б. Я.* О понятии результата оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2006. № 4.

113. Нетрадиционные религиозные объединения деструктивного характера и предупреждение преступлений, связанных с их деятельностью: монография / И. М. Агзамов, А. Р. Исмаилова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018.

114. *Новик Е. Ю.* Профайлинг – новое слово в борьбе с терроризмом // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: материалы XVII Международной научно-практической конференции. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015.

115. Новые вызовы преступности и противодействие ей / В. И. Тюнин [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Тюнина. Санкт-Петербург: изд-во СПб ГЭУ, 2019.

116. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018.

117. *Озеров И.Н.* Риск в оперативно-розыскной деятельности: монография. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2004.

118. *Омелин В.Н.* О дополнении определенного законом перечня оперативно-розыскных мероприятий // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 4.

119. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. Москва: Норма, 2015.

120. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / А.Г. Маркушин. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013.

121. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / Е.С. Дубоносов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013.

122. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / А.В. Шахматов, О.А. Вагин, Н.П. Водько, К.К. Горяинов, А.П. Исиченко, М.К. Каретников, В.П. Кувалдин, В.А. Лукашов, В.И. Михайлов, Б.Я. Нагиленко, А.С. Овчинский, В.С. Овчинский, С.С. Овчинский, А.В. Опалев, В.И. Попов, И.В. Путова, Д.В. Ривман, А.А. Сумин, А.В. Федоров, В.Н. Хаустов и др. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2002. 794 с.;

123. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К.К. Горянова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. Москва: Норма, 2017.

124. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2006.

125. *Осипенко А.Л.* Об отражении в оперативно-розыском законодательстве вопросов использования больших данных в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская юридическая академия, 2015.

126. *Осипенко А.Л.* Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009.

127. *Павличенко Н.В., Тамбовцев А.И.* Будущее профессии оперуполномоченный – Big Data и аналитика // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54).

128. *Павличенко Н.В., Самоделкин А.С.* Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22).

129. *Павличенко Н. В., Тамбовцев А.И.* Оперативно-разыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49).
130. *Павличенко Н. В., Тамбовцев А.И.* Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность? // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43).
131. *Павличенко Н.В.* Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт. Москва: Издательский дом И. И. Шумиловой, 2008.
132. *Парадников А. Г., Щеглов И. В., Дубинин А. С., Шаламов Г.В.* Специальные технические средства органов внутренних дел: учебное наглядное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2011.
133. *Петрова Ю.А.* Культура и стиль делового общения: учебное пособие. Москва: Гросс Медиа, 2007.
134. *Петровский А.В.* Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2005.
135. *Плотников В. В., Коротких В. Н., Кучмезов Р.Н.* Гендерные аспекты эффективности правоохранительных органов // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2020. № 2 (60).
136. *Поздняков А.Н.* Миграция и этническая преступность: причинно-следственные связи: монография. Москва, 2019.
137. *Познышев С.В.* Криминальная психология. Преступные типы. Ленинград, 1926.
138. Преступность в Российской Федерации в начале XXI века: состояние и перспективы / М. М. Бабаев, Т. И. Бахарева, С. И. Гирько, Е. К. Семенов, А. Л. Ситковский. Москва: ВНИИ МВД России, 2004.
139. *Пучкова И. О.* Техника привлечения клиентов с помощью инструментов нетворкинга // Управление продажами. 2016. № 4.
140. *Рональд Блэкборн.* Психология криминального поведения. СПб.: Питер, 2004.
141. *Румянцев Н. В., Мальчук О.И.* Развитие оперативно-розыскной деятельности с древних времен до XX века // Вестник Московского Государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 3 (742).
142. *Салекин М. С.* Расследование краж из жилища в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России, 2016.

143. *Самсонов В.А.* Оперативно-розыскное противодействие преступлениям, совершаемым этническими организованными преступными группами (по материалам Восточно-Сибирского и Дальневосточного регионов): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2005.

144. *Селезнева И.Г.* Гендерный анализ преступности (региональный аспект): монография / И. Г. Селезнева, А. С. Сухова. Волгоград: ВолгГТУ, 2019.

145. *Селиванов Н. А., Видонов Л.Г.* Типовые версии по делам об убийствах: справочное пособие. Москва, 1989.

146. *Скворцова Т.А.* Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2004.

147. *Слесаренко Л.А.* Влияние гендерных различий опрашиваемых на выявление скрываемой информации в работе полиграфолога // Вестник Тверского Государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. № 3.

148. *Смирнов А. В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

149. *Смирнов А. В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Питер, 2004.

150. *Смолова Л.В.* Сравнительный анализ удовлетворенности жилой средой жителей различных районов Санкт-Петербурга (пилотажное исследование) // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2011. Т. 16. № 2.

151. *Соболева Г.В.* Оценка риска мошеннических действий с использованием «больших данных» // Международный экономический симпозиум: материалы международных научных конференций. 2017.

152. *Соколов А. Н.* К вопросу о специальных следственных действиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2.

153. *Станкин М.И.* Психологические способы установления контактов между людьми: учебное пособие. Москва: Московский психолого-социальный ин-т, 2006.

154. *Судницын А.Б.* Негласное получение биологических образцов для сравнительного исследования при производстве по уголовному делу: альтернатива процессуальному действию или подмена

оперативно-розыскным мероприятием? // Вестник СибЮИ МВД России. 2019. № 4 (37).

155. *Тадеуш Котарбиньский*. Трактат о хорошей работе. Москва: Экономика, 1975.

156. *Тамбовцев А.И.* Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1.

157. *Тамбовцев А.И.* Негласный потенциал уголовно-процессуального законодательства России // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 2 (78).

158. *Тамбовцев А.И.* Некоторые признаки экстремистской маргинализации социальных групп и персоналий // Социально-экономические и политические корни идеологии экстремизма и терроризма: проблемы интерпретации и противодействия: материалы международной научно-практической конференции (19 июня 2015 г.). Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2015.

159. *Тамбовцев А. И., Долгошеин П.С.* Специфика компетентностного обучения и подготовки миротворцев ООН к мониторингу за деятельностью местной полиции страны пребывания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72).

160. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В.* Ограничение гласности в уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45).

161. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В.* Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, требующие судебного санкционирования: вопросы соотношения // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2017. № 3 (49).

162. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В.* Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность // Труды Академии Управления МВД России. 2017. № 3 (43).

163. *Тамбовцев А.И.* Генезис социально-правового института понятий: история, тенденции, перспективы // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 1 (77).

164. *Тамбовцев А.И.* Процедура и документальное оформление оперативно-розыскных мероприятий как критерии их доказательственного значения // Вестник СПбУ МВД России. 2018. № 3 (79).

165. *Тамбовцев А.И.* Функциональные принципы конспирации // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: сборник научных трудов. Омск: Омская академия МВД России, 2012. Вып. 10.

166. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В.* Детерминанты современных метаморфоз оперативно-розыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55).

167. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В.* Оперативно-разыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49).

168. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В.* Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, требующие судебного санкционирования: вопросы соотношения // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. 2017. № 3 (49).

169. *Тамбовцев А. И., Павличенко Н.В.* Привлечение к конфиденциальному содействию священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений: ограничения и запреты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25).

170. Теория и практика применения органами внутренних дел Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: научный доклад ВНИИ МВД России. М., 2001.

171. Теория оперативно-розыскной деятельности: краткий учебный курс / О.А. Вагин, К.К. Горяинов, А.В. Земскова, А.П. Исиченко, И.А. Климов, О.Г. Ковалев, А.И. Конов, В.А. Нетребя, В.С. Овчинский, Г.К. Синилов, А.В. Федоров, В.В. Черников. Москва: Норма, 2006.

172. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. Москва: ИНФРА-М, 2012.

173. *Тигунцева Г.Н.* Психология установления контакта педагога с подростком-правонарушителем: монография. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2011.

174. *Тихомиров А. И.* О некоторых особенностях использования конфиденциального содействия лиц в исправительных учреждениях для женщин // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4 (41).

175. *Тишутина И.В.* Новые возможности раскрытия и расследования преступлений в условиях глобальной цифровизации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 4.

176. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт: ИД Юрайт, 2012.

177. *Ударцев С.Ю.* Этапы становления и развития теории оперативно-розыскной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1 (27).

178. *Федосеев С.В.* Применение современных технологий больших данных в правовой сфере // Правовая информатика. 2018. № 4.

179. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1902.

180. *Хромов И.Л.* Оперативно-розыскные основы борьбы с преступностью иностранных граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2007.

181. *Чернышева Ю.А.* Права человека в условиях цифровизации общества [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. № 4 (9). doi: 10.17759/psylaw.2019090407.

182. *Чехходзе Р.Г.* Этнические аспекты преступности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омский юридический институт МВД России, 1999.

183. *Чечетин А.Е.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. Москва: Издательский дом И. И. Шумиловой, 2006.

184. *Чечетин А.Е.* Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2016.

185. *Чечетин А.Е.* Теоретические и правовые проблемы оперативно-розыскных мероприятий: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2005.

186. *Чудиновских О.С.* Оценки масштабов нелегальной миграции в России: возможные подходы и источники информации // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 1.

187. *Чуфаровский Ю.В.* Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2003.

188. *Шаталов А.С.* Использование в сыске специальных технических средств: правовые и организационные вопросы // Практика уголовного сыска: научно-практический сборник. Москва: Лига Разум, 1999.

189. *Шахматов А.В.* Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (историко-правовое исследование российского опыта): дис. ... д-ра. юрид. наук. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2005.

190. *Шиенок В. П.* К вопросу о содержании реализации принципа соблюдения конспирации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Пути совершенствования оперативно-розыскной деятельности в условиях правовой реформы: сборник научных трудов. Минск: Академия милиции МВД Республики Беларусь, 1993.

191. *Ширванов А. А., Ващенко О.Ю.* Предложения о дополнении определенного законом перечня оперативно-розыскных мероприятий // Научный портал МВД России. 2010. № 3 (11).

192. *Шумилов А.Ю.* Оперативно-розыскная деятельность в схемах: наглядное пособие. Москва, 1998.

193. *Шумилов А.Ю.* Основы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности: спецкурс лекций. Сер. Библиотека оперативника (открытый фонд). Москва: Индивидуальный предприниматель И. И. Шумилова, 1998.

194. *Шумилов А.Ю.* Реформа уголовного процесса в России не завершена // Оперативник (сыщик). 2012. № 1 (30).

195. Юридическая психология: учебник для студентов вузов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / И. Б. Лебедев и др., под ред. В. Я. Кикотя. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.

196. *Якупов Р.Х.* Наука об оперативно-розыскной деятельности в России: этапы и перспективы развития // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 4 (31).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

*Научное издание*

**Тамбовцев** Андрей Иванович  
**Павличенко** Николай Владимирович

**ЭВОЛЮЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ  
МЕРОПРИЯТИЙ**

*Монография*

Редактор *Д. В. Алентьев*  
Верстка *А. А. Мельниковой*

Подписано в печать 14.07.2021. Формат 60x84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Усл. печ. л. 9,30. Уч.изд. л. 7,69. Тираж 50 экз. Заказ № 30у.

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО  
Академии управления МВД России.  
125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907187-77-1

